

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
ЦЕНТР РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЮЖНОРОССИЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВЫПУСК 97

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Отв. редактор Добаев И.П.

Ростов-на-Дону
Фонд науки и образования
2018

УДК 930
ББК 63.3(29=)
А43

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор Акаев В.Х.
доктор политических наук, профессор Боташева А.К.
доктор исторических наук, профессор Дзидзоев В.Д.

А43 Актуальные проблемы Северного Кавказа : сб. науч. ст. / ЦРИ ИСиР ЮФУ. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2018. – Вып. 97. – 226 с.

ISBN 978-5-6041226-8-6

Сборник научных статей «Актуальные проблемы Северного Кавказа» посвящается памяти ушедшего из жизни товарища и коллеги – профессора Виктора Владимировича Черноуса, авторитетного отечественного ученого-кавказоведа.

Адресуется студентам, аспирантам и преподавателям высших учебных заведений, учителям средних и средних специальных учебных заведений, а также широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-6041226-8-6

СОДЕРЖАНИЕ

Светлой памяти профессора Виктора Владимировича Черноуса.....	5
Юсупова Г.И. Памяти профессора В.В. Черноуса.....	7
Абдулагатов З.М. Дагестан и Татарстан: две тенденции в конфессионально-государственных отношениях, определяемых российским исламом.....	11
Авидзба А.Ф. Об «Абхазском письме» 1977 года.....	32
Акаев В.Х. Кавказские исследования профессора В.В.Черноуса в контексте цивилизационного подхода.....	48
Белусов В.М. Административно-территориальная динамика России, как «бремя пространства».....	64
Гавриш Г.Б. Пространственно-временная модель Кавказа в условиях глобализации.....	68
Дегоев В.В. «Черкесский вопрос» и «Большая Игра» на Кавказе.....	84
Добаев И.П. Причины и последствия раскола мусульманской элиты на Северном Кавказе.....	92
Кузьминов П.А., Мамсиров Х.Б. Виктор Владимирович Черноус – звезда исторического кавказоведения.....	116
Магомадов С.С. Поиск адекватной парадигмы в исследованиях истории Кавказа.....	139
Магомедова М.З. Этнокультурное пространство Северного Кавказа в условиях социальных трансформаций.....	146
Надеин-Раевский В.А. Турецкая политика на Кавказе: прошлое и современность.....	165

Патеев Р.Ф. Роль исламского фактора в современном адыгском движении.....	175
Попов Э.А. Северный Кавказ и конфликт в Донбассе гуманитарный и военно-пропагандистский аспекты.....	189
Салакая С.Ш. Роль русских исследователей в становлении исторической науки в Абхазии.....	208
Трапш Н.А. Развитие государственных институтов в Абхазии и северокавказских субъектах РФ: опыт компаративистского анализа.....	218

**Светлой памяти профессора
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета
ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА ЧЕРНОУСА**

Научное сообщество Юга России понесло невосполнимую утрату.

8 февраля 2018 г. на 69-ом году жизни скоропостижно скончался профессор Института социологии и регионоведения ЮФУ Черноус Виктор Владимирович (17.10.1949 – 08.02.2018).

Виктор Владимирович родился 17 октября 1949 г. в Кронштадте. В 1973 г. окончил исторический факультет Ростовского государственного университета, работал в Северо-Кавказском научном центре высшей школы, в Северо-Кавказской академии государственной службы, где защитил диссертацию «Правящие элиты традиционного общества России (политологический аспект)». С 1999 г. до последнего дня своей жизни работал в Институте Социологии и регионоведения ЮФУ. В разные годы Виктор Владимирович был заместителем директора института по науке, заведующим кафедрой конфликтологии и национальной безопасности, директором Центра системных региональных исследований и прогнозирования, заведующим отделом политологии и социологии политики Кавказа Южнороссийского филиала Института социологии РАН, ответственным редактором серии «Южнороссийское обозрение», заместителем главного редактора журнала «Научная мысль Кавказа», членом редколлегии журналов «Известия вузов. Северо-Кавказский регион», «Южно-российский форум», информационно-аналитического издания «Геополитика» (МГУ), ежегодников Ассоциации по комплексному изучению русской нации» (АКИРН).

Виктор Владимирович был признанным кавказоведом, авторитетным учёным в области элитологии, в центре его внимания находились проблемы русского народа и славяноведения. Своей

научной и организационной деятельностью Виктор Владимирович заслужил признание и авторитет в научном сообществе кавказоведов в России и далеко за её пределами. Виктор Владимирович являлся одним из основателей и бессменным организатором авторитетного научного форума историков-кавказоведов, разработчиком этического Кодекса учёного-кавказоведа. Виктор Владимирович знал, любил и понимал Кавказ, обладал талантом в научных дискуссиях находить истину, примирять, порой непримиримых в своих позициях учёных-кавказоведов, за что его ценили, любили и уважали. Виктор Владимирович был русским православным человеком, много сил отдавшим укреплению мира, дружбы и согласия на Кавказе

Черноус Виктор Владимирович был заботливым мужем и отцом, нежным любящим дедушкой, замечательным коллегой, надёжным другом, верным товарищем, терпеливым наставником, мудрым учителем. Светлая память о Черноусе Викторе Владимировиче навсегда останется в наших сердцах.

*Коллектив Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета*

Памяти Виктора Владимировича Черноуса

8 февраля этого года скончался известный кавказовед, директор Центра системных региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, кандидат политических наук, профессор Виктор Владимирович Черноус. Символично, что это произошло именно в день российской науки. Вся жизнь и трудовая деятельность Виктора Владимировича были связаны с наукой.

Закончив в 1973 году исторический факультет Ростовского государственного факультета, Виктор Владимирович начал свою трудовую деятельность в Северо-Кавказском научном центре ВШ. С сентября 1999 года он работал в Институте переподготовки педагогических кадров Ростовского государственного университета – ныне Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета. Много лет Виктор Черноус являлся директором Центра системных региональных исследований Института социологии и регионоведения ЮФУ, заместителем директора ЮРФИС РАН.

Имя Виктора Владимировича Черноуса было хорошо известно в научных кругах Российской Федерации. Особенно тесные научные контакты поддерживали с ним многие ученые, аспиранты субъектов Северного Кавказа, так как круг его научных изысканий охватывал актуальные проблемы современной геополитики Кавказа и России, этнополитических и этноконфессиональных процессов на Юге России, цивилизационно-культурного взаимодействия на Кавказе, противодействия этническому сепаратизму, национализму, религиозно-политическому экстремизму и терроризму на Северном Кавказе.

Ученые Юга России всегда занимали активную позицию в политическом процессе. «Постсоветский период для Юга России стал временем серьезных потрясений: обвальная демодернизация региона, ускоренная реисламизация в республиках на Северном Кавказе, неэффективность этнокланократий, исход русского народа

и наиболее успешных представителей титульных народов, акцентированное «внимание» внешних акторов и т.п.

Определенная заслуга в том, что народы Северного Кавказа в очередной раз подтвердили выбор своей российской судьбы, принадлежит ученым – гуманитариям, которые сумели соединить защиту безопасности и социокультурного развития малочисленных народов Северного Кавказа с российской многонациональной. Но целостной по основополагающим ценностям и перспективам идентичности. Эта позиция определялась историческим опытом народов региона, традициями политики в сфере науки. Образования. Культуры, которые заложил в 60-80-е годы и отстаивал на рубеже 20-21 вв. Ю.В. Жданов и его соратники во всех субъектах Российской Федерации на Юге России и Северном Кавказе, личным выбором и жизненными устремлениями самих ученых»¹.

Интересно, что данная цитата взята из предисловия к сборнику статей, посвященному памяти ведущих ученых Дагестана Гурии Мурклинской и Кафлана Ханбабаева, изданному в 2012 году. Бесспорно, что Виктор Владимирович Черноус и сам принадлежит к числу ученых-гуманистов, которые внесли существенный вклад в укрепление целостности и безопасности Российской Федерации, формирование общероссийской гражданской идентичности и патриотизма.

На наш взгляд, В.В. Черноус внес также большой вклад в пропаганду и распространение научных публикаций, взглядов известных ученых Республики Дагестан. К примеру, в издаваемой под его руководством серии «Южнороссийское обозрение» были опубликованы работы как известных, так и начинающих ученых Дагестана. Вышли научные работы М.М. Гусаева, З.С. Арухова, К.М. Ханбабаева, Г.А. Мурклинской, З.М. Махуловой,

¹ Добаев И.П., Черноус В.В. Ученые и политический процесс на Юге России // Исламский фактор на юге России / Южнороссийское обозрение центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Выпуск 72. - Москва - Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2012. - С. 5.

Э.М. Магарамова, М.И. Билалова, З.М. Мбдулагатова, М.З. Магомедовой и других.

В 2012 году вышел сборник научных статей, посвященный памяти Г. Мурклинской и К. Ханбабаева, которых Виктор Владимирович совершенно справедливо называет «людьми гуманитарной профессии, посвятившими свою жизнь миротворчеству в Дагестане и на Кавказе».

В своих многочисленных научных публикациях (он являлся автором 465 научных и учебно-методических публикаций, ответственным или научным редактором 86 книг) В.В. Черноус обосновал концепцию кавказской горской цивилизации. В начале девяностых годов прошлого столетия, в условиях кризиса теоретико-методологического обоснования социально-гуманитарного знания, он одним из первых в нашей стране применил цивилизационный подход к истории Кавказа при сохранении традиций системного анализа, характерного для исследований в рамках формационной методологии.

По мнению В.В. Черноуса, «к Кавказу вполне применима методология, разработанная в рамках теории локальных цивилизаций, признающей полицентричность всемирно-исторического процесса»². Понимая под цивилизацией «развивающийся, но устойчивый в своих основных типологических чертах и архетипах духовный, социокультурный и хозяйственный этнорегиональный комплекс, он выделяет его системообразующие характеристики. В качестве ведущих выделены религиозно-нравственное мировоззрение, система этнонациональных ценностей и табуирования, природно-ландшафтные условия и способы хозяйствования, формы государственно-политической организации, самоуправления и правоотношений.

«Они проявляются в определенных пространственно-временных рамках уникально, разновекторно, получают различную

² Черноус В.В. Кавказ в системе евразийской безопасности от биполярности через атлантизм к глобальной безопасности // Кавказский регион: пути стабилизации. Доклады международной научной конференции. Ответственный редактор Ю.Г. Волков. - Ростов-на-Дону: Издательство РГУ, 2004. - С. 53.

иерархию, что и находит выражение в рождении и развитии самобытных региональных цивилизаций. Их индивидуальность заключается прежде всего в особенностях мышления, восприятия окружающей среды, действительности. способах ее отображения, в ценностных приоритетах, характере труда и социальной практики.

На всех этапах развития человечества региональные (локальные) цивилизации – подсистемы составляют единую общепланетарную цивилизацию, которая является сложной, но целостной надорганической системой. Цивилизационная парадигма заложила основы для применения к исследованию сложных, неустойчивых социальных систем (в качестве которых можно рассматривать региональные цивилизации) системно-синергетической методологии.

Рассматривая в геополитическом отношении Кавказско-Каспийско-Черноморский регион как единое целое, Виктор Владимирович связывал проблему региональной безопасности с проблемой формирования региональных идентичностей, цивилизационно-культурной и исторической идентичностью Кавказа.

Значимость научных трудов В.В. Черноуса, на наш взгляд, состоит также и в том, что, поднимая определенную научную проблему, он инициировал дальнейшие научные поиски в новом русле, вдохновлял молодых ученых, заражая их своим трудолюбием, новаторским подходом, интеллектуальным размахом настоящего ученого-гуманиста.

От имени дагестанского научного сообщества, сотрудников Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН выражаем искренние соболезнования по поводу смерти Виктора Владимировича Черноуса, с именем которого у многих дагестанских ученых связаны самые добрые воспоминания и благодарность.

*Г.И. Юсупова – главный научный сотрудник РЦЭИ ДНЦ РАН,
д.филос.н. профессор кафедры философии и
иностранных языков ДНЦ РАН*

Абдулагатов Заид Магомедович,
кандидат исторических наук,
заведующий отделом социологии Института истории,
этнографии и археологии Дагестанского научного центра
Российской академии наук,
Махачкала, Республика Дагестан

**Дагестан и Татарстан: две тенденции
в конфессионально-государственных отношениях,
определяемых российским исламом**

Дагестан и Татарстан – республики с преимущественно мусульманским населением. Их выбор для анализа современных тенденций во взаимоотношениях российского ислама с государством не случаен. Можно сказать, что ислам в Дагестане выражает основные черты ислама на Северном Кавказе, где проживают около 4,5 млн. этнических мусульман. Из них более 40% – это представители дагестанских народов. Дагестанский ислам имеет общие исторические судьбы с исламом в соседних Северо-Кавказских республиках. Это особенно сильно выражено в истории Кавказской войны (20-е–50-е гг. XIX в.), и в Советской истории, в котором деятельность религиозных исламских организаций координировался Духовным управлением мусульман Северного Кавказа (с мая 1944 г. по январь 1990 г.). Деятельность религиозных исламских организаций на Северном Кавказе в настоящее время также координируется из единого Координационного центра мусульман Северного Кавказа (КЦМСК). КЦМСК работает по системе сопредседателей, которые поочередно руководят деятельностью центра сроками в три года.

Возможность анализа государственно-конфессиональных отношений на Северном Кавказе на примере Дагестана обусловлена и тем, что многие адаты населяющих его этносов весьма схожи. Это различные запреты – избегания, обычаи кровной мести, побратимства, куначества, аталычества, гостеприимства и др.

Важно и то, что в Дагестане и в соседних республиках наиболее распространенным суннитским мазхабом является шафиитский. Наконец, современные проблемы исламского экстремизма наиболее сильно повлияли на взаимоотношения ислама и государства именно на Северном Кавказе, в частности, в Дагестане. Эта проблема стала общей для северокавказских республик. Дагестан оказался первой из республик Северного Кавказа, который принял, так называемый, антиваххабитский закон (сентябрь 1999 г.). Вслед за Дагестаном такие законы были приняты в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, в Республике Ингушетия, наложен запрет ваххабизму и в Республике Чечня.

По тем или иным причинам можно говорить о том, что Дагестан «является моделью Северного Кавказа» [1].

Одна из особенностей дагестанского ислама (или ислама в Дагестане) заключается в том, что его функционирование, в отличие от татарского, проходило, в тяжелых социально-экономических условиях жизни верующих, особенно в горной и предгорной зонах. В обществоведческой литературе, в кавказоведении, существует точка зрения, согласно которой традиции дагестанского горского общества рисуются как отмирающие патриархальные и полупатриархальные пережитки. Эта точка зрения, как справедливо замечают отдельные авторы, не вполне соответствует действительности. Общинные традиции в горной зоне Дагестана оказались устойчивыми. Эта устойчивость во многом объясняется удаленностью и труднодоступностью большинства населенных пунктов горного Дагестана. По этой причине те или иные реформы проходили здесь с большим запозданием. Например, дореволюционное административное и религиозное устройство Северо-западного Дагестана с незначительными изменениями сохранилось до 1927 г. Сплошная коллективизация была осуществлена здесь почти на десятилетие позже, чем в целом в СССР, – в 1939–1940 гг. Современная дорожная сеть, связывающая нагорный Дагестан с Плоскостью, появилась довольно поздно, уже в конце 1940-х–1960-х гг. Причем,

до сих пор связи с этим регионом значительно ослабляются зимой и ранней весной, во время сильных снегопадов и селей [2]. Все это не могло не способствовать к лучшему сохранению традиционного религиозного мировоззрения, религиозных исламских традиций, которые в советское время не могли проявить себя в полной мере. А традиционное религиозное мировоззрение не могло не отразить в себе историю, условия жизни населения на данной территории.

Исламский фундаментализм – это форма социального протеста и социального иммунитета исламских религиозных общин. Одна из его целей – архаизация общественных отношений – имущественных, нравственных, религиозных и др. – под лозунгами возврата к истинной, чистой религии предков. Используемая в этих целях идеология исламского фундаментализма имеет колоссальные консолидирующие возможности. В своих крайних проявлениях исламский фундаментализм приобретает формы религиозного экстремизма. Имеет место мнение, что «ваххабизм является религиозно-правовым учением, традиционным для дагестанского региона. Какие-то признаки ханбалитского мазхаба, принципы «чистого ислама» присутствовали уже в идеологии движения под руководством Имама Шамиля» [3].

Утверждение о том, что ваххабизм есть традиционное для Дагестана религиозно-правовое учение нельзя считать соответствующим действительности. Но, идеи исламского фундаментализма в Дагестане действительно имеют свои традиции, и они связаны в большей степени суровыми условиями жизни предгорного и горного населения региона. Естественно, что духовно-конфессиональное наследие, закрепившееся в исторической памяти народов Дагестана как источник героизма в борьбе против многочисленных внешних врагов, в Кавказской войне, как духовная опора в преодолении тягостей повседневной жизни, не могло не иметь аскетические, ригористические элементы. Они и по сей день проявляются как в конфессиональном сознании рядовых верующих, так и исламского духовенства республики.

В отношении рядовых верующих это обстоятельство проявляется в следующем.

1. 20,4% опрошенных в Дагестане характеризуют ваххабизм как течение в Исламе, которое требует упрощения, облегчения религиозной жизни запретами на различные обряды (поклонение святым, пышные похороны и др.). В предгорной зоне этот показатель еще выше – 28,7%.

2. В горной зоне Дагестана значительно больше людей, считающих ваххабизм «реакцией мусульман на несправедливость в отношении ислама, его носителей, со стороны государства» – 20,8% (против 12,8% в общей выборке).

3. Позиция «Ваххабизм – это движение в исламе, которое требует лишь свободу в вероисповедании, без каких-либо политических требований», оказалась достаточно высоко поддержанной в Ботлихском районе, там, где шли военные действия в 1999 г., и где по настоящее время сохраняется напряженная обстановка – 41,2%.

4. Дагестанцы, которые сильно пострадали от идей экстремистского ваххабизма, тем не менее, видят в ваххабизме религиозное, мусульманское содержание больше, чем татарские мусульмане (в Дагестане – 22,1%, в Казани – 17,7%).

5. Одной из актуальных проблем исламского возрождения в Дагестане, да и во всей России, является проблема взаимоотношений стремительно изменяющегося мира и мусульманского мировоззрения, основанного на исламских догмах. В целях выяснения отношения верующих к данной проблеме, респондентам был предложен вопрос: «Если Вы считаете возможным, то просим Вас выбрать одно из утверждений:

а) мусульманская религия для всех мусульман должна быть такой, какой она была при пророке Мухаммаде;

б) мусульманская религия не может оставаться такой, какой она была при пророке Мухаммаде, так как жизнь изменилась;

в) затрудняюсь ответить».

Среди дагестанцев 54,5% ответивших на данный вопрос считает, что «мусульманская религия для всех мусульман должна быть такой, какой она была при пророке Мухаммаде» (Горная зона – 52,8%; Предгорье – 82%; Равнина – 47,5%). Нужно особо отметить, что эта позиция есть одна из составляющих фундаменталистской и ваххабитской идеологий. Лишь четверть ответивших (24,9%) придерживаются более гибкой точки зрения исламского модернизма: наибольший процент «фундаменталистской» позиции в общей выборке по Дагестану оказался в предгорной зоне – 82%. По этому же показателю сельские районы значительно опережают города республики – 60,9% и 42,7% соответственно.

Опрос показал, что именно та группа респондентов, которая состоит из верующих, постоянно совершающих намаз, оказалась наиболее «фундаменталистской». Среди этой группы наиболее высок показатель предгорья (куда входит и Карамахинская зона) – 90,3%, и сельских районов – 83,7%. Среди молящихся изредка эти показатели значительно ниже: 50,0% и 42,4% соответственно.

Данные социологического опроса подтверждают наличие в дагестанском исламском сознании фундаменталистских идей. Это – реальная возможность, благодатная среда, для успешной пропаганды идей ваххабизма.

Нужно также подчеркнуть, что высокая степень «фундаментализма» ни в коей мере не говорит об экстремистских пристрастиях верующих. Таковыми они могут стать при определенном дальнейшем развитии религиозного сознания в кризисных социально-экономических, социально-политических условиях, в условиях, где затребована та или иная форма социального протеста. Нечто подобное, не без влияния иностранных религиозных неправительственных организаций, произошло в Дагестане.

Неприятие модернизации ислама в массовом сознании само по себе, без внешнего политизирующего влияния, не несет особой социально-политической опасности. Это обусловлено и тем, что

бытовой, народный ислам, будучи составляющей обыденного сознания, общественной психологии не всегда последователен, самосогласован в практической реализации идеи возврата к мусульманским ценностям раннего средневековья. Он допускает не только новшества в религиозном поведении определяемые общественным прогрессом, но и присутствие в нем рудиментов языческих верований. Это, как правило, делается неосознанно. Другое дело, исламский фундаментализм как явление исламской идеологии. В условиях Дагестана их, идей фундаментализма, достаточно четко выдерживают и проводят в жизнь представители ДУМД, алимы и отдельные, с достаточно высоким мусульманским образованием, верующие.

Вопрос о том, какими должны быть взаимоотношения ислама и государства в Дагестане приобрел большую остроту в связи с усилением фундаменталистских тенденций, определяемых ДУМД, в последнее время. Дагестанская интеллигенция, которая в целом, отвернулась от вопросов исламского возрождения в республике, постепенно вовлекается в дискуссии с представителями исламского духовенства, где активно обсуждаются взаимоотношения ислама, общества и государства. Эти дискуссии показали, что лидеры дагестанского ислама формируют исламское сознание в республике в ущерб общепризнанным светским ценностям. Они стремятся сакрализировать отдельные общественные институты, т.е. стремятся иметь право на санкционирование тех или иных общественных явлений. Одним из действий ДУМД такого рода явилось наложение запрета на аудио-, видео-, фото продукцию на религиозную тематику, запрет на «продажу и распространение всех дословных переводов Корана и Хадисов, начиная с переводов Крачковского, заканчивая переводом Валерии Пороховой» [4]. Экспертный Совет ДУМД начал проводить рейды по республике по уничтожению литературы «антиисламского» толкования [5]. В частности, изымались из магазинов переводы Корана, выполненные известным ученым, лауреатом Государственной премии России Мухаммад-Нури Османовым. Все эти действия подкреплялись со ссылками на

Закон РД «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» [6]. ДУМД практически взял на себя отдельные функции государственных органов: вместо правовых органов решает вопросы о том какая литература ваххабитская; принимает практические шаги, нарушающие законные права частных лиц (продажу книг, изданных по решению государственных органов в частных и государственных магазинах); привлекает для исполнения не санкционированных властью решений подразделения силовых структур. Примеры вторжения духовых лиц в сферу государственных прерогатив, с целью архаизации общественных норм, отношений, с целью мировоззренческой переориентации воспитательной работы в школах, вузах многочисленны [7]. Органы государственного надзора редко вмешиваются в слуги нарушений закона о религии со стороны религиозных организаций, их представителей. В случае запрета переводов Корана, когда уже молчать было невозможно, прокуратура РД все же высказалась: «У ДУМДа нет полномочий называть те или иные переводы Корана ваххабитскими и определять, подлежат они реализации или нет» [8]. Комментируя данную оценку, заместитель муфтия Ахмад-Хаджи Тагаев ответил: «Я видел светские суды... Мы больше полагаемся на Аллаха, чем на людей» [9].

Примеры такого рода, которые здесь не приведены полностью, доказывают одно: линия официального ислама (ислама, признаваемого и поддерживаемого государством) направлены не на адаптацию к новым жизненным условиям, не к признанию общепринятых светских ценностей, не к признанию принципа свободы совести, свободы выбора мировоззрения, а на реализацию в общественной жизни коранических и суннитских установок в их фундаменталистском истолковании.

Как показывает более близкое знакомство с конфессиональными установками духовных лидеров Дагестана, это явление не случайно. Фундаментализм определяет особые отношения конфессий с государством. Эта особенность для

дагестанских шафиитов выразилось в их отношении к идее необходимости изменений в исламе через новые толкования Корана, Сунны. Эти изменения, будучи более адекватны к новым условиям жизни, должны были бы помогать верующему воспринять ранее неизвестные явления жизни согласно основным положениям ислама. А если надо, то и отойти от старых, изживших себя конфессиональных норм.

Процедура обнаружения и решения новых, не решенных предшественниками вопросов так, чтобы эти решения одновременно опирались на ислам и поддерживали его, в исламе связывают с понятием иджтихада. Приятие или не приятие иджтихада, а если он принимается религиозным сообществом, то характер его понимания – основной критерий готовности данного сообщества к признанию светских ценностей в перспективе их развития. Это критерий способности к толерантным отношениям к тем или иным светским нормам в государстве, критерий значимости «этого мира», интересов человека в «этом мире» с точки зрения исходных конфессиональных ценностей.

Татарский ислам в лице ханафитского мазхаба и джадидизма и дагестанский шафиитский мазхаб дают противоположные ответы на эти вопросы. Это видно из завязавшейся в конце 2003 г. дискуссии на страницах печатных СМИ в Дагестане [10].

Газета «Дагестанцы» в двух номерах перепечатала статью директора Института Истории Академии наук Татарстана, государственного советника по политическим вопросам при президенте Татарстана Рафаэля Хакимова, опубликованную в газете «Время новостей» за №217 2003 года. Автор статьи является одним из поборников джадидизма – обновленческого ислама.

Идеи джадидизма, которые стали возможны благодаря «открытию дверей иджтихада», в современном Татарстане получили новый импульс своего развития. Пересказывая и развивая идеи джадидизма Р. Хакимов останавливается на следующих моментах джадидистского мировоззрения:

1. Сложился стереотип, одинаково свойственный мусульманам и не мусульманам: ислам един, у него не может быть ни этнических, ни географических, ни каких-либо иных форм. Этот тезис может существовать с прямо противоположным утверждением о своеобразии исламских традиций у разных народов.

2. Мазхабы, появившись в IX–XI веках в ходе естественного развития ислама, впоследствии были канонизированы, и с тех пор основными чертами ислама стали неукоснительное следование авторитетным учениям правовых школ (таклид), а также запрет на новые толкования Корана, **что консервировало мысль и общественные отношения. Понятие прогресса стало чуждым исламу.** В то же время известны слова пророка Мухаммада: «Воистину, Аллах в начале каждого столетия будет посылать умме человека для обновления религии». Как сочетать данное предписание со слепым подражанием – таклидам? Одно исключает другое. Для обновления требуется самостоятельное критическое мышление – иджтихад. «Заккрытие врат иджтихада» – это запрет на критическое аналитическое мышление. Это предположение того, что жизнь остановилась и в мире не происходит ничего принципиально нового.

3. Мусульманские правоведы делят аяты Корана на мекканские (до 622 г.) и мединские (после 622 г.). В мекканский период жизни Пророка (609– 622) аяты Корана были обращены ко всем людям. Там нет различий в правах мужчин и женщин, запрещается применение силы для обращения в ислам, ясно выражено терпимое отношение к людям других религий. Но уже в мединский период Коран предписывает арабам: «Убивайте их (язычников) всюду, где встретите, и выгоняйте отовсюду, откуда они вас выгнали» [2:191]. Утверждается неравноправие женщин: «Мужчины выше женщин...» [4:34].

Мусульманские правоведы посчитали аяты мекканского периода отмененными, как более ранние, но сам пророк не исключал их из текста Корана. Как известно, под его

непосредственным контролем были подготовлены главные учителя Корана. Мухаммед очень внимательно следил за правильностью заучивания сур. Дело не в том, что одни стихи объявлялись отмененными, а другие действительными, следует понять, что они обращены к разным аудиториям, к разным эпохам. Это исключительно важно с точки зрения современности.

Ваххабизм ориентируется на насилие в борьбе с другими религиями и даже течениями в исламе. Призывая к «чистоте ислама», он на самом деле следует ханбалитской интерпретации в ее крайнем выражении с полным отрицанием рационализма: Коран якобы понять нельзя, в него можно только уверовать. Тем самым утверждается традиционализм, не признающий никаких новых явлений. Но времена меняются, а вместе с тем и многие положения нуждаются в современном толковании.

4. В богословской литературе считается, что есть те, кто достоин, и те, кто недостоин, анализировать Священную книгу. Трактовкой ислама якобы должны заниматься только избранные. Сегодня, в условиях всеобщей грамотности и доступности высшего образования, как считает Р. Хакимов, каждый может самостоятельно изучать Коран, причем на родном языке.

5. Об исламе в основном судят по ритуалам, которые несли важную социальную функцию, особенно в условиях Средневековья. Сегодня многие исторические нормы потеряли свою значимость. Например, запрет рисовать образ человека был связан с конкретным периодом в становлении ислама, когда велась борьба с идолами. Но сегодня нет необходимости расстреливать из пушек изваяния Будды, как это сделали талибы в Афганистане, чтобы доказать свою правоверность. Дикость и ислам не совместимы. Господь не любит слепого поклонения. Пророк Мухаммед сказал: «Аллах не любит не нужного фанатизма и крайностей в проявлении веры» [11].

Эти и другие положения из статьи Р. Хакимова были подвергнуты жесткой критике редактором аварской версии газеты ДУМД «Ас-салам» Ш. Мухидиновым. Основные удары наносились

по «краеугольному камню» джадидизма – идее нового иджтихада. В кратком виде эта критика сводится к следующему.

1. Исламские нормы, пришедшие к нам через пророка Мухаммаа от Аллаха, не могут иметь исторический характер.

2. Новые толкования Корана, Сунны не нужны. «Только Аллах в праве модернизировать, изменить что-то в Исламе». Закрывание врат иджтихада не зависит от воли людей.

3. Иджтихад был. Муджтахиды (те, кто имели право на толкование Корана, Сунны) всех четырех правовых школ «произвели анализ всех религиозных проблем, только человечество, не изучая их, не живя по ним, стремится найти свои новые пути, которые ведут к заблуждению, в конечном итоге к регрессу».

4. Критическое мышление, иджтихад привели ваххабитов к терроризму, к экстремизму. А современных толкователей Корана оно может привести в лучшем случае к отказу от ритуальной части ислама: от намаза, от поста, от других. В худшем случае – антиисламизму.

5. «Даже самые высокие технологии, самые лучшие творения человеческого гения служат во вред человеческому, если за ними стоят силы, не верующие в Аллаха и идущие по пути заблуждения».

6. «Размышлять над толкованием Корана будут только те, кто не верят или сомневаются в Создателе и в загробном мире» [12].

Эти положения можно было бы без особых натяжек отнести к характеристикам исламского фундаментализма. Они находят поддержку среди духовных лидеров мусульман в республике. В частности, заместитель муфтия РД Ахмад-хаджи Тагаев задается вопросом: «...что они собираются реформировать и обновлять? Не Коран ли? Или может Сунну? ..., по-моему, они ратуют за повторение августа 1999 года» [13]. Это в ответ Варисову З. и Курбанову Р., которые, следуя за джадидистами, считают необходимым «пересмотреть все прежние трактовки ислама...», так как «дагестанский ислам постепенно скатывается к полной стагнации и вырождению...». Он не готов ответить на новые

вызовы истории и утратила инициативу в выработке жизнеспособных социально-экономических и общественно-политических моделей [14].

Не может не вызвать интереса сам характер дискуссии сторонников и противников реформы ислама. Со стороны дагестанского духовенства наблюдается полное отсутствие необходимого для обсуждения такого важного вопроса рационализма. В данном, философском понимании этого понятия, имеется в виду достаточная аргументированность, логичность, понятность доводов, которые в итоге могут дать требуемую доказательность. Например, Р. Хакимов, говоря о татарском исламе, объясняет его специфику историческими обстоятельствами следующего характера:

а) Татары, в силу ряда исторических причин, оказались в специфических условиях, требовавших особого напряжения интеллектуальных и физических сил. В частности, в православной Российской империи им было запрещено создавать светские учебные заведения. Образование на татарском языке могло быть только религиозным, вследствие чего ведущие медресе стали средоточием самой передовой мысли;

б) Государство не вмешивалось в ислам, поскольку считало себя ответственным только за православие. Это создало атмосферу свободного развития татарского богословия. Такая ситуация не могла сложиться ни в одной мусульманской стране, где правители неизбежно диктовали свои условия совету улемов (ученые-богословы), который был вынужден подстраиваться под интересы сильных мира сего. «Для татар модернизация стала внутренним и логичным процессом развития самого ислама».

в) Мусульманское сообщество существует как цивилизация, объединяющая людей одной веры. Но у каждого народа специфические условия существования. Татары волею судьбы оказались северным форпостом ислама, они находятся на границе Запада и Востока не только географически, но и в культурном плане.

Этим во многом объясняются особенности исламской субцивилизации в Татарстане [15].

По Р. Хакимову «ислам не монолит» и по наличию противоречий между аятами «Мансух» и «Насих» и по историческим судьбам народов его исповедующих.

Доводы противоположной стороны весьма скудные и сводятся к тому, что «это не так». Ш. Мухидинов, иронизируя по поводу высказываний Р. Хакимова, пишет: «По мнению автора получается, что имам аль-Ханафи толковал Коран и Сунну и вывел свои суждения в угоду татарскому народу, по его потребности...» [16].

Во-первых, Р. Хакимов не утверждает, что аль-Ханафи основал мазхаб специально для татар, тем более что первые ханафиты появились в Ираке в VIII в., задолго до принятия ислама татарами (922 г.). Во-вторых, по утверждениям татарских ученых, татары сознательно выбрали данный мазхаб, который имеет свои особенности. В частности, он дает значительные послабления в быту, допускает широкое применение обычного права ('УРФ) как вспомогательного, но независимого источника права, что позволяет упрощать деловые отношения, вступать в деловые и бытовые контакты с иноверцами. А татары жили в окружении иноверцев. Это мазхаб, в котором максимально выражена по сравнению с другими, терпимость.

Примеры выбора веры «по себе» народами не единичны. Так, московский князь Владимир в свое время отказался принять Ислам в частности и потому, что в «ентом Исламе бухати воспрещалось, а на Руси есть великие пити, и не может без того быти». Зато, Казанский хан Герей перешел в православие лишь потому, что, несмотря на многочисленные молитвы в мечети, Аллах ему не помог удержать Казань (взятие Казани в 1552 г.).

Тот или иной народ вращал в свою культуру через свою религию веками и даже тысячелетиями. Желание прервать этот процесс со ссылками на то, что Коран и Сунна едины, противоречит историческим процессам.

Нет рационального ответа у дагестанских шафиитов и на вопросы, вытекающие из хадиса пророка Мухаммада о том, что в начале каждого столетия Аллах будет посылать умме человека для обновления веры. Если такие люди были после X в., после «закрытия врат иджтихада», то кто они? Кто, в частности, это сделал в XX веке? Если «закрытие врат иджтихада» не зависит от воли людей – оно в компетенции только Всевышнего – означает ли это, что джадидизм есть явление, идущее против воли Аллаха? И кто тот всезнающий, который определит, когда они, врата иджтихада, открыты, а когда нет? И, наконец, если врата иджтихада остаются закрытыми, означает ли это, что предсказание Пророка не сбылось? Рационального ответа на эти вопросы, которые вытекают из позиции Р. Хакимова, у его оппонентов нет.

Следует отметить, что подобными вопросами задавались и задаются многие исламские ученые, плодотворно разрабатывающие теоретические вопросы Ислама: каким образом ее, дверь «иджтихада», закрыли? Кто из имамов сказал, что никто из мусульман после него не имеет права искать и находить тот путь, который отвечает верному, указанному Кораном пути? [17]

Различия между дагестанским и татарским исламом наблюдается в оценках иджтихада с точки зрения его роли в возникновении ваххабизма. Любое реформирование Ислама, иджтихад, отдельные духовные лидеры Дагестана отождествляют с экстремизмом, с ваххабизмом: «неужели недостаточно того, что натворил в Дагестане обновленный, реформированный ислам? Как назвать людей, призывающих к таким реформам, что неминуемо ведут к кровопролитию?!» [18]. Действительно, в религиозно-мировоззренческих позициях ваххабитов и джадидистов есть совпадающие моменты. В частности, религиозная реформа (иджтихад), предложенная Ш. Марджани, содержит следующие пункты:

1. таклид (следование догмам, авторитету какого-либо мазхаба) должен быть полностью искоренен;

2. возвращение мусульман к основам мусульманской веры, и мусульманской культуры эпохи Мухаммада.

Ваххабиты также не признают мазхабы, считая необходимым вернуться к исламу времен Пророка Мухаммада. Но, эти мировоззренческие, инструменталистские действия имели и имеют, совершенно разные цели. Ваххабиты, во-первых, выступали против таклида по той причине, что мазхабы, пользуясь иджтихадом, методами «иджма» (согласованное решение богословов) и «кияс» (метод аналогии), ввели в Ислам много нового, еретического («Бида»), а потому они должны быть искоренены из религиозной жизни. Во-вторых, для ваххабитов важно не только отрицание иджтихада проведенного в рамках четырех мазхабов, но и вообще любой иджтихад, уводящий религиозное мышление от первоначального ислама. В-третьих, немаловажно то, что экстремистское крыло ваххабитов решает эти задачи военными, насильственными методами, причем следующие таклиду – это кафиры, которых можно и нужно убивать.

В практике джадидистов наблюдаются совершенно противоположные цели и методы. Во-первых, в программе Ш. Марджани важное место наряду с исламскими дисциплинами, занимало изучение светских дисциплин. В джадидистских медресе шло преподавание русского языка, математики, физики, астрономии, основ медицины, географии, истории, иностранных языков, причем не только восточных, но и западноевропейских. Этого нет и не могло быть в ваххабитских медресе [19].

Во-вторых, для джадидистов нового поколения (начало XX в.) основной формой проведения реформ были доказательства через «иджма» и «кияс», против чего настроены ваххабиты.

В-третьих, если ваххабиты не признавали иджтихад родоначальников четырех мазхабов, то не для того, чтобы давать новые, соответствующие времени толкования Корана и Сунны. Наоборот, для них важна санкционированная тем или иным пониманием Корана, архаизация общественной жизни. Джадидисты, в отличие ваххабитов, отрицают иджтихад четырех

имамов не для того, чтобы исключить из жизни новые явления, а для широкого вовлечения их в жизнь через процедуры исламского санкционирования. Иджтихад – главный инструмент такого санкционирования.

В-четвертых, как показывает история джадидистского движения, на его почве никакой ваххабизм-экстремизм не появился. Джадидизм проявляет себя как толерантное, цивилизованное духовное явление, в котором ассимилированы как Исламские (восточные), так и западноевропейские ценности.

Из приведенных выше доводов ясно, что иджтихад джадидистов и «реформы» ваххабитов – это полные противоположности. Ваххабиты – наиболее последовательные противники иджтихада джадидистского, а потому, в шкале различий по отношению к иджтихаду они находятся в противоположных концах.

Точка зрения дагестанских шафиитов – это позиция между джадидистами и ваххабитами. Логика их мысли не слишком смела для того, чтобы, сказав «А» («не надо реформ ислама»), сказать «Б» («нет иджме, киясу», т.е. вялотекущим процессам иджтихада в пределах мазхаба). Последовательное проведение точки зрения «закрытых дверей иджтихада» в интерпретации лидеров дагестанского духовенства должно неизбежно привести к религиозному фундаментализму: к идее второсортности светских законов, необходимости переустройства жизни согласно шариату, неизменности религиозных норм, отрицания новых трактовок основополагающих религиозных текстов, желанию анимировать социальные нормы, которые затерялись во тьме прошедших веков. По сути дела, в Дагестане имеют место проявления в той или иной степени всех этих признаков религиозного фундаментализма.

Идеи джадидизма в начале XX в. имели место и в Дагестане. Абусуфьян Акаев, известный дагестанский ученый – просветитель и богослов, под влиянием татарских реформаторов, еще в 1903 г. организовал в селе Аксай джадидистское медресе [20]. В 1902 г. им была опубликована книга «Усул джадид», означающий буквально

«новый метод» [21]. Идеи джадидизма излагаются и в другой его книге, изданной семь лет спустя [22].

Распространителем идеи «абсолютного иджтихада» в Дагестане был известный ученый Али Каяев (Али ал Гумуки). На страницах издаваемой им газеты «Джаридат Дагестан» Али Каяев распространял идеи, которые он перенял от известных богословов и их учеников во время обучения в университете ал-Азхар (Каир) [23]. Али Каяев, призывая к «абсолютному иджтихаду», говорил о необходимости смело изучать Коран и Сунну и выводить из нее заповеди в соответствии с требованиями эпохи [24]. «За то, что Али Каяев отвергал традицию и призывал к абсолютному иджтихаду, консервативная часть духовенства совершенно необоснованно навесила на него ярлык ваххабита» [25]. Али Каяев критиковал дагестанских мюридов и суфиев, когда они безмерно прославляли и тем самым порочили своих шейхов, приписывая им качества, которые никому и в голову не могут придти. А также за то, что они поклоняются портретам своих шейхов – духовных вождей тариката, перед тем как войти в состояние экстаза, считая это язычеством. До сих пор Али Каяева республиканское духовенство причисляет к ваххабитам.

Как показало время, идеи дагестанских реформаторов не нашли в религиозной жизни республики достойного продолжения.

В то же время в татарской религиозной и общественной мысли идеи джадидизма находят дальнейшее развитие. Речь идет о том, что должно меняться и само понимание того, что такое джадидизм. Говоря о необходимости нового осмысления учения ислама, Председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин отметил, «что слепой возврат к джадидизму не может полностью решить все современные проблемы ислама» [26]. Джадидизм присущ и взглядам муфтия ЦДУМ России Талгата Таджуддина. В русле развития джадидизма можно рассматривать идеи доктора философских наук из Казани А. Юзеева, известного своими глубокими исследованиями татарской религиозно-философской мысли. По его мнению, «неправильно отождествлять джадидизм с религиозным реформаторством... Это реформа

образования, одной из главных задач которой было приобщение мусульман к европейской науке и культуре. Да и ныне религиозно-философское течение джадидизма нельзя считать самостоятельным явлением – оно часть, сторона реформаторства и просветительства в их широком понимании, часть теологического либерализма, а не отдельное и специфическое направление, а, тем более, сугубо татарское» [27].

Было бы неверно сводить все содержание процессов исламского возрождения в Татарстане к джадидизму. В современном Татарстане имеют место, по меньшей мере, три различных типа исламского сознания. Причем, джадидизм – не самый распространенный. Наиболее распространенный тип – это неотрадиционализм. Его представители – это, прежде всего сторонники и служители официального ислама, воспринимающие и пропагандирующие ислам как комплекс символов веры – застывших форм религиозного мышления, обрядов, ритуала. Наименее распространенный тип – это возрожденчество, имеющий неоднородную и узкую социальную базу. Это направление представляют исламские фундаменталисты. Но, наиболее созвучным, соответствующим современным общественным и государственным интересам считается реформаторский тип религиозного сознания, который объединил в основном интеллигенцию, учащуюся молодежь, средние городские слои [28].

Краткие выводы:

1. В связи с историческими, географическими, экономическим условиями жизни народов Дагестана преобладающей формой (типом) исламского сознания в республике является традиционная, т.е. направленная на строгое соблюдение ритуальных, обрядовых требований веры. Эта «застывающая форма религиозного мышления» не способствует приспособлению религиозного сознания к новым явлениям жизни.

2. Условия жизни дагестанцев в их историческом рассмотрении (особенно предгорной и горной зон) сформировали элементы фундаменталистского сознания у дагестанского верующего.

В кризисных социально-экономических условиях они оказались благодатной «почвой» для развития радикального религиозного (ваххабитского) исламского сознания. В связи с этим дагестанское религиозное сознание оказалось представленным лишь двумя его типами: а) традиционной, тяготеющей к фундаментализму; б) экстремистско-ваххабитской.

3. Дагестанское исламское сознание, благодаря деятельности религиозных организаций и их лидеров, и далее развивается преимущественно в фундаменталистском направлении.

4. В отличие от татарского исламского сознания, в дагестанском исламском сознании нет реформаторской составляющей, которая бы способствовала рациональному, с точки зрения интересов общества и государства, балансу консервативных и прогрессивных сил в исламском возрождении. В связи с этим, во взаимоотношениях дагестанского ислама с государством преобладает тенденция к архаизации общественных отношений, отход от общепризнанных светских ценностей, стремление к сакрализации – религиозному санкционированию – социальных явлений, имеющих светский характер.

5. Однобокость формирующихся новых взаимоотношений дагестанского ислама и государства, в сравнении с наблюдаемыми в Татарстане, связана и с неучастием дагестанской интеллигенции в становлении новых конфессионально-государственных отношений. Это обусловлено двумя причинами:

а) дагестанская интеллигенция не имеет, в отличие от татарского джадидизма, традиций «светского» участия в решении конфессиональных проблем;

б) государственные структуры РД не осознали необходимости и возможность активного привлечения интеллигенции к решению проблем государства и конфессий. Более того, вступления отдельных ученых в защиту светских ценностей, против вмешательства религиозных организаций, духовных лиц в дела государственные, не находят должного государственного реагирования, поддержки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малашенко А. Исламское возрождение России. М., 1998. С. 107.
2. Бобровников В.О. Ислам и советское наследие в колхозах северо-западного Дагестана // Этнографическое обозрение. 1997. №5. С. 138.
3. Шевченко М. Этноконфессиональные факторы единства России // НГ – Религии. 1999. 27 окт.
4. Обращение-предупреждение к продавцам и распространителям печатной продукции // Ас-салам. 2004. №7.
5. Котлова Э. «Глупость несусветная» // «Новое дело». 2004. №16. 23 апр.
6. Обращение предупреждение... // Ас-салам. 2004. №7.
7. См., например: Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000. С. 14–15; Магомедов Г. Что страшнее ваххабизма // «НГ». 2001. 7 авг; Комплексная программа духовно-нравственного оздоровления общероссийского мусульманского движения «Нур» // «Нурул ислам». 1998. №11.; Ясин Расулов. А судьи кто? // «Черновик». 2004. № 19. 14 мая.
8. Магомедов Л. Как бороться с ваххабизмом? // «Новое дело». 2004. №16. 23 апр.
9. Там же.
10. Хакимов Рафаэль. Возможна ли модернизация ислама? // «Дагестанцы». 2003. № 9 (26). 2004. №1 (27); Мухидинов Ш. Кому нужна модернизация ислама? // «Дагестанцы». 2004. №2 (28); Варисов З., Курбанов Р. Исламское вырождение Дагестана // «Новое дело». 2004. 9 апр.; Тагаев А. Действительно пора назвать вещи своими именами // «Новое дело». 2004. №19. 14 мая; Расулов Я. А судьи кто? // «Черновик». 2004. №19 (37). 14 мая; Абдулагатов З.М. Двери жизни и двери иджтихада // «Дагестанцы» 2004. Май.
11. Хакимов Р. Указ. соч..
12. Мухидинов Ш. Указ. соч.
13. Тагаев А. Указ. соч.
14. Варисов З., Курбанов Р. Указ. соч.
15. Хакимов Р. Указ. соч.

16. Мухидинов Ш. Указ. соч.
17. Рифат-ас-Саид. Новый взгляд // «Тарих». 1998. №6. С. 85 – 86.
18. Тагаев А. Указ. соч.
19. Обсуждая вопросы исламского образования, проф. Шамов И.А. проанализировал программы некоторых исламских учебных заведений в Дагестане. Этот анализ показал полное отсутствие светской составляющей в этих программах, что ближе к фундаменталистскому пониманию приоритетов исламского сознания. См.: Шамов И.А. Религия и светское просвещение // «Дагестанская правда». 2001. 8 июня.
20. Первое джадидистское медресе на территории России было организовано известным татарским просветителем Исмаилом Гаспринским в 1884 г. в Бахчисарае. См.: Баутдинов Г. Российские предтечи Евроислама // «НГ». 2004. 4 февр.
21. Акаев Абусуфьян. Усул джадид. Казань, 1902.
22. Акаев Абусуфьян. Иршаду ассибйан. Темирхан-Шура, 1909.
23. См.: Наврузов А. Газета «Джаридат Дагестан» – историко-культурный памятник // Дисс. на соискание уч. степени к. ист. н. Махачкала, 2000; Али ал Гумуки. Проблемы иджтихада и ее вырождение // «Джаридат Дагестан». 1975. 17 окт.; Али ал Гумуки. Об ал-иджтихаде и ат-таклиде // «Джаридат Дагестан». 1915. № 40,41. 3-16 окт.
24. См.: Левин З.И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период. М., 1993. С. 99.
25. Наврузов А. Там же. С. 168.
26. См.: «НГ-Религии». 2003. №19. 5 нояб.
27. Цит. по: Баутдинов Г. Российские предтечи евроислама // «НГ». 2004. 4 февр.
28. Мухаметшин Р.М. Динамика исламского фактора в общественном сознании татар XVI – XX вв. (историко-социальный очерк) // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. II. Казань, 1994. С. 112 – 113.

Авидзба Аслан Фазлыбеевич,
доктор исторических наук,
в.н.с. АБИГИ имени Д.И. Гулия,
Сухум, Абхазия

Об «Абхазском письме» 1977 года

В рассматриваемую эпоху национально-освободительная борьба абхазского народа проходила в форме личных и коллективных писем, массовых собраний и народных сходов. На них принимались обращения и исторические справки, подтверждавшие наличия у Абхазии собственной истории и права на самостоятельное существование. Массовые выступления абхазов против игнорирования своих прав проходили на фоне пропаганды «извечной и нерушимой дружбы» грузинского и абхазского народов и являлись свидетельством надуманности и лживости этого тезиса.

Национально-освободительное движение рассматриваемого периода стало предтечей сегодняшней независимости, ибо подготовило идейную базу борьбы абхазского народа за свою суверенную государственность. Очередной этап этого движения происходил в 1977-1978 гг., отправной точкой которого стало письмо «ста тридцати» от 10 декабря 1977 года. Тогда обращение за подписью 130 человек было направлено на имя Президиума восьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР М. А. Яснова. Письмо было выдержано в духе уважительного отношения к советскому социалистическому строю и ленинской национальной политике. В частности, его авторы приступили к изложению негативной деятельности руководства Грузии по отношению к Абхазии предварительно «отметив положительные изменения в жизни народа советской Абхазии» [1].

Вопросы, поднятые в письме, оставались «классическими» в грузино-абхазских взаимоотношениях многих предшествовавших десятилетий. В нем было сказано о том, что продолжается «политика ущемления прав абхазского народа, начавшаяся еще до революции, в период разгула меньшевизма в Грузии и Абхазии» [2]. Это служит очередным подтверждением справедливости вывода В. Ардзинба о том, что «наш опыт сосуществования с Грузией крайне негативный», озвученный им позже рассматриваемых событий [3].

В письме далее говорилось: «В современной грузинской историографии царит не научная и политически нездоровая по отношению к Абхазии атмосфера. Сложилась целая плеяда грузинских ученых, специализирующихся, главным образом, на фальсификации истории Абхазии. Надо отдать им должное: преуспевая в этом направлении, они уже завершают процесс огрузинивания истории Абхазии! Абхазия в прошлом и настоящем в свете современной грузинской историографии – это либо органическая, составная часть истории собственно Грузии, либо ее как таковой вообще нет; по-своему же этногенезу абхазы – это или собственно грузинские племена, или пришельцы на территорию Грузии неизвестно откуда, когда и почему! А ныне партийные руководители договариваются до того, что абхазы обрели себе вторую родину «под небом Грузии». Спрашивается, а где же их первая родина?» [4]. Авторы письма четко охарактеризовали задачи «историографической войны» Грузии против прошлого и настоящего Абхазии: «Подоплекой подобного рода исследований является историческое «оправдание» политики огрузинивания абхазов и этим самым ослабление их национального самосознания» [5]. О том, что абхазов, «малокультурный народ», надо растворить в «высококультурной» грузинской среде писал еще в 1913 г. И. Сталин. И с тех пор независимо от того, кто был у власти в Грузии и какие ценности ими провозглашались, всегда проводилась политика, направленная на насильственную ассимиляцию абхазов. Во исполнение этой задачи грузинская элита даже принесла в жертву часть своих сородичей, переселявшихся, в том числе

насиленно, в Абхазию для ее «экономического и культурного освоения».

В связи с изложенным приведу еще одну довольно обширную цитату из рассматриваемого письма: «Существенной и неотъемлемой частью политики, проводимой руководством Грузинской ССР в отношении Абхазии, является своеобразное «демографическое освоение» последней. Начиная с конца прошлого столетия официальная Грузия проводила и проводит определённую политику, направленную на радикальное изменение национального состава населения Абхазии в свою пользу.... Происходит это под различными «благовидными» предложениями, как-то: «укомплектование обслуживающим персоналом», «набор рабочей силы», «ударные стройки», «обмен кадрами» [6]. Следует отметить, что, позже, 22 февраля 1978 г., на заседание бюро Абхазского обкома партии, куда «на ковер» были приглашены авторы письма и некоторые активисты национально-освободительного движения, им заявили: «У вас не спросят, кем заселить Абхазию...» [7]. Но это никак не отменял другой факт, изложенный в «Абхазском письме»: «Процесс огрузинивания Абхазии стал за последние пять лет [8] еще более решительным и интенсивным» [9].

Однако, именно это обстоятельство, по замечанию И. Барциц, дало обратный эффект, ибо усиливало «способность к сохранению национального самосознания» абхазского народа. Размышляя на эту тему, ученый отмечает: «Мировой опыт свидетельствует, что в подобных ситуациях, как правило, резко возрастает не только активность в борьбе за независимость, но и за сохранение своей культуры, языка, религии. В этих условиях особо бережное внимание к сохранению и развитию своей культуры становится дополнительным фактором восстановления суверенитета» [10]. Главным же рассматриваемого обращения можно считать, констатацию том, что «в Абхазии в настоящее время сложилось такое положение, которое требует для своего разрешения радикальных мер» [11].

В конце документа его авторы писали: «Мы уверены, что ЦК нашей партии... отнесется к нашему письму с глубоким пониманием и удовлетворит нашу просьбу создать правительственную комиссию для всестороннего изучения и практического разрешения поставленных здесь вопросов» [12]. Однако, как стало привычным к тому времени, из Москвы для реагирования обращение переслали в Тбилиси, а оттуда, в свою очередь, в феврале в Абхазский обком для соответствующей его оценки. В связи с этим группа представителей абхазской интеллигенции от имени и по поручению авторов письма тогда констатировала: «Руководство автономной республики не в силах разрешить даже незначительной части проблем, поставленных в нашем письме, ибо, начиная с середины 30-х годов, правительство никогда не ставило, и не могло ставить какие-либо политические или даже хозяйственные вопросы перед руководством Грузии..., а Тбилиси ведет свою прежнюю порочную политику» [13].

Однако в начале реакция местных властей на письмо была лояльной и адекватной. В январе 1978 г. постановлением бюро Абхазского обкома была создана республиканская комиссия по упорядочению топонимических названий на территории Абхазии. 7 февраля первый секретарь Абхазского обкома В. Хинтба, выступая на встрече с активом Сухумского пединститута, указывал на необходимость тщательного изучения поставленных в письме весьма серьезных и актуальных вопросов. В письме руководству Советского государства от 15 июня представители абхазской интеллигенции сообщали: «Вместе с тем он (В. Хинтба – А. А.) отмечал недопустимость какого-либо притеснения, гонения или навешивания ярлыков на авторов письма. В таком же духе выступали вначале, и остальные руководители автономной республики» [14].

Но вскоре был запущен механизм по дискредитации письма и его авторов и вообще всяких «сепаратистских» настроений абхазов по отношению к Грузии. 22 февраля было проведено уже упомянутое заседание бюро Абхазского обкома, на повестке дня

которого стоял вопрос «О неправильных взглядах и клеветнических измышлениях, содержащихся в коллективном письме от 10 декабря 1977 года». В постановлении Сухумского горкома от 13 марта говорилось: «Бюро Абхазского областного комитета партии дало принципиальную партийную оценку указанному письму, совершенно справедливо осудив его и квалифицировав как клеветническое и не выражающее волю абхазского народа, противоречащее принципам социалистического интернационализма и ленинской национальной политики КПСС, привлекло к строгой партийной и служебной ответственности группу авторов и наиболее активных выразителей порочных идей этого письма» [15].

Само бюро Сухумского горкома партии от 13 марта, рассмотревшее вопрос «О неправильных действиях группы представителей научной и творческой интеллигенции и некоторых других работников города Сухуми», приняло постановление, первый пункт которого гласил: «Одобрить Постановление бюро Абхазского обкома Компартии Грузии от 22 февраля 1978 года «О письме группы представителей научной, творческой интеллигенции и некоторых других работников Абхазской АССР от 10 декабря 1977 года» и принять к неуклонному руководству и исполнению» [16]. В соответствии с поставленными задачами «за проявление политической слепоты, отстаивание ошибочных взглядов в оценке проводимых ЦК КП Грузии и Абхазским обкомом партии мероприятий в области межнациональных отношений», на целый ряд лиц, подписавших письмо, были наложены партийные взыскания [17].

18 марта собрание актива Абхазского обкома опять назвало письмо «клеветническим». В письме руководству Советского государства от 15 июня представители абхазской интеллигенции назвали это мероприятие «важным этапом в кампании по осуждению письма и его авторов». Далее в данном обращении говорилось: «И здесь, как и следовало ожидать, расценили наше письмо как клеветническое, аполитичное, провокационное, кощунственное, националистическое, антипартийное, а

подписавших его окрестили националистами, клеветниками, пасквилянтами, оборотнями. Такие обвинения огульны, нисколько не обоснованы, не вытекают из содержания нашего письма и представляют собой ни что иное, как откровенное преследование за критику» [18].

Проводились также собрания городских и районных партактивов, на которых авторов письма и подписавших его клеймили позоров. Соответствующая кампания проводилась и в средствах массовой информации. В ответ на это состоялись акции в защиту авторов письма. Многотысячные собрания с участием руководителей автономной республики прошли 23 марта в с. Звандрипш, 29 марта – в с. Бзыбь, 1 и 2 апреля – в селах Абгархук и Лыхны, 5 апреля – с. Пакуац, 9 апреля в г. Ткуарчал. Непосредственным поводом для названных собраний явилась развернутая публикация материалов собрания актива Абхазского обкома партии от 18 марта 1978 года [19]. Наряду с этим тогда в адрес руководства СССР, Грузинской ССР, Абхазии направлялись многочисленные коллективные и личные письма в поддержку требований письма и его авторов.

Вопрос о праве выхода Абхазии из состава Грузии и отражения этого в Конституции Абхазской АССР ставился в депутатских запросах на имя Председателя Конституционной Комиссии СССР Л. Брежнева. Письма с аналогичными требованиями были посланы почти всеми творческими коллективами Абхазии. Т. е. движение за право выхода из состава Грузии стало поистине всенародным. Оно и поддержка авторов письма подавляющим большинством абхазского народа, как представляется, вынудило и советские и грузинские власти не много переориентировать свою политику – репрессии были остановлены. В частности, 5 апреля, в день всенародного собрания в с. Пакуац, первый секретарь ЦК КП Грузии Э. Шеварднадзе встречался с профессорско-преподавательским составом Сухумского пединститута, где вел себя довольно сдержанно по поводу содержания письма и его авторов, а 11 апреля В. Хинтба

был освобожден от занимаемой должности. В Тбилиси решили всю вину за недовольства в Абхазии возложить на Абхазский обком и его руководителя, ибо обвинить весь абхазский народ, видимо, побоялись.

Для понимания процессов, происходивших тогда очень важны слова самого В. Хинтба: «И вот получается так: в принципе-то я согласен с авторами, но... Делаю то, что мне говорят из Тбилиси. Звонят, «бомбят» Шеварднадзе, его ближайшие помощники... Надо мол исключить зачинщиков из партии. В 1957, в 1967–м никого не исключили и вот националисты совсем распоясались... И, хотя был против, но партийная дисциплина есть партийная дисциплина. Разумеется, замысел их был таков: дать отпор авторам письма, но не руками грузин, а самих абхазов». Этих слов не могли простить ему: вскоре, как уже было сказано, он был освобожден от занимаемой должности.

15 апреля 1978 г. на внеочередной сессии Верховного Совета Грузинской ССР была принята Конституция Грузии, в котором требования абхазского народа ни коим образом не учитывались. Наряду с этим, 25 апреля ЦК КП Грузии приняло постановление «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры Абхазской АССР, усилению организаторской и идейно-воспитательной работы среди трудящихся автономной республики». В последнем пункте этого постановления Совету Министров Грузии было предложено рассмотреть предложение «о расширении круга вопросов хозяйственного и культурного строительства, подлежащих решению в правительстве автономной республики, а также пересмотре подведомственного подчинения некоторых учреждений и организаций» [20].

Рассматривая названное постановление ЦК КП Грузии, И. Барциц отмечает: «Но это решение не предотвратило нового всплеска массового национального движения, на которое дополнительно повлияло начавшееся после принятия в 1977 г. новой Конституции СССР обсуждение проектов аналогичных документов в союзных и автономных республиках, в том числе и

Конституции Абхазской АССР» [21]. Здесь, думается, следует заметить, что само «письмо ста тридцати» являлась частью дискуссии-обсуждения проекта Конституции Абхазии, ибо, несмотря на то, что в начале документа нет обращения к Конституции СССР, но в его завершении содержится ссылка на новый Основной закон СССР, принятый, как известно, 7 октября 1977 года. Что касается самой новой Конституции Абхазской АССР, то 15 мая Президиум Верховного Совета Абхазской АССР издал указ о созыве 26 мая внеочередной девятой сессии Верховного Совета для рассмотрения его проекта [22]. Тогда же в республиканской прессе был опубликован проект Конституции Абхазии. В последующие дни уже группа депутатов Верховного Совета Абхазии выразила свое несогласие с отсутствием в проекте Конституции права выхода Абхазской АССР из состава Грузинской ССР [23]. Именно постановка вопроса в такой плоскости, по мнению И. Барциц, «вызвала приезд в Абхазию комиссии из ЦК КПСС» [24].

21 мая состоялось собрание актива Абхазского обкома КП, которое рассмотрело вопрос «О ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции Абхазской АССР». В нем приняли участие секретарь ЦК КПСС И. Капитонов и Э. Шеварднадзе. На собрании Капитонов заявил: «У нас в стране 20 автономных республик... Нигде, ни в одной из автономных республик не выдвигается подобных требований или каких-либо других вопросов, идущих вразрез с Конституцией СССР, конституцией союзных республик. И это высоко оценивается в ЦК КПСС и в Президиуме Верховного Совета СССР. Мы верим, что все товарищи, которые выдвигают или поддерживают идею о переходе Абхазии от одной союзной республики в другую поймут неправомочность своей позиции и не будут настаивать на этом... Это не принесет никакой пользы ни абхазцам, ни людям других национальностей, населяющим вашу республику... Исходя из этого, сочтено нецелесообразным в какой-либо форме решать этот вопрос, выходящий за рамки Конституции СССР и Конституции

Грузинской ССР» [25]. На второй день, 22 мая в Сухуме состоялся 25 тыс. митинг абхазов, на котором И. Капитонов почти слово в слово повторил то, о чем говорил днем ранее на собрании актива обкома.

Вслед за ним постарался выступить Э. Шеварднадзе: «Дорогие абхазцы! ... Мы вам даем слово коммуниста, слово честного гражданина, что все вопросы, которые волнуют абхазский народ... будут рассмотрены и решены...». Но его освистали, и он был вынужден сойти с трибуны и скрыться в своей машине [26]. Позже в 1989 г. Э. Шеварднадзе вспоминал этот эпизод следующим образом: «Однажды, в 1978 году, в Сухуми на двадцатитысячном митинге народ отказался слушать нас. Было два варианта действий: уйти, оставив все как есть, или все-таки постараться завязать разговор. Мы выбрали второй путь. Всю ночь просвещались, а наутро разъехались по селам, городам и рабочим коллективам. Это было невероятно трудное дело – найти общий язык с людьми. Около двух недель шел этот острый, весьма болезненный для нашего самолюбия разговор. Но это был разговор на равных, без окриков и угроз, лести и посулов – настоящий диалог. Благодаря ему мы избежали самого страшного – кровавых столкновений на национальной почве, не дав искрам разгореться в пожар» [27]. Нужно учитывать, что приведенные слова написаны были уже с учетом происшедших межнациональных столкновений и начавшихся неизбежных центробежных процессов, приводивших к развалу Советского государства, и автор стремился приукрасить свою роль в описываемых событиях и представить себя демократом еще в те времена, когда об этом никто, в первую очередь, он сам, и не помышлял.

На названном митинге 22 мая 1978 г. было заявлено, что в связи с поступившими предложениями сессия Верховного Совета, которая должна была принять новую Конституцию Абхазии, откладывается. В тот же день Президиум Верховного Совета принял указ о переносе сессии с 26 мая на более поздний срок [28]. После выступлений Капитонова и попытки выступить Шеварднадзе

прозвучал призыв разойтись, но народ не хотел расходиться. Участники митинга не верили ни московским, ни грузинским, ни абхазским чиновникам.

Наряду с этим, были предприняты и некоторые шаги, призванные урегулировать ситуацию. В решении бюро Абхазского обкома от 27 мая говорилось: «Бюро обкома вместо глубокого изучения вопросов, поставленных в письме, разъяснения ошибочности его некоторых положений стало на путь администрирования. В решении обкома партии от 22 февраля 1978 года, а также на собрании областного партийного актива партии был допущен ряд неправильных оценок и обвинений в адрес лиц, подписавших письмо». Однако и это решение было принято в соответствии с Постановлением ЦК КП Грузии, которое, как уже говорилось, и дало инструкцию по наказанию и дискредитации авторов письма. Опять получилось, что бдительное око из Тбилиси вовремя заметило «недостатки и просчеты, допущенные при рассмотрении писем и заявлений» [29]. В названном выше постановлении ЦК КП Грузии от 25 апреля, в частности, говорилось: «Бюро Абхазского обкома не учло высказанного вышестоящими органами совета о необходимости внимательного, осторожного, вместе с тем принципиального подхода к изучению и рассмотрению данного письма... Не убедив людей в ошибочности их действий, бюро стало на путь администрирования в отношении авторов письма, что вызвало болезненную реакцию среди части населения» [30]. Последний тезис лишний раз подтверждает, что названные уступки стали следствием непримиримости абхазского народа к ранее осуществленным репрессивным мерам в отношении авторов и подписавших «Абхазское письмо».

Примечательно, что названное решение бюро Абхазского обкома было опубликовано 1 июня 1978 г. Именно 1 июня было принято Постановление ЦК КПСС и Совет Министров СССР «О дальнейшем развитии экономики и культуры Абхазской АССР». В нем констатировалось: «Имеющейся возможности роста экономического потенциала Абхазии реализуется не полностью.

Медленно развиваются некоторые отрасли народного хозяйства, недостаточно используются благоприятные природно-климатические условия для возделывания чая, citrusовых, технических культур, овощей и фруктов, а также для производства продуктов животноводства. Не получили должного развития работы по мелиорации, освоению заболоченных и залежных земель». В постановлении подчеркивалась необходимость проявления большей заботы об охране природы Абхазии, улучшения состояния дорог и жилищного фонда Абхазии.

Очень значимыми решениями постановления являлись следующие: «Государственному Комитету Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию, Министерству промышленности средств связи и Министерству связи СССР поручено обеспечить организацию телевизионных передач в Абхазской автономной республике, для этой цели в трехмесячный срок выделить передвижную телевизионную станцию и другое необходимое оборудование, и аппаратуру для ведения телепередач по временной схеме, а в 1980 г. оборудовать стационарную телевизионную станцию». А также – «Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР... поручили Министерству высшего и среднего специального образования СССР и Совету Министров Грузинской ССР разработать и в пятимесячный срок внести в Совет Министров СССР предложения по вопросам, связанным с организацией университета» [31]. Этот пункт, скорее всего и является ответом на требование авторов рассматриваемого письма, которые, отмечали: «Тревожным является состояние Сухумского государственного педагогического института им. А. М. Горького. В принципе его лишь условно можно назвать вузом, поскольку он не отвечает требованиям, предъявляемым высшей школе... Открытие университета в Абхазии столь необходимо, что вряд ли найдется какой-либо серьезный аргумент против этого. Кстати, Абхазская АССР, пожалуй, единственная национальная автономная республика в СССР, которая до сих пор еще не имеет своего университета» [32]. Следовательно, Абхазский государственный

университет, равно как и Абхазское телевидение – важный итог рассматриваемого этапа национально-освободительного движения абхазского народа.

Наряду с этим, 11 июля бюро Сухумского горком отменило постановление от 13 марта 1978 г. «О неправильных действиях группы представителей научной и творческой интеллигенции и некоторых других работников города Сухуми» [33]. Тогда эти шаги были направлены на снятие напряженности и стабилизацию обстановки в Абхазии. Тем не менее, в письме группы абхазских ученых от 15 июня говорилось: «Благодаря вмешательству ЦК КПСС кампания по осуждения письма и травля его авторов были приостановлены. Однако авторы письма до сих пор официально не оправданы, как и не оправдан абхазский народ, который косвенно обвиняется за поддержку письма» [34].

О половинчатом и скорее демонстративном характере предпринимавшихся уступок требованиям абхазского народа свидетельствует и то, что 6 июня, внезапно состоялась сессия Верховного Совета Абхазии, на которой была принята Конституция Абхазии. Сообщение о том, что она «состоится 6 июня 1978 года в 10 часов утра в зале заседаний Абхазского обкома Компартии Грузии» было опубликовано в тот же день [35].

Здание, в котором проходила сессия, и весь город Сухум были оцеплены войсками, взяты под охрану площадь перед Домом правительства и другие важные объекты. Представители абхазской интеллигенции, особенно те, кто мог бы предпринять шаги по недопущению принятия Конституции, были отправлены в районы, а некоторые вывезены из столицы насильно. В этот же день на площади Ленина состоялся праздничный митинг, посвященный оглашению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по Абхазии от 1 июня 1978 г., вручению Абхазии переходящего Красного Знамени и принятию новой Конституции. На митинге присутствовали в основном грузины, как жители Абхазии, так и привезенные специально на автобусах из сопредельных территорий Грузии. В самой Конституции Абхазии предложения

представителей абхазского народа не были отражены. Тем временем в официальном отчете о сессии, опубликованном на второй день, говорилось: «Этому историческому событию предшествовало всенародное обсуждение проекта нового Основного Закона автономной республики, в ходе которого трудящиеся республики единодушно поддержали и одобрили его» [36]. Такое игнорирование его интересов привело к новому витку недовольства абхазского народа, который уже на второй день, 7 июня, собрался в с. Лыхны.

Борьба продолжалась...

Еще одним камнем преткновения в абхазо-грузинских отношениях являлся вопрос топонимики. В частности, в «Абхазском письме» по этому вопросу говорилось: «Грубой и откровенной фальсификации подвергается также и абхазская топонимика. Если на географической карте Абхазии, составленной в начале XX века, нет ни одного грузинского названия, что соответствовало исторической действительности, то с тех пор топонимика Абхазии неузнаваемо изменилась» [37]. В связи с этим считаю не лишним привести следующее событие.

23 сентября 1979 г., в селе Пакуац проходил сход жителей села, посвященный проблеме восстановления абхазской топонимики. 17 сентября 1979 г. было принято Постановление Президиума Верховного Совета СССР «О практике применения законодательства, о порядке наименования и переименования административно-территориальных единиц и населенных пунктов», который и был озвучен на названном собрании. Далее предоставим слово его участнику, тогда юрисконсульту колхоза «Пакуац», З. Гиндия: «Меня содержание Постановления привело в отчаяние, т.к. по сути дела оно не давало возможности восстановления исконной абхазской топонимики, измененной волюнтаристским методом руководством Тбилисской метрополии. Я попросил слова для выступления. Мне разрешили. В своем выступлении подверг резкой критике деятельность Брежнева на посту Генсекретаря и главы государства.

Мне не дают заканчивать свое выступление. Перебивают. С президиума раздаются испуганные голоса:

- Остановите его!..
- Заткните ему рот!
- Он сошел с ума!
- Он погубит нас всех!..
- Нас могут выселить из-за него в Среднюю Азию!..
- Ой, батюшки, что он говорит?!..
- Нас абхазов обвинят в предательстве!..
- Врача вызывайте, врача!..
- Чтобы тебе пусто было!.. Гад!..
- Типун тебе на язык, неисправимый отступник!..

В зале шум–гам. Одни хохочут во весь голос, другие молча улыбаются, третьи – с передних сидений – испуганно мямлят в поддержку членов президиума собрания... Я вынужден оставить собрание.

Выхожу из зала. День клонится к вечеру. Смеркается. Кругом ни души. Решил не идти домой, ждать окончания схода. Сижусь и жду: на лавочке, в углу двора, под кипарисом. Проходит полтора–два часа. Темно. Собрание окончено. Участники собрания, обсуждая между собой повестку дня, расходятся по домам... В темноте отчетливо слышу разговоры людей, проходящих мимо меня.

– Не зря в старину говорили: курица рыла, рыла, и смерть свою вырыла...

- Это ты о чем?
- Сам себя погубил, баламут, вот я о чем.
- Да-а...
- По-вашему, его за это посадят?
- Как пить дать» [38].

Действительно, 14 октября 1979 г. З. Гиндия был задержан сотрудниками КГБ Грузии и Абхазии, и заключен в Тбилисскую спецтюрьму КГБ Грузинской ССР. Сначала обвинялся в антисоветской агитации и пропаганде (ст. 71 УК ГССР). В третьей декаде апреля 1980 г. Коллегией по уголовным делам Верховного Суда ГССР был

осужден к двум годам лишения свободы за нарушение национального и расового равноправия (ст. 75 УК ГССР). З Гиндия также был лишен права заниматься юридической практикой.

«Письмо 130» нередко, полагаю, во многом справедливо, ставят особняком среди других «Абхазских писем». Ибо, события 1967 г. были вызваны хрущевской оттепелью; 1988 г. и последовавших лет – «перестройкой»; а события 1977-1978 гг. – происходили без относительно к послаблениям сверху. Кто-то с высоты сегодняшних реалий может задаться вопросом, неужели надо было таким смелым, чтобы подписать письмо!? Да... и не только смелым. Абсолютное большинство тех, кто подписал рассматриваемое письмо, сознательно шли на возможные тяжелые последствия для себя и своих близких – следовательно, ставили интересы своего народа выше, чем личные. К ним в полной мере, на мой взгляд, с не меньшим основанием можно отнести слова, сказанные про В. Ардзинба: «Иного можно добиться ценой собственной жизни, а то же самое в других обстоятельствах не требует никаких усилий» [39].

ЛИТЕРАТУРА

1. И. Н. Барциц. Государственное (Конституционное) право Республики Абхазия. М. 2009. Т. 1. С. 140.
2. Абхазские письма. Том 1. (Сост. И Р. Марыхуба). Сухум. 1994. С. 164.
3. Мы шли на смерть, чтобы жить. Сухум. 2011. С. 523.
4. Абхазские письма... С. 167.
5. Там же. С. 169.
6. Там же. С. 170.
7. Газ. «Единение». № 9, сентябрь 1991 г.
8. Имеется в виду период с 1972 г., с момента назначения Э. Шеварднадзе первым секретарем ЦК КП Грузии.
9. Абхазские письма... С. 176.
10. И. Н. Барциц. Государственное (Конституционное) право... С. 18.

11. Абхазские письма... С. 176.
12. Там же С. 177.
13. Там же С. 188-189.
14. Там же. С. 259.
15. Там же С. 255.
16. Там же. С. 256.
17. Там же. С. 257.
18. Там же. С. 260.
19. Там же. С. 271.
20. Там же. С. 286.
21. И. Н. Барциц. Государственное (Конституционное) право... С. 141.
22. Из истории национально-освободительной борьбы абхазского народа. Том 2. (Сост И. Р. Марыхуба). Сухум. 2009. С. 472.
23. Там же. С. 530-507.
24. И. Н. Барциц. Государственное (Конституционное) право... С. 141.
25. Из истории национально-освободительной борьбы... С. 519.
26. Там же. С. 541.
27. Э. Шеварднадзе. Мой выбор. М. 1991. С. 76.
28. Из истории национально-освободительной борьбы... С. 548.
29. Абхазские письма... С. 273.
30. Там же. С. 282.
31. Там же. С. 277.
32. Там же. С. 172.
33. Там же. С. 274.
34. Там же. С. 271.
35. Из истории национально-освободительной борьбы... С. 549.
36. Там же. С. 550.
37. Абхазские письма... С. 170.
38. З. Гиндия. Иду на вы // Альманах № 2. Сухум. 2018. С. 278.
39. А. Авидзба. Предисловие // Владислав Ардзинба. К 70-летию со дня рождения. Сухум. 2015. С. 3.

Акаев Вахит Хумидович,
доктор философских наук,
профессор, академик АН ЧР,
Грозный, Чеченская Республика

Кавказские исследования профессора Виктора Черноуса в контексте цивилизационного подхода

Написать статью о друге, профессоре Викторе Черноусе, с которым меня связывали более четверть века научные контакты, позитивно отразившиеся на моем интеллектуальном творчестве – большая честь для меня. Осмысливая это, хочу поделиться со своими мыслями с друзьями, подрастающими поколениями, чтобы они знали, кем был Виктор Черноус, над чем размышлял, насколько был близок к Кавказу, а кавказцы к нему. Полагаю, эти вопросы и ответы на них могут быть полезны студентам, аспирантам, обучающимся в ЮФУ и других вузах Юга России по специальности регионоведение, а также ученым, избравшим путь целенаправленного изучения кавказской тематики.

Наша совместная научная деятельность, реализация многих задумок по исследованию сложных российско-кавказских, российско-чеченских взаимоотношений, их объективное отражение в коллективных монографиях, академических изданиях требовала новых научных, теоретических подходов. В современных модернизационных условиях нас ученых не устраивала, сложившаяся в кавказоведении методология, теоретизирование исторических, социокультурных событий, жесткие, категорические оценки в силу их односторонности, вульгарности, линейного подхода.

Поэтому В. Черноус избирает в качестве основы осмысления проблем Кавказа – цивилизационный подход, когда для меня был предпочтителен системный, историко-культурный анализ, признающий равнозначными как великие культуры, так и локальные, местные этнокультурные системы.

Путь в большую науку

Научный путь Виктора Черноуса начался со студенческой скамьи, и он проделал колоссальную, научную, научно-организационную, педагогическую работу. Начиная со второй половины 70-х годов, В. Черноус и его супруга В. Патракова, оказались в центре всех событий научной деятельности, связанной с написанием «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней» (в четырех томах), над которой более 10 лет работали почти 200 кавказоведов из Москвы, Ленинграда, Грузии, Ростова-на-Дону и всех университетов, пединституты и гуманитарных НИИ Северного Кавказа [1].

Центральным вопросом научных интересов Виктора Черноуса являлось изучение истории народов Северного Кавказа. С конца 1973 года он занят научно-организационной и координационной деятельностью, а с 1977 года становится руководителем группы истории Северного Кавказа, обеспечивавшей от СКНЦ ВШ подготовку четырехтомной «Истории народов Северного Кавказа». Ход её подготовки, периодически обсуждался на заседаниях редколлегий этого издания, ставшие для него своеобразной академией, позволяющей постичь «загадочные пружины» истории и культуры народов Северного Кавказа. Вместе со своей супругой В.Ф. Патраковой он принял действенное участие в подготовке и издании первых двух томов истории региона. Регулярное неформальное общение с ведущими учеными страны, как А.Л. Нарочницкий, Б.Б. Пиотровский, Ю.А. Поляков, М.П. Ким, Л.И. Лавров, Р.М. Магомедов, И.И. Османов, Т.Х. Кумыков, В.П. Крикунов, В.П. Невская, М.С. Тотоев и др. расширяли его научный кругозор, ориентировали на глубокое знание сложных, противоречивых проблем многочисленных народов Кавказа.

Особое внимание В. Черноус уделял новому теоретико-методологическому осмыслению истории и культуры народов региона. Осмысливая проблемы историографии Кавказской войны, он пишет, о сложившихся полярных интерпретациях в её освещении, трудностях осуществления диалога между ними,

который был возможен посредством переноса «проблематики Кавказской войны исключительно на поле академической науки с освобождением её от политизированности, эмоциональности и взаимных подозрений в ангажированности, стремлении унижить, оскорбить национальную гордость того или иного народа» [2]. В поисках новой парадигмы в теоретическом осмыслении сложной проблематики Кавказской войны авторы цитаты высказывали идеи о том, что при сохранении методологии формационного, классового подхода необходим поиск новой теоретической методологии для исследования Кавказской войны, истории Северного Кавказа, русско-кавказских взаимоотношений [3].

В. Черноус утверждал, что «вполне приемлема методология, разработанная в рамках теории локальных цивилизаций, признающих полицентричность всемирно-исторического процесса» [4]. Оригинальность концептуального осмысления В. Черноуса заключается в том, что он четко определяет свою позицию, сопряженную с пониманием того, что народы Северного Кавказа в разной степени оказались включенными в «периферию древневосточных и античных цивилизаций, а затем в византийско-славянскую и двухвекторную исламскую (суннитской и шиитской)» [5]. Достаточно интересной и требующей детальной и основательной проработки является такая плодотворная мысль Виктора Черноуса о том, что «истоки формирования большинства народов Кавказа в результате синтеза автохтонных кавказских субстратов с миграционными потоками уходят, как показывают исследователи, в средние века» [6]. Некоторые сходные соображения по поводу, применяемых методологических позиций в исторической науке, в частности, в освещении событий Кавказской войны высказаны и в нашей работе [7].

Научное творчество Виктора Черноуса разнообразно, многогранно, системно, оно связано с изучением русского национального самосознания, историографии истории Северного Кавказа, цивилизационно-культурных контактов, диалога Кавказа и России, этнополитических процессов на Юге России,

трансформации геополитической ситуации в Черноморско-Каспийском бассейне. Выраженной новизной отличаются его размышления, сопряженные с анализом российско-кавказских взаимоотношений через призму цивилизационно-культурного подхода, в рамках которого осмысливается историко-культурное, этнополитическое многообразие, формы диалога культур. Методологически и теоретически основательно осмыслены его работы, как «Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур», «Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурного цивилизационного диалога», «Русская (российская) цивилизация», «Генезис кавказской горской цивилизации», «Цивилизационно-культурных диалог на Кавказе – основа региональной стабильности», «Векторы этнокультурных процессов на Юге России» и др., получившие признание российских ученых.

Справедливо критикуя марксистскую формационную методологию осмысления исторического процесса, в силу её односторонности, линейности, упрощающую сложные, противоречивые исторические, культурные процессы, сводя их к однолинейному прогрессизму, в качестве инструментария анализа, В. Черноус избирает цивилизационный подход, отстаивающий «идею мультилинейного циклического развития культурно-исторических типов, под которыми понимается регионально-этническая системная целостность психических, культурных, социальных и других признаков» [8].

По его мнению, использование цивилизационного подхода в ходе анализа важно учитывать не все человечество как единое целое, хотя и это имеет большое значение, но при этом ценно осмысление единичного, особенного, локально-регионального, позволяющие определить отдельные, специфические, новые грани сущности человечества. Выявление единичных, особенных аспектов ценно для исследования сложных, неоднозначных, противоречивых связей и отношений.

Наши общие научные интересы базировались на необходимости осознания нового подхода к кавказоведению,

анализе российско-горских, российско-чеченских взаимоотношений, на несогласии с официальной историографией, плоско, односторонне, вульгарно освещающей сложные, противоречивые, часто трагические события Кавказской войны, односторонне рассматриваемые в блиевско-виноградовских исторических построениях. Необходим был поиск новых методологических позиций, приемов, а также нужно было вывести историографию за пределы вульгарно интерпретируемого исторического материализма.

Нам были близки кавказоведческие, философско-культурологические сочинения Ю.А. Жданова. Для многих кавказоведов Ю.А. Жданов был ценным наставником, рассматривающим Кавказ, как уникальный географический, исторический, социально-экономический, культурный, геополитический регион, населенный упорными, предприимчивыми, трудолюбивыми народами. На Кавказе длительно и совместно живут сотни народов, поэтому для него «это удивительное многоцветье является драгоценным сокровищем всего человечества, как горный луг, на котором сотни разнообразных и неповторимых цветов» [9]. Ю.А. Жданов указывал на то, что «народы Кавказа веками привыкли жить в условиях религиозной терпимости, поскольку здесь представлены все важнейшие конфессии мира: христианство и ислам, иудаизм и иудаизм. И было бы преступлением разжигать между ними религиозную нетерпимость и вражду» [10]. Эти мысли выдающегося отечественного ученого, кавказоведа нашли творческое развитие в трудах В. Черноуса, особенно его работе «Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур».

Война и наука

Во время военных действий в Чечне, когда редко кто из ученых смел приезжать в г. Грозный, В. Черноус неоднократно приезжал и принимал плодотворное участие в работе целого ряда научных конференций. В Чечне он всегда был желанным ученым,

его размышления, анализ прошлого и настоящего были востребованы в обществе, научной среде. Имея тесные контакты со спикером Парламента ЧР Д.Б. Абдурахмановым, он оказывал консультации в вопросах региональной этнополитики, подготовке государственных политических документов. Участие Виктора Черноуса в разработке Концепции государственной национальной политики ЧР, проведении экспертной оценки этого документа – самое непосредственное. В 2005 году он выступил с пленарным докладом на Всероссийской конференции в Грозном, посвященной обсуждению Концепции национальной политики в Чеченской Республике. За плодотворное научное сотрудничество, подготовку научных кадров поощрялся Парламентом и Правительством Чеченской Республики.

Последнее его участие на научном мероприятии в Грозном было в 2017 году на Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.И. Хасбулатова, с которым его связывали давнишние дружеские отношения, сложившиеся еще тогда, когда велась работа по написанию истории народов Северного Кавказа. Когда родные В. Черноуса, беспокоясь о его здоровье, высказывались против поездки в Грозный, он твердо заявил, что поедет и примет участие на конференции, посвященной памяти кунака.

Ученый-миротворец

Пытаясь примирить кавказоведов, придерживающихся альтернативных подходов к анализу русско-кавказских, русско-чеченских взаимоотношений, этические взаимоотношения которых приобрели обостренный характер. На страницах журналов «Научная мысль Кавказа» и «Гуманитарий Юга России» организовывает обсуждение проблем, проводит несколько конференций, где излагались позиции чеченских, дагестанских, кабардинских, ростовских ученых, а также представителей исторической школы Виноградова.

В конечном итоге, сохраняя свои научные позиции, ученые достигли конвенции о необходимости исключить оскорбительные

выводы в адрес друг друга, именуя националистами, шовинистами, «национальными», «региональными», «федеральными» историками. На Втором международном форуме историков-кавказоведов в г. Ростов-на-Дону был принят «Этический кодекс кавказоведов», разработанный профессором В. Черноусом. И он был призван способствовать нормализации взаимоотношений между кавказоведами, упрочению научных коммуникации, конструктивному исследованию фундаментальных и актуальных проблем кавказоведения [11]. Это был важный шаг, сделанный кавказоведами по сближению своих позиций, и главную роль в этом сыграл блестящий кавказовед В. Черноус.

Будучи активным участником многих юбилейных мероприятий выдающихся дагестанских ученых Г.Г. Гамзатова, А.И. Осмаева, ряда шамилевских конференций, он всегда выступал, обсуждая актуальные проблемы русско-кавказского сотрудничества, взаимодействия, взаимоузнавания. И эта интеллектуальная позиция проходила красной нитью во всем его творчестве.

Жизнь ученого – это непрерывное исследование, написание статей, книг, монографий, подготовка научных кадров, а также, хотя и редко, это и встречи друзей, беседы, застолье. Виктор Черноус не был сухим человеком, избегавшим дружеских компаний. Всюду на Кавказе был желанным гостем, его хорошо знали ученые и были рады встречам с ним. Его коллеги, кунаки в Дагестане – это А.И. Османов, В.Г. Гаджиев, М. Гасанов, М.И. Билалов, в Чечне – А.И. Хасбулатов, Ш.А. Гапуров, А.М. Бугаев, С.С. Магамадов, в Ингушетии – И. Сампиев, Осетии – Ф. Тотоев и В.Д. Дзидзоев, в Кабардино-Балкарии – Х. Мамсиров и Х.Г. Тхагапсоев, в Адыгее – Р.Д. Хунагов и С.А. Ляужева

Ученые на периферии, имеющие учеников, нередко сталкиваются с трудностями, сопряженными с публикациями, направлением в аспирантуру, подбором оппонентов, рецензентов, защитой диссертаций учениками и пр. В связи с этим часто приходилось обращаться к Виктору Черноусу, всегда находившему оптимальные пути решения. В самое тяжелое для Чечни время он и его

коллеги из ЮФУ оказывали поддержку в консультировании молодых ученых, подготовке научных кадров.

Наиболее полно творческая деятельность В. Черноуса проявляется, работая на должности заместителем директора ИПК РГУ Ю.Г. Волкова по науке. Помнится, как однажды, в 2000 году, он обращается ко мне за советом по организации периодического издания для возглавляемого им Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИПК при РГУ, формированию редколлегии. Этот печатный орган мы решили назвать «Северо-Кавказское обозрение», и был подготовлен его первый выпуск под названием «Ислам и политика на Северном Кавказе» [12], удачно подобранный авторский коллектив состоял из числа известных ученых Северного Кавказа. Переименованное в «Южнороссийское обозрение» это издание протиражировано в более 100 выпусках и сегодня является авторитетным научно-издательским органом, в котором отражаются важнейшие проблемы кавказоведения. В его выпусках сосредоточены коллективная мысль, отдельные авторские высказывания, концепции, отражающие многочисленные проблемы Кавказа, имеющие как исторический, так и современный характер в условиях турбулентных геополитических процессов в мире и модернизационных трансформаций в современной России. В рамках этого проекта активное участие принимали такие ученые из Северного Кавказа: В.Х. Акаев, З. Арухов, А.В. Баранов, Ю.Г. Волков, А.Г. Дугин, А.В. Лубский, А.П. Скорик, К.М. Ханбабаев, В.В. Черноус, А.В. Сериков, С.А. Кислицын, В.П. Крикунов, С.А. Ляшева, А.В. Овруцкий, Н.А. Трапш, Х.Г. Тхагапсоев, В.Н. Шевелев, О.В. Шевченко, А.Ю. Шадже и др.

Хотелось особо отметить самое активное участие на всех этапах работы над данным изданием профессора И.П. Добаева, заместителя директора данного Центра, именно его организаторские качества способствовали тому, что столь длительное время функционировало издание «Южнороссийское обозрение», сохранив свою востребованность в кругу ученых, политиков юга России и страны в целом.

Ученые в экстремальных условиях

В 1995 году, когда к власти в Чеченской Республике вернулся Д.Г. Завгаев, в Грозный приехали Виктор Черноус, работавший в СКАГС-е и Ян Чеснов из Института этнологии и антропологии РАН. Это было время, когда в разрушенном Грозном часто происходила стрельба, рвались снаряды, совершались теракты, гибли люди. В городе практически не было нормального помещения, куда можно было зайти и поесть. Оба известных российских ученых, командированные своими учреждениями появились в НИИ Гуманитарных наук Чеченской Республики, который в то время я возглавлял. Они проводили социологические опросы, о ситуации в Чеченской Республике. Ответив на их вопросы, устроил им встречи с учеными, общественными деятелями, журналистами, работниками культуры.

Целый день они были заняты опросами, интервьюированиями респондентов. Вечером я предложил перекусить в одном из кафе, находившихся недалеко от нашего разрушенного НИИ и гостиницы, где они остановились. Наше застолье длилось почти до одиннадцати ночи. Но, взорвавшийся недалеко от нас снаряд, прервал мерный ход нашей встречи, которой мы давние друзья были очень рады. Как хозяин положения я виду не подавал. Первым забеспокоился Ян, тонко разбиравшийся в чеченских традициях, психологии чеченцев. Как старший в компании, он встал и заявил, что хорошо знает гостеприимство чеченцев и не собирается им злоупотреблять. Он решительно предложил прервать застолье и разойтись по домам. Пришлось подчиниться настойчивости мудрого Яна Чеснова. Их обоих я проводил до гостиницы. Преодолев несколько блок-постов, я благополучно добрался до своей квартиры. Об этом «экстремальном» застолье в Грозном Виктор Черноус часто вспоминал при наших встречах.

Вспоминается как шла война, гибли люди, как мечтали о нормальной жизни. В жестоких условиях безвременья размышляли о науке, будущих совместных исследованиях, конференциях, подготовке научных кадров для Чеченской Республики,

испытывавшей огромную потребность, обсуждали российско-чеченские взаимоотношения, искали причины трагедии, виновных. Моя гражданская позиция состояла в том, что чеченцы должны быть в составе России, сепаратизм не поддерживается народом, но искусственно навязывается кучкой политических авантюристов, деятельность которых трагически отражается на судьбе всего чеченского этноса, испытавшего трагедию 1944 года.

В условиях, когда «чеченская революция» набирала обороты коллеги из Москвы, Ростова воспринимали мою позицию с определенной долей скепсиса. Они придерживались ложного мнения, что чеченский народ хочет отделиться от России, создать собственное независимое государство. Такое мнение создавалось под воздействием высказывание «генерала-демократа» Д. Дудаева, агрессивной «удуговско-яндарбиевский пропаганды», а также при поддержке российской демократической прессы. С моей точки зрения, дудаевцы, яндарбиевцы, удуговцы – ввергали народ в трагедию, лишали его нормального развития в рамках единого российского государства. В период, когда начались «революционные» события в Чечено-Ингушетии, раскачивался Верховный Совет ЧИР, выступая на его сессии в сентябре 1991 года, я призывал Д. Дудаева не губить республику, ибо чеченцы и ингуши - не военный самолет стратегического назначения, которым он управляет в небе. Для них трагедия 1944 года, связанная с их депортацией в Казахстан и Среднюю Азию, вполне достаточна. Обращаясь к Яндарбиеву, предсказывал, что он и его сторонники, разгоняющие палками депутатов ВС ЧИР, завтра же этими палками народ их самих будет побивать.

Тем не менее, в Чечне власть была захвачена «революционерами-бесами». В итоге единая Чечено-Ингушетия разделилась на две части: Ичкеррию и Ингушетию. Большое количество русских, чеченцев, армян, евреев покинули Чечню. Многие были избиты, а иные убиты. Конфликтные взаимоотношения между федеральной властью и властью Д. Дудаева скатывались к войне.

Результаты первой войны в Чечне хорошо видели мои коллеги, кунаки Ян и Виктор. Во время наших встреч мы обсуждали вопрос, как быстрее достичь мир, восстановить разрушенное, вернуться в конституционное поле страны. Эти же вопросы они задавали каждому своему собеседнику.

В 1995 году в ходе обсуждения проблем мира в Чечне мною по телевидению высказывалась метафорическая мысль о том, что «чеченские революционеры» своими антигосударственными действиями, опрометчивыми поступками будят пока ещё спящего дракона, охватившего 1/6 часть суши. Вместо того, чтобы петь колыбельную песню дракону сепаратисты тыкают в его ноздри иглы. Но просыпание его будет трагичным для всех чеченцев, ибо он начнет изрыгать из своего чрева пламя, в котором многие сгорят. Мой метафорический намек практически реализовался.

Как в первой, и во второй войне в Чечне гибли люди, произошли колоссальные разрушения, многие мигрировали не только в города и веси страны, но уезжали и за рубеж. Во второй войне г. Грозный считался мертвым, поскольку его покинули более 80 % его жителей. Авторитетные ростовские ученые подчеркивали: «Военные конфликты, насилие, рост ксенофобии и сепаратистских настроений на постсоветском пространстве вызвали массовые вынужденные переселения» [13].

В ноябре 1999 года в Верховном комиссариате ООН по беженцам в Женеве происходила встреча более двух десятков известных гуманитарных организаций из европейских государств, обсуждавшая вопросы о выделении продовольствия, теплой одежды, стройматериалов и доставки в Чечню. Представитель Миннаца России заявлял, что население Грозного полностью покинуло этот город, а потому предлагал не поставлять гуманитарную помощь туда, но складировать её в Ингушетию, позже определяя маршруты её доставки в Чечню. Чиновник федерального ведомства, пытаясь реализовать свои коррупционные интересы, запугивал представителей европейских гуманитарных организаций, утверждая, что доставляемые в Грозный

гуманитарные грузы попадут в руки боевиков. На самом деле чаще всего они попадали в руки отдельных чиновников федерального и регионального уровней, обогатившихся баснословно.

В то время в Грозном владели жалкий образ жизни, как минимум 40 тыс. населения, скрывавшегося от ракетно-бомбовых ударов в убежищах, подвалах многоэтажек, остро нуждаясь в воде, еде, тепле, свете. Выступая против схемы чиновника из Миннаца, я заявил: если международное сообщество не желает избавиться от этой части грозненцев, то оно должно доставить туда грузы в сопровождении силовых структур и непосредственно выдавать их «полуживым» людям-призракам, продолжающим жить в Грозном. В конечном итоге, озвученная мною позиция, способствовала тому, что европейские доноры гуманитарной помощи и чиновники Верховного комиссариата ООН, приняли решение доставлять грузы в Грозный, сопровождая силовыми структурами. Гуманитарные грузы в 1999-2001 годы стали регулярно пребывать в Грозный, что помогало выжить его населению.

«Военные конфликты, насилие, рост ксенофобии и сепаратистских настроений на постсоветском пространстве вызвали массовые вынужденные переселения» [14], – отмечали известные отечественные ученые.

Сегодня за рубежом проживают до 200 тыс. чеченцев, среди них не только этнические чеченцы, но и те, кто, прикрываясь, что они чеченцы, перебрались туда. Таких случаев немало и об этом я писал в своей статье «Чеченцы в Норвегии» [15].

Отмеченные выше проблемы у Виктора Черноуса вызывали пристальный интерес, он часто об этом спрашивал, знал мою позицию и видел, как тяжело я переносил трагические события на малой родине.

Достойный делу учителей

Виктор Черноус в своем творчестве периодически обращался к идеям своих учителей. В ряду многих его публикаций на эту тему, хотелось бы остановиться на статье «Не все ученые путают науку с хлебом» [16], посвященную памяти А.П. Пронштейна, написанную

в соавторстве со своей супругой Валентиной Фирсовой. Раскрывая педагогический талант, высокую научную эрудицию, преданность делу, достигнутые выдающиеся научные результаты этого крупного отечественного историка, они отмечают и его высокие человеческие качества, умение дружить с учеными Кавказа, многие из которых не раз бывали в гостеприимной, хлебосольной семье ученого с большой буквы А.П. Пронштейна.

Авторы фиксируют принципиальную научную позицию своего учителя: «Когда в конце 70-х административными методами начали утверждать концепцию добровольного вхождения Чечни и Ингушетии в состав России, А.П. Пронштейн и Ю.А. Жданов сделали все возможное, чтобы проблема носила сугубо научный характер. Пытались организовать на страницах журнала «Известия СКНЦ ВШ» дискуссию с участием таких видных оппонентов этой концепции, как Е.Н. Кушева, Л.И. Лавров, В.П. Крикунов и др.» [17].

Примечательна совместная статья В.Ф. Патраковой и В.А. Черноуса, опубликованная в журнале «Научная мысль Кавказа» [18], в которой раскрывается роль Ю.А. Жданова в развитии Ростовского университета, превращении его в флагман региональной северокавказской науки и высшего образования, а также в один из ведущих классических университетов Советского Союза [19]. В этой публикации подчеркивается целенаправленная творческая деятельность Б.Б. Пиотровского, А.Л. Нарочницкого, Ю.А. Полякова, Ю.А. Жданова, А.П. Пронштейна, Ю.И. Серого, Р.М. Мунчаева, А.И. Козлова, В.В. Черноуса и др. ученых, принявших активное участие в разработке концепции «Истории народов Северного Кавказа», а также их многолетнюю работу над её написанием.

Между тем и сам Виктор Черноус, будучи настоящим ученым, выступал против политизации исторической науки, придерживался принципа объективности, правдивого освящения прошлого, извлечения нравственных уроков из трагедий народов. Для него возрождение традиционной культуры народов Северного Кавказа, а

на её основе этнической самоидентификации, как существенного фактора коммуникации и социализации, означало начало их интеграции в современную российскую социокультурную реальность. Выработанные народами региона Кодексы чести он оценивал, как важнейшим фактором стиля, образа жизни горцев, регулятором индивидуального и коллективного поведения [20].

Им была сформулирована, обоснована креативная, перспективная идея о кавказской горской цивилизации, сформировавшейся под воздействием различных культурно-цивилизационных веяний [21]. В этом заключается его подлинный гуманизм, подвижнический труд, нацеленность на будущее.

Заключение

В трагический для Чечни период профессор Виктор Черноус один из немногих, предвидя будущее, решительно способствовал восстановлению и развитию творческих контактов с чеченскими учеными. И это с благодарностью воспринимают ученые АН ЧР, КНИИ РАН, вузов республики, хорошо его знавшие.

Научное творчество профессора В. Черноуса достойно широкого признания и то, что им сделано, написано необходимо систематизовать, обобщить. Между тем, это требует значительной научно-исследовательской деятельности, совместных усилий его друзей, коллег, учеников. В связи с этим полагаю, что Центр, который он многие годы возглавлял, важно сохранить, придав ему новый импульс с целью объединения усилий кавказоведов в исследовании как традиционных тематик, так и колоссального опыта, накопленного им в ходе изучения современного Кавказа, осуществляя непосредственное взаимодействие с учеными различных его регионов.

И это важно добиваться, памятуя активную научную и практическую деятельность профессора Виктора Черноуса, которую можно аккумулировать в его тезисе «Кавказ – наш общий дом».

Как патриот региона и своей страны, он уделял большое внимание исследованию проблем молодежи, их воспитанию,

подготовке молодых научных кадров. Вне научного осмысления профессора В. Черноуса не осталась и такая тематика как экстремизм в молодежной среде, имеющая острый социально-политический, духовно-культурный, нравственный характер. Безусловно, ныне эти проблемы, имеющие актуальный научный, социально-политический характер, должны получать должное освещение, конкретизацию и творческое развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаев В., Добаев И.П. Предисловие // Патракова В.Ф., Черноус В.В. Избранные статьи. Отв. ред. И.П. Добаев / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 75. – Ростов-на-Дону-Москва: Изд.: Социально-гуманитарные знания, 2013. – С. 5.
2. Патракова В.Ф., Черноус В.В. Историография Кавказской войны: в поиске новой парадигмы // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27-28 августа 1999 г.). – Ростов н/Д: изд-во СКАГС, 2000. – С. 110.
3. Там же.
4. Черноус В.В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. – 2000. - № 2. – С. 30-33.
5. Там же. – С. 32.
6. Там же.
7. Акаев В.Х. Феномен Кавказской войны: анализ старых и новых концепций. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2016.
8. Патракова В.Ф., Черноус В.В. Русская (Российская) цивилизация. Историософия и проблема русской цивилизации // Патракова В.Ф., Черноус В.В. Избранные статьи. Отв. редактор И.П. Добаев / Южнороссийское обозрение Цента системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 75. – Ростов-на-Дону-Москва: Изд.: Социально-гуманитарные знания, 2013. – С. 17.

9. Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии. – Майкоп, 1999. – С. 21.
10. Там же. – С. 22.
11. Этический кодекс кавказоведа. – Ростов-на-Дону, 2014. – С. 2.
12. Ислам и политика на Северном Кавказе. Сборник научных трудов / Северо-Кавказское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып. 1. Отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. – 188 с.
13. Авдулов Н.С., Черноус В.В. Векторы этнокультурных процессов на Юге России // Энциклопедия культур народов Юга России: в 9 т. Т. 1. Народы Юга России. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – С. 22.
14. Авдулов Н.С., Черноус В.В. Векторы этнокультурных процессов на Юге России // Энциклопедия культур народов Юга России: в 9 т. Т. 1. Народы Юга России. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – С. 22.
15. См.: Акаев В.Х. Чеченцы в Норвегии: противоречивый путь адаптации // Вайнах. – 2008. - № 7. – С. 59-65.
16. Патракова В.Ф., Черноус В.В. Не все ученые путают науку с хлебом (Памяти А.П. Пронштейна) // Научная мысль Кавказа. – 1999. - № 1. – С. 85-90.
17. Там же. - С. 89.
18. Патракова В.Ф., В.А. Черноус. Ю.А. Жданов и развитие исторической науки в Ростовском госуниверситете // Научная мысль Кавказа. – 2011. – С. 10-17.
19. Там же. – С. 10.
20. Авдулов Н.С., Черноус В.В. Векторы этнокультурных процессов на Юге России // Энциклопедия культур народов Юга России: в 9 т. Т. 1. Народы Юга России. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – С. 24.
21. Акаев В.Х. Кавказское-русское культурное взаимодействие: статика, динамика, синтез // Научная мысль Кавказа. – 2015. – № 3. – С. 85.

Белоусов Виталий Михайлович,
доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической
социологии и регионального управления ИСиР,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону

Административно-территориальная динамика России, как «бремя пространства»³

8 февраля 2018 года на 69-м году жизни скоропостижно скончался ученый кавказовед Черноус Виктор Владимирович. Его коллеги отмечают эту потерю изданием очередного российского обзора Центра региональных исследований ИСиР ЮФУ, детища В. Черноуса.

Считаем важным присоединиться и обратить внимание на две позиции. Одну В.В. Черноус сформулировал в интервью газете «Открытая» (Ставрополь, 11-17 февраля 2010): «Не пугаю, но внимание обращаю... о том какие ловушки подстерегают президентского полпреда в СКФО». Другую позицию В.В. Черноус выразил во введении к Южно-Российскому обзору №27, 2005. Итак, цитируем: «Мы придерживаемся иной позиции. Опыт показывает, что административные преобразования на Юге России, разрушая сложившуюся институциональную систему и социальный порядок, нередко усиливают конфликтность этнополитической ситуации, хаотизируют... социальную сферу» [1]. Такое решение В.В. Черноусом названо «неожиданным» [2].

Предлагаем наш вариант ловушки [3] в АД Юга России в связи с СКФО.

Во-первых, обостряется проблема нецелевого использования бюджетных средств.

³ Бремя пространства – образное определение свойств российских просторов, введённое русским философом И. Ильиным (О России. Три речи).

Федеральные власти наметили целевую экономическую поддержку субъектов СКФО. «В Северо-Кавказском федеральном округе появятся специальные институты развития, ориентированные на экономику региона. Крупнейшие российский банки с государственным участием – Внешэкономбанк, Внешторгбанк, Россельхозбанк, Сбербанк уже запустили программу содействия предпринимательству на Северном Кавказе. Только малым и средним компаниям округа предоставлено свыше 50 млрд. рублей кредитных ресурсов» – отметил В.В. Путин, выступая на Межрегиональной конференции партии «Единая Россия на тему «Стратегия социально-экономического развития Северного Кавказа до 2020 года. Программа на 2010-2012 годы». В. Путин также подчеркнул, что для реализации заявленных планов необходима эффективная система управления. Именно поэтому был создан новый Северо-Кавказский федеральный округ, а его глава получил специальные полномочия. Отраслями развития, по словам премьера, являются строительство, агропромышленный комплекс, туризм, санаторно-курортные услуги, переработка, развитие инфраструктуры, энергетики и ТЭКа [4]. Однако в СМИ появляются сведения о нецелевом использовании трансфертов в т.ч. инвестиций и об эффекте «черной дыры» [5]. Здесь обнаруживается главная «ловушка» нового округа.

Во-вторых, неизбежен рост бюрократизации управления. Так, например, на 1 тысячу человек в Карачаево-Черкесии приходится 4,6 чиновников, а ВРП республики составляет округленно 12 млрд. руб. То есть один чиновник вырабатывает как бы около 260859 тыс. руб., а в Ставропольском крае на 110 млрд. руб. ВРП приходится на 1 тыс. населения 2,1 чиновника, иными словами, «продуктивность» составляет 5238095 тыс. руб. Иначе говоря, меньше субъект – ниже отдача 1-го чиновника [6]. Возможно сказывается и этнический фактор роста этнократии. Этот расчет можно продолжить, но ясно, что с созданием округа количество чиновничества возрастет, как за счет создания аппарата полномочного представителя Президента РФ в СКФО, так и за счет присутствия на местах представителей федеральной власти.

Третья «ловушка» – столичные функции. Центр округа – город Пятигорск, единственный из Центров, который не является ни административным центром субъекта, входящего в округ, ни крупным городом (как, например, Ростов-на-Дону). С апреля 2010 года резиденция А. Г. Хлопонина временно расположена в городе Эссентуки. В курортном городе надо построить здания и всю инфраструктуру управления, найти кадры (не только из Москвы), поменять легитимность Ставрополя на легитимность Пятигорска, управляемого Ставрополем, на управляющего Ставрополем, осуществить некую инверсию.

Четвертая «ловушка» – неизбежность интенсификации терроризма, что уже случилось в Пятигорске и чем недовольны ставропольчане. В СКФО находятся и два субъекта с заметной террористической активностью: «старый» – Чечня и «новый» – Дагестан, в том числе город Махачкала.

Пятая «ловушка» – перспективы русского населения. Так русских в СКФО 2 млн. 743 тысячи или 30,1%, а всех остальных – 69,9%, к примеру, чеченцев – 17 % или 1385 тысяч человек. По конфессиональному признаку мусульман в СКФО – 64%, православных христиан – 36% [7]. Есть опасения расселенческого порядка, противоречий русофобии, бытовых конфликтов (типа драк, выделения рабочих мест, матримониальных предпочтений), экстремизма.

Шестая «ловушка» – научные связи. Как пишет один из экспертов, «Затратным и неэффективным представляется перенос...научно-образовательной инфраструктуры (СКАГС, ЮФУ, ЮНЦ РАН, медиа- ресурсы, исследовательские сетевые коллективы – В.Б.). К тому же важно учесть из доклада ИНСОП следующий вывод, применимый и к администрации СКФО: «Институты государственной власти практически отказались от собственных аналитических управлений, почти не пользуются независимым консалтингом, часто считают научные исследования пустой тратой денег и времени» [8].

В настоящее время поисками критериев для административно-территориального деления (АТД) стран занимаются лишь немногие

коллективы или ученые-энтузиасты (СОПС, Институт территорий С. Глазычева и некоторые другие). Но нам не встречалось ни одной работы, показывающей обоснованность границ АДД, в т.ч. округов, в т.ч. СКФО.

Конечно, собственный опыт лидеров нации имеет свою ценность, но он расширяется не только за счет успешных мероприятий, но и за счет неудач. Цена последних может быть достаточно высокой.

Что же касается Юга России и воссоединения с Крымом (2014 году), то здесь АДД сочеталось и с территориальным министерством (Крым и Северный Кавказ), и разукрупнению (ЮФО, СКФО) и новому укрупнению (ЮФО + КрФО – Указ №375 от 2016г.).

На наш взгляд наиболее рациональным было бы формирование Большого ЮФО из 15-ти субъектов, с особыми элементами президентского правления в Крыму (оборона, отношения с Украиной, кадры, Севастополь).

ЛИТЕРАТУРА

1. Южно-Российское обозрение №27, 2005, С.9.
2. Там же. Стр.8. Оно (это решение) так же неожиданно как «милиция – в полицию», сокращение часовых поясов, замена лампочек накаливания, уступок в Баренцевом море и др.
3. Под ловушкой принято понимать некое системное противоречие, когнитивный диссонанс; нелепость, сбой причин и следствий.
4. Российский деловой портал информационной поддержки предпринимательства «Альянс Медиа». URL: [http:// allmedia.ru/newsitem.aspx](http://allmedia.ru/newsitem.aspx).
5. Новая газета, № 103 от 17.09.2010. С. 3. Преамбула статьи Бобровой О. «Куда переедет Кавказ?».
6. Рассчитано автором статьи по источнику: Регионы России. Росстат. М., 2008.
7. Информационный сайт о бизнесе. URL: <http://pascal-entering.ru/wiki/index.php>.
8. Черноус В. Юг России в нулевые и после раздела на два федеральных округа. В сб. «Юг России в первом десятилетии XXI века...». Часть 1. Южно-Российское обозрение. № 63. 2010. С. 11.

Гавриш Георгий Борисович,
кандидат юридических наук,
эксперт Центра региональных исследований,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону

Пространственно-временная модель Кавказа в условиях глобализации

1. Судьбы Кавказа в лабиринтах «Большой Игры»

Сегодня для всех уже очевидно, что смена идеологического фасада у государств «социалистического лагеря» и формальное прекращение «холодной войны» не привели к искомому результату. В паре Фукуяма – Хантингтон парадоксальным образом правыми оказались оба: если футуристическая утопия «конца истории» (“The End of History”) метафорически фиксирует торжество и безальтернативность либерализма, то концепция «столкновения цивилизаций» (“Clash of Civilizations”) описывает реальность, в которых это торжество происходит, и называет цену, которую за это приходится платить. Как следствие, архитекторы «нового мирового порядка» (“New World Order”) в течение 1990-х гг. постепенно перешли от реализации мондиалистского проекта «единого мира» (“One World”) к более прагматичной стратегии «Запад и Все Остальные» (“The West and The Rest”). На уровне политических элит указанная тенденция соответствует приходу к власти в США республиканцев во главе с Дж.Бушем и его единомышленниками из группы «Нового американского тысячелетия» (“Project for the New American Century”). По сути, этот проект предполагает отказ «золотого миллиарда» (“The West”) от исторической ответственности за судьбы всего остального человечества (“The Rest”), проигравшего на предыдущих этапах «Большой Игры».

Важно осознать, что «богатый север» не имеет никакого позитивного сценария по отношению к «бедному югу». Интерес для неоконсерваторов из США и их союзников в Европе (кстати, также

обреченных на заклание на следующем этапе исторического коллапса) представляет лишь безусловная военно-политическая и экономическая доминация над евроазиатскими пространствами. З.Бжезинский пишет:

«Главный геополитический приз для Америки – Евразия... Первостепенный интерес Америки состоит в том, чтобы помочь обеспечить такую ситуацию, при которой ни одна держава не контролировала бы данное геополитическое пространство, а мировое сообщество имело бы к нему беспрепятственный финансово-экономический доступ. Геополитический плюрализм станет устойчивой реальностью только тогда, когда сеть нефтепроводов и транспортных путей соединит регион непосредственно с крупными центрами мировой экономической деятельности через Средиземное и Аравийское моря так же, как и по суше»[1].

Ничтожная часть «туземного населения», которой будет доверено заниматься обеспечением добычи и транспортировки ресурсов (в первую очередь, нефти, газа, редких металлов), получит возможность интегрироваться в глобальное мировое сообщество. Все остальные обречены на рабское существование в экологически неблагоприятных районах и примитивные виртуальные удовольствия, которые дает медиа-цивилизация в обмен на утрату подлинного вкуса жизни, своей национальной, культурной и религиозной идентичности. Выступления недовольных будут подавлены местными силами правопорядка. Руководители «национальных администраций» (вчерашних суверенных государств) окажутся перед brutальным ультиматумом: либо содействовать такому положению вещей, защищая представителей транснациональной олигархии от «народного гнева», либо под нажимом «свободного человечества» (имеется ввиду, конечно, США) уступить свое место более «сговорчивым», а значит, более либеральным и прогрессивно настроенным элитам. Экономической легитимацией указанного ультиматума является сбор налогов, т.к. основными плательщиками в бюджет, спонсором «национальных

администраций» являются монополии, лишенные какого-либо чувства ответственности перед «туземным населением»; правовой легитимацией – «диктатура законов», ранее пролоббированных самими олигархами и их заокеанскими кураторами; политической легитимацией – псевдодемократическая риторика в стиле выступления Дж. Буша на саммите в Братиславе в феврале 2005 г., обвинившего В.В. Путина в авторитаризме. Здесь лежит ключ к пониманию политической (или даже геополитической) подоплеку пресловутого «дела ЮКОСа».

Если же «национальные администрации» проявляют упрямство, оказываются несговорчивыми, то на следующем этапе в действие приводятся более эффективные механизмы – «розово-оранжевые революции», либо открытые вооруженные вторжения в суверенные государства под надуманными предлогами (борьба с терроризмом, контроль за нераспространением ОМП, защита гражданского населения от диктаторских режимов и т.д.).

Проекция указанных закономерностей на Кавказ, где переплелись все знаковые фигуры новой «Большой Игры», и который в книгах американских стратегов назван «евразийскими Балканами», позволяет сделать ряд интересных выводов.

2. Геополитический атлас Кавказа

Судьба Кавказа неотделима от судьбы России – преемницы СССР в «Большой Игре». И.П. Добаев пишет:

«Центр Евразии, Юг России как его составная часть, в наши дни вновь стал важнейшим перекрестком мировой истории, где затевается, возможно, самая большая из всех «игр», когда-либо разыгрывавшихся на пространстве между Индом и Иорданом»[2].

Поэтому пытаться разобраться в природе противоречивых политических процессов, развернувшихся на Кавказе в самом начале XXI века, не выходя собственно за его рамки, по нашему мнению, невозможно.

Действительно, Кавказ – это уникальная многоуровневая система, в рамках которой в сложнейших комбинациях переплетены

народы, религии и культуры. Однако само по себе указанное обстоятельство еще не является достаточным основанием для объяснения необычайно высокого уровня конфликтности, захлестнувшей регион. Яркий пример тому средиземноморский ареал, где в условиях этнорелигиозной и культурной гетерогенности, не меньшей чем на Кавказе, резкая дестабилизация обстановки всегда происходила в периоды столкновения стратегических интересов геополитических игроков Востока и Запада (в канун Первой и Второй мировой войн, после роспуска «Варшавского Договора» и т.д.). В остальное же время диалог религий и культур, как правило, вполне обходился и без кровопролития. Это позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о том, что парадигма подавляющего большинства крупных социальных конфликтов носит геополитический характер, в то время как их конкретное содержание формируется из ткани объективно существующих межэтнических, конфессиональных, политических, социально-экономических и иных противоречий. Внезапное «обострение» конфликта, радикализация оппонентов, выбор необычайно агрессивных методов его «разрешения», затяжной характер противоборства, – все это верные признаки внешнего, субъективного вмешательства «третьей силы». Применительно к Кавказу такой «третьей силой», наряду собственно с Россией и государствами Закавказья, является трансатлантическое сообщество – США и их сателлиты, преследующие в регионе свои геополитические интересы. А.Г. Дугин пишет:

«Любое рассмотрение кавказского региона в геополитической системе координат предполагает конечное сведение всей многосложной картины реальной расстановки сил к глобальному геополитическому дуализму, к столкновению всегда и во всем противоположных геополитических интересов России и США (шире, стран Северо-Атлантического Союза)» [3].

Вариативность и динамику взаимоотношений геополитических игроков продуктивно рассматривать на различных (административно-территориальном, этнонациональном,

конфессиональном, правовом, энергетическом и др.) уровнях, которые вместе образуют сводный геополитический атлас Кавказа, своеобразную карту «Большой Игры».

На государственном уровне Кавказ состоит из двух неравнозначных по своей внутренней структуре и значимости частей:

- во-первых, региона Северного Кавказа в составе Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации;

- во-вторых, государств Закавказья, которые обрели независимость после распада Союза ССР – Азербайджана, Армении и Грузии.

На этническом уровне карта Кавказа представляет собой причудливую мозаику, в которой очаги расселения этнических групп не соответствуют проведенным между ними административно-территориальным или даже государственным границам. Некоторые республики однородны и гомогенны (как, например, Армения и Азербайджан), другие, напротив, гетерогенны (Грузия, большинство республик Северного Кавказа). Во многом из-за этого, а также в силу исторической инерции, существует определенный антагонизм между армянами и азербайджанцами (нагорно-карабахский конфликт), осетинами и ингушами (осетино-ингушский конфликт), осетинами и грузинами, абхазами и грузинами (конфликтогенные процессы вокруг частично признанных Южной Осетии и Абхазии), между кабардино-черкесской и карачаево-балкарской (тюркской) этническими группами. Большой конфликтогенный потенциал несет в себе модернизация архаично настроенных вайнахских элит. Отдельного рассмотрения заслуживает ситуация в Дагестане, где проживают аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, ногайцы и др. народности, равновесие между которыми поддерживается на основе многовековых традиций по сохранению этнического баланса. Кроме того, нельзя забывать, что на Кавказе, в т.ч. в бывших республиках СССР, проживает большое количество русского (шире – русскоязычного) населения.

На конфессиональном уровне карта Кавказа окрашена, преимущественно, в зеленые цвета ислама, т.к. его исповедуют практически все этнические группы, за исключением армян, грузин, осетин и русских (христиане). Однако интеграция между ними по религиозному признаку существенно затруднена, с одной стороны, из-за богословских разногласий между суннизмом и шиизмом (характерен преимущественно для Азербайджана), а с другой, из-за широкого распространения тайных духовных школ суфизма (тарикатов, вирдовых братств), не признающих исламского универсализма. Авторитет глав вирдов (шейхов) очень велик в республиках Северо-Восточного Кавказа (Дагестан, Чечня, Ингушетия), где на практике превышает влияние руководителей официальных исламских структур (муфтиев духовных управлений мусульман). Распространение радикального ислама – ваххабизма (или салафизма) – явление для Кавказа относительно новое и имеет явную геополитическую подоплеку, на которой мы позволим себе остановиться подробнее ниже.

Правовая карта Кавказа во многом производна от описанной выше административно-территориальной и этнорелигиозной стратификации района и может быть охарактеризована в терминах «юридического плюрализма». Указанный феномен отражает параллельное сосуществование в рамках единой ценностной системы различных нормативных элементов, к наиболее важным из которых можно отнести:

- этнический компонент, связанный с распространением обычного права (адата);

- религиозная составляющая, ведущая свою историю со времени первого проникновения на Кавказ вначале христианства, а затем – ислама, с присущим ему специфическим кодексам поведения – шариатом;

- региональная специфика, обусловленная дифференциацией нормативных систем в зависимости от т.н. «географического индекса» родоплеменных структур в рамках одной этнорелигиозной

группы (например, различия в правовой культуре горных и равнинных тейпов у вайнахов и т.д.);

- административно-политический компонент, связанный с влиянием на автохтонные кавказские народы более крупных государственных образований, в различные исторические периоды доминировавших в регионе (так, после включения большей части Кавказа в состав Российской империи, а затем и СССР, широкое распространение получила светская нормативная система – европеизированное право).

Доминирующими центрами энергетической карты Кавказа являются те географические зоны, которые обеспечивают доступ к энергетическим ресурсам Каспийского региона и условия для их последующей доставки в Европу. Особая роль здесь принадлежит Азербайджану и Грузии, территории которых активно используются западными странами для организации устойчивого и независимого от России канала транспортировки нефти, прежде всего, по маршруту «Баку-Тбилиси-Джейхан». Возможность прокладки альтернативного нефтепровода с российской стороны была одной из подспудных причин т.н. «первой чеченской кампании» 1994-1996 гг.

Несмотря на рассмотренный нами государственно-правовой и этнорелигиозный плюрализм кавказского региона, тем не менее, принято говорить о значительной степени его культурной идентичности, о существовании особой «кавказской ментальности» в рамках «Большого Кавказа» (Северный Кавказ + Закавказье). Безобидное, с культурологической точки зрения, утверждение оборачивается, однако, геополитической амбивалентностью.

Так, для Москвы (взгляд из Кремля) единый Кавказ означает укрепление стратегических интересов России на южных рубежах: сохранение территориальной целостности, обеспечение безопасности региона, налаживание партнерских отношений с соседями из Закавказья, широкое сотрудничество в вопросах борьбы с терроризмом, незаконной миграцией, совместная разработка недр, контроль над транспортировкой добываемых

природных ресурсов и т.д. На следующем этапе возможна более глубокая интеграция Кавказа в рамках таких надгосударственных структур, как СНГ, ЕвразЭС, ОДКБ. С учетом постсоветских реалий, никто в Кремле уже давно не питает иллюзий о возможности прямого включения бывших республик СССР в состав РФ в ее нынешнем виде. Речь скорее идет, о рекомпозиции евроазиатского пространства на равноправных и партнерских началах. Поэтому Россия, как ни одна другая страна, заинтересована в стабильности и процветании региона.

Взгляд «с той стороны океана» (из Вашингтона), напротив, видит в идеологии единого Кавказа легитимацию для наращивания в регионе собственного военно-политического и экономического присутствия, дальнейшей геополитической экспансии вглубь континента. С одной стороны, это означает укрепление уже приобретенных позиций в Армении, Азербайджане и Грузии (особенно, после успешно проведенной «революции роз»), с другой стороны, распространение своего влияния на вторую часть «Большого Кавказа» – в составе РФ. При этом активно используется следующая формула:

1) умышленное провоцирование объективно существующих в регионе этнорелигиозных конфликтов, эскалация напряженности, поддержка движений антироссийского толка;

2) эксплуатация принципов «толерантности», абсолютизация абстрактно понятых «прав человека» и либерально-демократических ценностей, широкое международное давление на РФ в целях воспрепятствовать эффективному и оперативному разрешению конфликтов;

3) привлечение трансатлантических военно-политических структур, как необходимый элемент для урегулирования конфликтов.

Развернутая в последнее время антироссийская пропаганда в международных СМИ, «двойные стандарты» по чеченскому вопросу, многочисленные факты участия агентов иностранных спецслужб (США, Великобритания, Турция) в деятельности

бандформирований в северокавказском регионе, о чем неоднократно сообщали официальные представители ФСБ, - все это вписываются именно в указанную модель. Только окончательное отторжение Северного Кавказа от России позволяет одновременно осуществить смену нелояльной Западу части российского политического истеблишмента, инициировать процесс дальнейшего территориального распада РФ, получить неограниченный доступ к природным ресурсам Евразии, окончательно закрепить доминанцию атлантистов на континенте.

3. Парадигмальное моделирование и геополитический индекс

Сделанные нами наброски к геополитическому атласу Кавказа отражают взгляд на проблему с точки зрения пространства. Однако в действительности модель кавказского региона гораздо сложнее. В ней присутствуют элементы, порой фрагментарные вкрапления, относящиеся к различным историческим эпохам, существующие как бы в параллельных системах отсчета, где время течет по-разному. Чтобы разобраться в этой неочевидной «политгеометрии» необходимо обратиться к тем парадигмальным трансформациям, которые произошли в глобальном политическом процессе после распада Союза ССР.

Новейшие научные исследования в области политической глобалистики позволили выявить и сформулировать одну очень интересную закономерность, объясняющую логику эволюции политических парадигм. Так, А.Г.Дугин в целом ряде работ [4] убедительно продемонстрировал, что процесс модернизации традиционных обществ на всех стадиях исторического процесса происходил не хаотично, а двигался к некой цели, определенному парадигмальному проекту, контуры которого окончательно проявились лишь в эпоху Нового времени. Именно тогда впервые была сформулирована концепция либерализма, интегрировавшая в себе скрытые тенденции, которые на протяжении предыдущих столетий являлись латентными механизмами секуляризации и дезонтологизации сакральных цивилизаций. Именно либерализм

представляет собой наиболее законченную и последовательную антитезу того, чем являлась политика в традиционном обществе. На протяжении XVIII – XX в.в. либерализм никогда не проявлялся в «чистом виде», всегда выступая вместе с другими (или против других) идеологических течений, и поэтому воспринимался лишь как одно из направлений современности, наряду с другими. «Холодная война» отражала, в том числе, и грандиозную историческую дуэль двух мировоззренческих систем – «либеральной» и «коммунистической» – за право наиболее точно отражать «дух современности», «дух Просвещения». Таким образом, логика политической модернизации (вне зависимости от субъективных предпочтений) осмысливается, как перманентный процесс дезонтологизации и демифологизации традиционного общества в целях выхолащивания из него сакральных элементов и приведения к парадигме, основанной на либеральных принципах. Ранее о том же самом писал К. Поппер [5]. В его терминологии рассматриваемая гипотеза звучала как неизбежность тотального перехода от «закрытых» обществ, в которых общие интересы (целое) доминирует над индивидуальными (частное), к «открытым», в которых в качестве последней ценности провозглашен индивидуум.

Таким образом, политическая глобалистика (Поппер – Дугин) для описания эволюции политических парадигм оперирует тремя важнейшими концептами:

1. Премодерн – объединяет различные варианты традиционного («закрытого») общества: от примитивных архаических культов до великих империй прошлого. В политико-правовом плане основным императивом премодерна является сакрализация власти со всеми вытекающими последствиями – культ властителя, нераздельность государственных и религиозных феноменов, обязательное наличие социальной (кастовой) иерархии, умаление частного во имя целого, легитимация насилия и т.д.

2. Модерн – цивилизационная модель, в рамках которой осуществляется переход от «закрытого» общества к «открытому», к либерализму в чистом виде. На политико-правовом уровне этому

процессу соответствуют секуляризация власти, появление концепций политического суверенитета, «государства-нации», «гражданского общества», номократии (диктатуры закона), индивидуальной ответственности, индивидуализма, прав человека и т.д.

3. Постмодерн (или ультрамодерн) – новейшее явление, призванное зафиксировать уникальную ситуацию, в которой оказался мир после крушения СССР. «Ситуация постмодерна» наступает тогда, когда модернизация доходит до своего крайнего предела, а сам модерн оказывается без явного противника, т.е. в новом абсолютном, безальтернативном качестве. С явлением постмодерна органически связаны такие концепты, как «информационное общество», «постиндустриальное общество», «глобализация», «мондиализм» и др. На политическом уровне это предполагает растворение региональных суверенитетов в «больших пространствах» глобализирующегося человечества.

Важно подчеркнуть, что идеологии и концепции, использовавшиеся на каком-то этапе для борьбы с традиционным обществом, на следующем этапе сами становились жертвами модернизации, как недостаточно современные и прогрессивные. Стоило какому-либо идейному течению чуть-чуть притормозить на магистрали прогресса, как моментально оно подвергалось модернизации со стороны более «современных» конкурентов (например, религии Откровения в эпоху секуляризации). Тем не менее, обломки и фрагменты предыдущих политических парадигм никогда до конца не растворялись, а присутствовали либо на периферии магистрального политического процесса, либо латентно, под формой внешне современных идеологических движений (например, гегельянство в Новое Время, фашизм и коммунизм в XX веке и др.).

Все вышеизложенное полностью применимо и для анализа политико-правового ландшафта Кавказа, в котором присутствуют элементы традиционного общества, модерна и постмодерна. Их проекция на геополитический атлас Кавказа позволяет вплотную приблизиться к решению задачи, вынесенной в название настоящей статьи – построению пространственно-временной модели региона. В

соответствии с тринитарной логикой необходимо осуществить дифференциацию всех политических и этнорелигиозных групп. Образовавшуюся выборку следует проиндексировать еще раз, учитывая дуальность геополитического кода «Суша – Моря». Таким образом, пространственно-временное моделирование кавказского региона приводит нас к матрице, состоящей из шести (3x2) элементов:

1. Премодерн, находящийся в зоне морского влияния (атлантистский премодерн). Представлен широким спектром архаичных движений, имеющих антироссийскую направленность: начиная от ваххабизма (салафизма) и религиозного традиционализма нухаевского толка, заканчивая различными течениями кавказского сепаратизма с акцентом на вопросах этнонационального самоопределения в ущерб территориальной целостности РФ, проблемах депортированных народов и т.д. Наиболее наглядно указанный модуль проявляет себя в Чечне, а также в деятельности джамаатистского бандподполья по всему Северному Кавказу.

2. Премодерн, напротив, находящийся в зоне континентального влияния (сухопутный премодерн). В российской части кавказского региона представлен официальным духовенством (системой ДУМ), противостоящем ваххабитам. В странах Закавказья – это христианские и пророссийски ориентированные анклавы (в Армении, Южной Осетии, фрагментарно – в Грузии), а также национал-сепаратистские движения, находящиеся в оппозиции проатлантически настроенным правительствам своих государств (наиболее характерны в этой связи квазигосударственные образования Южной Осетии, Абхазии и Аджарии). Сюда же можно отнести течения мусульман-фундаменталистов суфийской или филошиитской ориентации, с явными симпатиями не столько к России, сколько к континентальному Ирану и определенной антипатией к «арабскому исламу».

3. Атлантистский модерн – соответствует уровню «государств-наций», региональных суверенитетов. Из трех закавказских государств СНГ к указанному типу, без всяких колебаний, можно отнести лишь проамериканскую Грузию, ставшую таковой после управляемой «революции роз».

4. Континентальный модерн. В чистом виде представлен постсоветской Россией, понятой как региональная держава, а не вторым полюсом планетарного противостояния. С известными оговорками сюда же можно причислить колеблющуюся Армению, а также балансирующий Азербайджан, явно спекулирующий своим исключительным положением с точки зрения доступа к нефтяным ресурсам Каспийского моря и их последующей транспортировки.

5. Атлантистский постмодерн. Проявляет себя в общем поле геополитической напряженности, глобализации, однополярного мира и незримого присутствия во всех уголках планеты США, трансформировавшихся в «империю сетевого типа» [6]. Основной вектор – тотальная десуверенизация региональных держав в пространстве постмодерна и включение их в зону своего стратегического влияния. Применительно к государствам Закавказья это означает их использование как плацдарма для экспансии в Россию (на примере Грузии). Применительно к самой России – отторжение Северного Кавказа, десуверенизация страны в целом, разделение ее на множество частей, превращение евроазиатского материка в «ничейную землю». Атлантистский постмодерн (победивший “The West” в геополитической терминологии) не имеет никакого позитивного проекта по отношению к фрагментам модерна и премодерна (“The Rest”), оставшимся за его спиной и подлежащим лишь дальнейшей, уже окончательной и бесповоротной унификации.

6. Континентальный постмодерн – эта ячейка определена пока лишь виртуально, как потенциальный проект. Легитимность ее существования объясняется тем, что если информационная и технологическая составляющие глобализации не подлежат сомнению, как вполне объективный с исторической точки зрения процесс, то ее идейная безальтернативность может ставиться под вопрос. Поэтому, даже чисто теоретически, должна быть концепция «Постмодерна Евразии», отражающая континентальную ментальность, несущая «модернизацию без вестернизации». По логике, ее носителем должна стать геополитическая конструкция, интегрировавшая в себе евразийское «большое пространство» и рискнувшая бросить

асимметричный вызов однополярной глобализации по-американски. Исчерпывающее описание указанного мировоззрения осуществлено в рамках современного российского неоевразийства, в частности, в работах А.Г. Дугина [7]. Едва различимые тенденции к его практической реализации мы встречаем во внешней и внутренней политике В.В. Путина. Континентальный постмодерн, по идее, будет направлен на строительство многополярного и справедливого мира, в котором найдется место народам, культурам и экономическим укладом и из других временных эпох (модерн, премодерн).

4. “Endkampf”: тайный союз Давида и Голиафа

У Х.-А.Нухаева, т.н. «чеченского традиционалиста», есть статья под названием «Давид и Голиаф», посвященная анализу геополитических и цивилизационных аспектов российско-чеченского конфликта. В ней он использует метафорические аналогии с архетипическим сражением Давида и Голиафа:

«Библейский Давид сражался не просто с вооруженным до зубов великаном, а с первым воином филистимлян – народа, олицетворявшего древние силы Моря, морскую цивилизацию, поставившую перед собой задачу любой ценой взять под своей контроль торговые пути Север-Юг, на которых основывалась жизнь древней родоплеменной конфедерации израильских племен» [8].

По мысли Х.-А. Нухаева, чеченцы, как носители традиции (премодерна) воюют не столько против России (модерна), сколько против Запада (постмодерна), проводником влияния которого на Кавказе и одновременно жертвой которого Россия, якобы, является:

«В той мере, в которой Россия сегодня является частью системы международного права, охватывающей паутинной своих принципов и норм весь земной шар, то есть в той мере, в которой Россия – это государство, являющееся субъектом нового глобального порядка, она взяла на себя функции Голиафа» [9].

Это очень принципиальный эпизод, т.к. подобным образом Х.-А. Нухаев легитимизирует действия чеченских бандформирований против России. Если на геополитическом уровне очевидно, что война в

Чечне на руку только атлантистам, что эта война – преступление против Суши, то на парадигмальном уровне картина меняется на 180 градусов. Оказывается, премодерн борется с модерном, т.к. видит за его спиной «дьявольский абрис» постмодерна. Безупречный тезис. Казалось бы...

Но давайте посмотрим, кто такой этот самый Х.-А. Нухаев? Ведь при ближайшем рассмотрении выяснится, что на протяжении многих лет он активно взаимодействовал именно с атлантистскими геополитическими центрами, снискав себе на этом поприще внимание со стороны таких знаковых фигур, как З. Бжезинский, Г. Киссинджер, М. Тэтчер, Ж. Атали и др. Более того, при его активном участии во второй половине 1990-х г.г. был реализован проект «Кавказского общего рынка», подразумевающий ту самую «общекавказскую идентичность», которая настаивает на интеграции «Большого Кавказа» (Закавказье + Северный Кавказ) без участия России. В настоящее время Х.-А. Нухаев, по данным СМИ, находится в международном розыске за участие в организации и финансировании операции по захвату заложников в ТЦ «Норд-Ост» в 2002 г. в г. Москве.

О чем это говорит? Нам кажется о многом... Иезуитская логика атлантистов в эпоху глобализации подсказала новую стратегию скорейшей реализации их гегемонистских планов. Россия – классический образец государственного образования эпохи модерна – с обеих сторон оказалась зажата в парадигмальные тиски. С одной стороны, давление постмодернистических Соединенных Штатов, с другой стороны – премодернистических элит кавказского региона. Самое удивительное, что атлантисты через сеть своих официальных и неофициальных структур, в первую очередь международных НПО (типа фондов «Карнеги», «Открытое общество» и т.п.), настойчиво требуют от России дальнейшей модернизации по либеральным шаблонам, в т.ч. модернизации и унификации архаичных сообществ Северного Кавказа. Параллельно с этим, через альтернативную сеть НПО (типа фонда «Закрытое общество», чеченской межтейповой организации «Нохчи Латта Ислам», Международного научно-исследовательского института народов Кавказа и др.) те же самые

силы – США и Великобритания – активно используют недовольство традиционных кругов либеральной и унификационной политикой Кремля на Кавказе для формирования и институализации новой инфраструктуры антироссийского сопротивления (как в форме салафизма, так и традиционализма нухаевского толка). На чьей стороне Х.-А. Нухаев в этой игре объяснять излишне.

Предательство Давида и его тайный союз с Голиафом. В преддверии геополитического “Endkampf” возможны самые неожиданные альянсы...

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его стратегические императивы. М., 1999. С.43, 178
2. Добаев И.П. Юг России в системе международных отношений: национальная и региональная безопасность. Ростов-на-Дону., 2004. С.46.
3. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 2000. С. 804.
4. Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М., 2002; Дугин А.Г. Философия традиционализма. М., 2002; Дугин А.Г. Философия политики. М., 2003; Дугин А.Г. Трансформация политических институтов и структур в процессе модернизации традиционных обществ. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Ростов-на-Дону, 2004.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1-2. М., 1992.
6. Хардт М., Негри А.Империя. М., 2004.
7. Дугин А.Г. Проект Евразия. М., 2004.
8. Нухаев Х.-А. Давид и Голиаф // Ведено или Вашингтон? М., 2001. С.37-38.
9. Нухаев Х.-А. Давид и Голиаф // Ведено или Вашингтон? М., 2001. С.38.

Дегоев Владимир Владимирович,
доктор исторических наук,
профессор МГИМО(У) МИД РФ,
Москва

«Черкесский вопрос» и «Большая Игра» на Кавказе

Есть случаи, когда не стоит множить сущности сверх необходимости. Но в иных ситуациях нет никакого проку и от чрезмерных упрощений. Важно вовремя и правильно разобраться в том, почему дремлющие десятилетиями и мало кого интересующие, кроме специалистов-исследователей, исторические сюжеты отнюдь не всемирного значения внезапно обретают, как выражался академик Михаил Каченовский, совершенно неестественные размеры.

Сегодня среди таких сюжетов черкесский вопрос. До середины XIX века так можно было условно именовать целый комплекс проблем, которые создавали друг для друга, с одной стороны, Россия и Турция, боровшиеся за господство на Северо-Западном Кавказе, с другой – проживавшие там черкесские (адыгские) племена, реагировавшие на внешнее вмешательство по-разному, но в основном так, как в подобных ситуациях положено реагировать патриархально-родовым, политически слаборазвитым, чрезвычайно раздробленным обществам.

Они были хорошо вооружены, отменно искусны в военном деле и в разбойных набегах, до невероятия бесстрашны в бою, но и весьма рациональны в осознании бессмысленности гибели в заведомо обреченном на проигрыш сражении. В социальной организации черкесов важную роль играл рыцарский – он же житейский – кодекс чести, не мешавший забывать о нем за пределами родной общины при встрече с «чужим» или просто «другим», не говоря уже о явном неприятеле. Чтобы не углубляться в эту необъятную для исследователей тему, ограничимся банальным заключением: в черкесской истории, как и в истории любого

другого народа, есть вещи, достойные и гордого восхищения, и спокойно-трезвого взгляда, и покаяния, а лучше забвения.

В современных пропагандистских кампаниях черкесский вопрос приобрел совсем иной, узкий и однозначный смысл. Его отождествляют с якобы главным и единственным результатом Кавказской войны 1817-1864 годов – «геноцидом» черкесов, средствами осуществления которого были боевые действия (в условиях войны!) и насильственное выселение в Османскую империю.

Напомню, что известный французский ученый Марк Блок провозгласил девизом историка «не судить, а понимать». Нынешние спекуляции вокруг черкесского вопроса – классический пример стремления применить этот принцип к логике поведения одной стороны, и категорически отказать в нем другой.

Обвинительные доводы в адрес России известны. Они кочуют по страницам сотен статей, книг, интернет-изданий почти в неизменном виде. Их сторонники не проявляют ни малейшего интереса к реальным историческим обстоятельствам времени, места, образа действия. К гигантским по своим масштабам геополитическими процессам первой половины XIX века, порожденным глубинно мотивированной борьбой (для кого-то – борьбой за выживание) между пятью великими державами (Россия, Иран, Турция, Англия, Франция) за господство и влияние на пространстве от Балкан до Индии. На этих просторах разворачивалось жестокое соперничество по всем направлениям – военно-стратегическим, дипломатическим, экономическим, культурно-цивилизационным. И проиграть не хотел никто.

Сравнительно небольшой по территории Кавказ играл тут одну из ключевых ролей, и обладание им являлось отнюдь не прихотью русских правителей. Речь шла о гарантиях безопасности южных границ империи.

Россия на Кавказе

Обратимся к международному и внутреннему положению России во второй половине 1850-х и первой половине 1860-х годов. Недавно закончилась Крымская и на исходе была Кавказская война, быть может, самые изнурительные и дорогостоящие войны в истории Российской империи.

России нужен был долгий мир и покой для осуществления фундаментальной программы реформ, включая военную. В том числе Петербург исполнился решимости придать системный характер начавшемуся еще в конце XVIII века и постоянно прерываемому войнами с Турцией и Ираном социально-гражданскому, административному, хозяйственному, культурно-образовательному обустройству Северного Кавказа. В этом виделось главное средство интеграции горцев в российско-имперскую цивилизацию.

И в этом грандиозном проекте не было этнических изъятий. Это в равной степени относилось и к Дагестану, и к Чечне, и к Северо-Западному Кавказу. Единственное, что требовали русские власти от черкесов – переселиться из высокогорных ущелий, откуда они совершали опустошительные набеги, на равнинные земли, которым, между прочим, по уровню плодородности не было аналогов в России. Язык не поворачивается назвать это жертвой со стороны горцев, учитывая их склонность к перемене мест и убогие домашние хозяйства, с которыми на протяжении истории они расставались без особого сожаления.

Александр II во время посещения Кавказа в сентябре 1861 года сказал горским депутатам: «Я к вам пришел не как враг, а как доброжелательный друг. Я хочу, чтобы ваши народы сохранились, чтобы они не бросали родных мест».

Царь призывал к миру, покою и забвению прошлого (по поводу которого русские тоже могли много чего припомнить черкесам). Это были основополагающие понятия, отражавшие суть отношения Александра II к своим весьма строптивым подданным.

Франция, Англия и Турция

Между тем, в Европе опять собирались тучи. Французским императором Наполеоном III овладело искушение окончательно сломать прежний (установившийся после 1815 г.) международный порядок, воспользовавшись польским восстанием 1863 года. Под предлогом защиты поляков Наполеон III готовился развязать войну и захватить левый берег Рейна. Принявшись сколачивать против России и Пруссии блок европейских держав, он счел небесполезным использовать черкесов.

Наполеон III выдвинул план образования независимой Польши, включая Галицию, уступка которой будет для Австрии компенсирована частью турецких владений в Европе, а Турция в обмен на свои потери получит Черкесию. Вопросом «хотят ли этого черкесы?» император себя не утомлял.

Кавказ становился немаловажной частью сложной дипломатической комбинации, приманкой, рассчитанной на вовлечение султана в конфликт с Россией.

Англия также считала «освобождение» Черкесии мощным стимулом для Турции начать войну, которая непременно перерастет в общеевропейскую и принесет полякам и черкесам «независимость».

В такой обстановке вооруженную помощь горцам против России стали оказывать турки, поляки, французы, англичане, не говоря уже о всякого рода европейских искателях приключений. В Черкесию прибыла крупная многонациональная экспедиция, участники которой руководили боевыми действиями горцев, пытались придать им организованный характер.

Разжечь войну в Европе Наполеону III не удалось. В результате остыл и европейский интерес к черкесам. Несмотря на интернациональную помощь горцы потерпели полное поражение. Их боевой и моральный дух был сломлен.

Черкесы

Горцы тоже устали от тридцатилетней Кавказской войны. Убедившись в возможности жить рядом с русскими поселенцами на началах добрососедства, в преимуществах взаимовыгодной торговли и общения в других областях, в отсутствии у России намерения карать, простые черкесы стали тяготеть к миру. Да и часть знати, понесшая в ходе войны экономический урон, искала примирения с русскими властями, но на условиях сохранения своих привилегий. По свидетельству одного иностранца, воевавшего против России, настало время, когда горцы «даже слушать не хотели о войне с Москвой».

Процесс размежевания социальных сил в горском обществе ускорился продуманными и дальновидными мерами главнокомандующего русскими войсками А.И. Барятинского, давно осознавшего неэффективность повсеместного, без учета конкретной обстановки, применения краеугольного принципа колониальной стратегии царизма — опоры на местную знать. Наместник нарушал его, руководствуясь необходимостью завершить Кавказскую войну.

В августе 1863 года сложили оружие абадзехи, а 21 мая 1864 года — шапсуги и убыхи. Так закончилась одна из драматических эпох в истории Кавказа.

В оставшиеся — шестидесятые — годы султанское правительство спровоцировало с поощрения Англии массовое переселение горцев в Турцию.

Вдохновители грандиозной кампании переселения опирались прежде всего на настроения черкесской аристократии, которую волновали не столько военные или политические проблемы, сколько личные социально-экономические перспективы при русской власти. Известие об отмене крепостного права в России породило подозрения, что зависимые сословия будут освобождены и в черкесских обществах. У колеблющейся части горских верхов появился убедительный стимул к эмиграции.

Русская администрация объявила о своей готовности признать вышедших с гор холопов свободными и поселить их на удобных землях. В ожидании близкого избавления от своих владельцев они

проявляли открытое неповиновение. На мирских сходах принимались решения не платить оброка князьям.

Боясь лишиться дохода и высокого общественного статуса, родовитая черкесская аристократия провоцировала переселенческое движение. При этом имелось в виду не просто переехать в единоверную державу – Османскую империю, но и переместить туда сложившуюся в горах социальную структуру, воспроизвести на новом месте прежний порядок жизни. Иными словами, черкесские верхи и в Турции хотели оставаться эксплуататорским сословием.

Энергичную агитацию развернуло и горское мусульманское духовенство, преподносившее выезд в Турцию как исход в землю обетованную и предрекавшее муки ада под властью русских гяуров. Против такого давления мало кому удавалось устоять.

Сыграли свою роль и наивные политические представления черкесов, которые всерьез полагали, что Турция – самая могущественная и богатая держава в мире, а остальные народы, включая англичан и французов, находятся у нее в услужении.

Таким образом, тесное слияние различных факторов вызвало массовый переселенческий порыв, приобретающий характер цепной, неуправляемой реакции. Между прочим, в среде современных потомков мухаджиров (в Сирии, Иордании, Турции), сохранивших в памяти рассказы своих отцов и дедов, бытует убеждение, что на чужбину их обманом увлекли «князья» и «эфенди», – и это была ошибка...

Впрочем, часть горцев из различных племен и сословий, связанная экономическими и культурными контактами с русским и казачьим населением Прикубанья, выстояла против этой стихии и осталась на родине. Эти горцы получили земли на плодородной Прикубанской плоскости «с учреждением в среде их правильной администрации и суда, основанного на народных обычаях и шариате». Настроения в пользу переселения в Турцию угасали по мере обретения опыта благоустроенной жизни «под русской властью», которая оказалась совсем не такой страшной, и которую фактически осуществляли выборные представители черкесских общин совместно с

имперскими чиновниками, хорошо разбиравшимися в местных обычаях. Немалое психологическое воздействие на горцев имели также рассказы прибывших из Турции торговцев об отчаянном положении черкесов в местах нового обитания.

Как показала история, возможности для этнокультурной самореализации сначала под русским самодержавным скипетром, а затем при партийно-советской власти не шли ни в какое сравнение с той абсолютно безальтернативной перспективой, которая ждала черкесов в Турции, – стать «османлы» и забыть о своей этнической принадлежности. Что происходило с теми, кто пытался сопротивляться османскому катку, известно. Равно как известно и то, чего на сегодняшний день достигли кавказские народы России (в лице десятков тысяч своих лучших представителей) в области науки, культуры, образования. И никто из них не платил за это отречением от своих этнических корней, традиций, языка.

Об интересах Турции

Турецкое правительство желало заполучить черкесов как карательную силу для обуздания национально-освободительного движения на Балканах. Османские власти активно поощряли переселение посулами благоденствия, религиозной пропагандой, предоставлением морских транспортов.

Среди побудительных причин переселенческой кампании следует отметить мощные коммерческие стимулы, почему-то оставленные большинством историков без внимания. Практически весь турецкий (и не только турецкий) флот и связанная с ним инфраструктура получили высокоприбыльную работу на многие месяцы. Все, что способно было держаться на воде, устремилось к кавказским берегам. Перевозчики взвинтили цены до беспрецедентного уровня. Черкесы свозили к побережью и продавали за бесценок свой скот и скарб, чтобы выручить деньги на проезд. В суматохе переселения и в условиях временной отмены таможенных ограничений возник настоящий работоторговческий бум. С тех, кто не мог заплатить за место на корабле – а таких было немало – взималась натуральная плата в виде живого

товара. За провоз 30 человек судовладелец получал от них одного человека (обычно ребенка) в собственность, то есть в рабство. Вопрос о том, кто будет жертвой, решался самими пассажирами путем простой жеребьевки...

Новая родина встретила черкесов неприветливо. До них почти никому не было дела. Без крова, без средств к существованию они умирали десятками тысяч от истощения, холода и болезней. Вместо обещанных райских кущ многие нашли в Турции лишь свое последнее пристанище.

Между прочим, в среде современных потомков мухаджиров (в Сирии, Иордании, Турции), сохранивших в памяти рассказы своих отцов и дедов, бытует убеждение, что на чужбину их обманом увлекли «князья» и «эфенди», – и это была ошибка.

* * *

Для историков есть смысл задуматься, быть может, над самой фундаментальной причиной переселения. У черкесов, в отличие от дагестанцев и чеченцев, не оказалось харизматического лидера-объединителя масштабов Шамиля. Некому было обратиться к ним со словами «в войне счастья нет». Некому было спросить у черкесов, столпившихся на берегу моря: «что вы творите? куда вы собрались? кто вас там ждет?». В Черкесии (в данном случае, к сожалению) не удалось построить имамат. Иначе, даже в развалившемся виде он сохранил бы какую-то организационно-управленческую инерцию, достаточную для того, чтобы во избежание полного хаоса наладить деловое сотрудничество с русскими властями, остро нуждавшимися в союзнике и помощнике для сохранения контроля над общей ситуацией.

Единоличную ответственность за трагический эпилог Кавказской войны не несет ни одно государство, ни один народ, ни один человек. Вычислять точную, «объективную» меру вины причастных сторон – совершенно безнадежное дело. Это будет так же глупо, как сердиться на историю, за то, что она была такой, какой была.

Добаев Игорь Прокопьевич,
доктор философских наук, профессор,
эксперт Российской академии наук,
эксперт НАК РФ,
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону

Причины и последствия раскола мусульманской элиты на Северном Кавказе

Ислам в Российской Федерации преимущественно локализован в его суннитской версии ханифитского толка. В то же время, практически до последнего времени исследователи четко дифференцировали два качественно отличающихся друг от друга ареала распространения ислама – Поволжье, Урал и Западная Сибирь, с одной стороны, а с другой – Северный Кавказ. На Северном Кавказе за последние два десятилетия религиозно-политический экстремизм и терроризм стали суровой реальностью, поэтому сконцентрируем внимание именно на нем.

На Северном Кавказе, как и в других регионах России и мира, ислам не представляет собой монолита, но разобщен в рамках существующих направлений, толков и идейных течений. В регионе, как и в других субъектах РФ, доминирует его суннитская версия, относительно небольшое количество шиитов (по данным Комитета по делам религий Республики Дагестан около 45 тысяч человек) проживает в южной части этой северокавказской республики. Их невысокая численность и относительная политическая пассивность позволяет в ходе дальнейшего анализа вывести их за рамки рассмотрения.

Что касается толков (мазхабов, или правовых школ в исламе), то с этой точки зрения северокавказский ислам достаточно условно можно разделить на две части: на Северо-Западном и Центральном Кавказе (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия-Алания) представлен ханифитский мазхаб,

считающийся самым мягким и гибким в исламе. На Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Чечня и Ингушетия) преобладает шафиитский толк, более жесткий, чем ханифитский.

Однако самое значимое расслоение фиксируется на поле идейных течений в исламе (традиционализм, фундаментализм, модернизм), прежде всего, по линии традиционализм – фундаментализм. Каждое из этих течений борется за усиление своего влияния на верующих. Модернистские тенденции в регионе пока еще крайне слабы и противоречивы, и существенной роли в общем раскладе сил не играют. Поскольку самой исламизированной республикой Северного Кавказа является Дагестан, то в дальнейшем в ходе аргументирования тех или иных положений мы будем в большей степени опираться на дагестанский исламоведческий материал.

Традиционный ислам представляет собой, прежде всего, институционализированное мусульманское духовенство – административно-управленческий аппарат религиозных организаций – духовные управления мусульман (ДУМ), а также подведомственные им структуры (мечети, исламские образовательные учреждения и др.). Эти исламские институты принято считать «официальным исламом», или, что характерно для восточной части региона, «мечетным исламом». На Северо-Восточном Кавказе имеется также и другая институционализированная группа традиционалистов – сторонники «немечетного ислама», представленные многочисленными вирдовыми, или мюридскими, братствами трех суфийских тарикатов (накшбандийа, кадирийа, шазилийа) во главе со своими руководителями – шейхами и устазами.

Традиционный ислам – сложное, многоуровневое и противоречивое явление. Он также далеко не един. В ДУМах, главных институтах «официального ислама», фиксируются конфликты интересов между отдельными служителями культа. В некоторых республиках, в частности в Дагестане, еще относительно недавно существовал целый ряд этнически ориентированных

ДУМов. Имеются противоречия между духовными управлениями мусульман различных северокавказских республик. В рамках созданного в 1998 г. КЦМСК (координационный центр мусульман Северного Кавказа) между некоторыми муфтиями время от времени фиксируется всплеск борьбы за высший пост в данной структуре. Постепенно осуществляется ротация кадров «официального ислама», имамами мечетей, другими служителями мусульманского культа становятся люди, получившие образование за рубежом, а потому нередко являющиеся носителями далеких от традиционных в регионе ценностей.

Другим влиятельным отрядом традиционализма, влияющего на религиозно-политическую ситуацию в республиках Северо-Восточного Кавказа, является суфизм – мусульманский мистицизм [1]. Например, только в Дагестане действуют около 20 шейхов накшбандийского, шазилийского и кадирийского тарикатов. По этническому составу накшбандийский тарикат, в основном, исповедуют аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы. Кадирийскому тарикату следуют чеченцы и андийцы. Шазилийский тарикат распространен среди аварцев и, в меньшей степени, среди кумыков и даргинцев. Общее число активных суфиев в РД, по различным данным, составляет до 55 тысяч человек, причем примерно 75% из их числа проживают на севере и западе Дагестана. Наиболее влиятельным шейхом одновременно накшбандийского и шазилийского тарикатов, с наибольшим числом мюридов, до недавнего времени был Саид Ацаев (Саид-апанди Чиркейский), трагически погибшей из-за самоподрыва «террористки-смертницы» в 2012 г. Авторитетом также пользуются Сиражутджин Исрафилов, Магомед-Мухтар Бабатов, Магомед Курбанов, Магомед-Гаджи Гаджиев, Магомед Рабаданов, Арсланали Гамзатов, Магомед-Хабиб Рамазанов [2].

Суфизм также распространен в Чечне и Ингушетии: там действуют более 30 вирдовых братств накшбандийского и кадирийского тарикатов [3]. Более того, приверженность к суфизму у вайнахов более сильна, нежели у дагестанцев. Однако

исследование суфийских структур здесь затрудняется закрытостью от посторонних вирдовых братств, потому исследовательская литература по проблеме, в целом, скромна. Подчеркнем также, что в центральной и западной части Северного Кавказа суфизм распространения не получил. Этим, по нашему мнению, и объясняется меньшая исламизированность данного кавказского субрегиона по сравнению с Северо-Восточным Кавказом, как в историческом контексте, так и в наши дни. Вместе с тем, на Северо-Восточном Кавказе отмечается напряженность в отношениях между различными суфийскими структурами, их шейхами и мюридами.

Отсюда следует, что традиционный ислам в регионе («мечетный» и «немечетный») калейдоскопичен, полон противоречий, которые, помимо отмеченных выше, можно было бы артикулировать и дальше. Разумеется, все это не может не отражаться на настроениях и взглядах простых верующих, большинство из которых также можно отнести к традиционалистам. Северокавказский традиционный ислам, в основном, пребывает вне поля модернизационных процессов, фиксируемых в других «мусульманских» регионах России, прежде всего, в Поволжье.

В постсоветский период фиксируется неуклонная политизация традиционного, прежде всего, «официального» ислама. Как правило, в этом процессе наблюдается взаимодействие властей и официального духовенства, их взаимное притяжение. Власти нередко используют мусульманскую риторику, пытаются опереться на авторитет ислама и служителей культа. Например, в 90-е гг. XX в. среди представителей некоторых республиканских институтов власти существовало даже мнение о том, что «спасение» национальных республик лежит в плоскости ориентации исключительно на ислам [4]. В свою очередь, мусульманские лидеры пытаются приобщиться к власти и властным структурам, заявляя, в частности, что только они способны противостоять исламским радикалам. Однако главной причиной политизации официального ислама стала их борьба с привнесенной извне

салафийей, в ходе этой борьбы и произошла окончательная смычка светских властей с официальным мусульманским духовенством.

Одновременно неуклонно укреплялась инфраструктура официального ислама. В частности, только в Дагестане в 2010 г. действовало 2240 исламских организаций (из них 2220 суннитских: 1122 джума-мечетей, 699 квартальных мечетей, 178 молитвенных домов, 16 исламских высших учебных заведений, 15 их филиалов, 116 медресе, 94 мактаба, а также 20 шиитских объединений: 7 центральных мечетей, 6 квартальных мечетей и 7 молитвенных домов). Служителей исламских религиозных объединений (имамов, будунов, муэдзинов и др.) в этой республике – более 2500 [5]. Аналогичные показатели в других республиках, хотя и скромнее по сравнению с Дагестаном, так же впечатляют, особенно по сравнению с советским периодом.

Исламские организации располагают собственными и подконтрольными СМИ. Например, Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД) имеет свой официальный печатный орган – газету «Ассалам», которая выходит на восьми языках (русском, аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, чеченском и табасаранском). По своей концепции и содержанию к этому изданию близко примыкает еженедельник «Исламский вестник», газета «Нур-ул ислам», журнал «Ислам». Электронные версии газет «Ассалам» и «Нур-ул ислам» размещаются в интернете. В Дербенте выходит ежемесячная газета «Ислам в Юждаге». Исламские организации Дагестана также активно используют возможности республиканского телевидения и радио: передачи «Мир вашему дому» на русском языке в ГТРК «Дагестан», «Час размышлений» на «ТНТ-Махачкала», «Путь к истине» на ТВ «Центр-Махачкала» и на «ТВ-Чиркей». Некоторые передачи дублируются на каналах кабельного телевидения. Пропаганда ислама ведется на волнах радио «Прибой», «Сафинат» и др. В республике многотысячными тиражами издается религиозная литература, в том числе и на языках различных этнических групп. Кроме того, в РД до недавнего времени завозилось большое

количество религиозной литературы на русском, арабском и других языках, изданной как в России (издательствами «Бадр» и «Сантлада»), так и за рубежом. По имеющимся данным, в обороте на территории этой республики находится около тысячи наименований исламской литературы. Впрочем, такая ситуация характерна, в той или иной степени, и для других субъектов Северного Кавказа [6].

Мусульманские объединения северокавказских республик, обладая широкой сетью организаций, опираясь на традиционные морально-нравственные ориентиры ислама, на авторитет духовных лидеров (алимов, шейхов) предпринимали активные шаги для усиления своего влияния на происходящие процессы в республиканских обществах. При этом укрепление позиций Духовных управлений мусульман в вопросах регулирования межконфессиональных отношений породило централизацию религиозной власти, а, с другой стороны, усиливало центробежные тенденции, углубляло внутриконефессиональные разногласия и противоречия в мусульманских общинах.

Как уже отмечалось, главным оппонентом и антагонистом традиционалистов в регионе выступают фундаменталисты (салафиты, или неоваххабиты), идеалом которых является возврат к реалиям «золотого века» ислама (период жизни первых трех поколений мусульман, или период, связанный с жизнью и деятельностью пророка Мухаммада и четырех «праведных» халифов) – шариатизация общественной жизни и воссоздание государственного образования в форме Халифата. Противостояние традиционалистов и салафитов в итоге привело к повышенной исламизации республик, особенно на Северо-Восточном Кавказе, хотя в первой половине 90-х гг. XX в. власти отмежевывались от поддержки какой-либо из сторон, считая это внутренним делом исламских организаций и их лидеров, якобы занимающихся теологическими спорами. Однако, начиная с середины 1990-х годов, во многом благодаря усилиям Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), где исключительным влиянием пользуются

последователи местных ответвлений суфийских орденов накшбандийа, кадирийа и шазилийа, в межконфессиональное противостояние начинают вовлекаться представители федеральных и региональных властных структур, которые взяли курс на борьбу с «ваххабизмом» [7]. С принятием в 1999 г. в Дагестане «антиваххабитского» закона светские власти этой, а затем и других северокавказских республик, окончательно оформили союзнический альянс с представителями «официального» ислама.

Несмотря на некоторые негативные реалии и тенденции в традиционном исламе, федеральные и республиканские власти, и это в большей степени справедливо, рассматривают его как «толерантный ислам», заслуживающий признания и всемерной поддержки. Реально такой взгляд на вещи, в 90-е гг. XX в. абсолютно верный, сегодня по многим позициям ошибочен. На деле традиционный ислам политизирован, а порой радикален и даже агрессивен, практически во всех республиках Северного Кавказа, что чревато разрастанием внутренних трений и конфликтов, как непосредственно в среде традиционалистов, так и между традиционалистами с представителями других течений в исламе, прежде всего «ваххабизма» (точнее – «неоваххабизма»). Сказанное актуально, в первую очередь, для Северо-Восточного Кавказа, где в традиционализме беспрецедентно важную роль играет суфизм, полнейший антипод «чистого» ислама (он же – «ваххабизм», «неоваххабизм», «северокавказский ваххабизм», исланизм и т.д.). Поэтому неудивительно, что в конкретных исторических условиях на Северном Кавказе «столкнулись две полярные формы идентичности: исходная «традиционная идентичность» и привнесенная религиозными экстремистами «ваххабитская» идентичность» [8]. Еще раз подчеркнем, что суфизм и «ваххабизм» являются противоположными полюсами, главными антагонистами на северокавказском общеисламском поле, а потому конфликт между ними носит ценностный, непреходящий характер, решить который путем уступок и компромиссов вряд ли удастся.

Тем не менее, в отсутствие модернизированного северокавказского ислама, у светских властей практически нет выбора. В условиях нарастания исламистских тенденций, в противостоянии радикальным салафитам игнорировать традиционалистов нельзя, безоглядно же поддерживать и во всем им потакать – становится опасно. Как следствие, не смотря на все усилия властей, политизация и радикализация ислама не ослабевает, захватывая при этом все новые российские территории. В то же время, следует подчеркнуть, что этот процесс на территории России начался именно в Дагестане.

Преждевременно ушедший из жизни талантливый дагестанский исламовед К.М. Ханбабаев (1956-2011) выделяет четыре этапа радикализации исламского движения в Дагестане [9].

По его мнению, на начальной стадии (конец 80-х – 1991 гг.) осуществлялся т.н. «исламский призыв», заключавшийся во внедрении в массовое сознание дагестанцев основных идеологических посылов исламизма.

На второй, организационной стадии (1991-1999 г.), фиксируется процесс институционализации радикальных группировок. Именно в этот период времени, начиная с 1997 г., на «ваххабитов» обрушивается волна репрессий, что стало побудительной причиной переселения («хиджры») в 1998 г. наиболее решительно настроенных салафитов во главе с их идейным лидером Магомедом Кизилюртовским из Дагестана в Чечню, где в селении Урус-Мартан стал функционировать их центр. Там произошла полная консолидация дагестанских и чеченских «ваххабитов», причем влияние на этот процесс со стороны зарубежных экстремистов, особенно арабских, в тот период было беспрецедентным.

Третья, насильственная стадия (1999 г.) началась с призыва к «джихаду», односторонне понимаемому как ведение вооруженной борьбы с «врагами ислама», и заключалась в борьбе за установление исламского порядка, насильственного захвата власти в Дагестане. В этой республике на волне вооруженного

противодействия бандам, вторгшимся с территории Чечни, 16 сентября 1999 г. принимается закон «О запрете ваххабизма и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Согласно этому закону все «ваххабиты» были фактически приравнены к экстремистам и террористам и поставлены вне закона. Между тем, упомянутый закон был принят поспешно, на волне глубокого народного возмущения вторжением боевиков со стороны Чечни.

На четвертой стадии (с начала 2000-х по настоящее время) исламистские радикальные группировки, потерпев поражение в открытой борьбе, ушли в подполье и перешли к терактам в отношении представителей государственных и муниципальных органов власти и управления, правоохранительных органов, простых граждан.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что вопреки устоявшемуся мнению, фундаменталистские группировки на Северном Кавказе появились еще в 70-х гг. XX в. в виде небольших по формату подпольных групп единоверцев, сложившихся в Дагестане, а их основателем был М. Кебедов (Мухаммед Кизилюртовский). В конце 80-х – начале 90-х гг. на гребне горбачевской «перестройки» они, выйдя из подполья, под мощным воздействием извне, стали активно развиваться. Этот процесс был резко усилен в ходе первой чеченской кампании (1994-96 гг.), вследствие участия на стороне бандформирований многочисленной прослойки зарубежных «моджахедов», а также отдельных, радикально настроенных представителей других северокавказских республик. В период «чеченского межсезонья» (1996-99 гг.) фундаментализм фактически прошел институционализацию на территории непризнанной Чеченской Республики Ичкерия. В ходе второй чеченской кампании произошел процесс «растекания» салафийи на всем северокавказском пространстве, предопределив последующий сложный ход политического процесса в регионе.

Поскольку предложенная К.М. Ханбабаевым характеристика этапов политизации и радикализации ислама наиболее адекватно

отражает процессы в Дагестане, но не в полной мере учитывает происходящее в других северокавказских республиках, а тем более далеких от этого макрорегиона некоторых субъектах РФ, представляется целесообразным предложить несколько отличающиеся от вышеприведенных этапы политизации и радикализации ислама в Российской Федерации. Тем более что религиозно-политические процессы последних двух-трех лет внесли серьезные качественные изменения в структуру и географию распространения исламизма и его крайних форм. Итак, представляем нашу версию периодизации радикализации российского ислама:

1. 70-е – начало 90-х гг. XX в. знаменует собой первый этап. Первоначально в Дагестане, не без влияния извне, появляются молодежные салафитские группировки, идет процесс осмысления их адептами зарубежного салафитского наследия, а первым «наставником» выступает уже упоминавшийся Магомед Кизилюртовский. Силовые структуры выявляют и «мягко» пресекают деятельность этих группировок.

2. Начало 90-х гг. – 1994 г. Фиксируется воссоздание и практическая легализация дагестанских салафитских группировок, которые осуществляют т.н. «салафитский призыв» путем создания исламистских кружков, где их участники детально изучают такие понятия, как «такфир» и «джихад», в их специфической «ваххабитской» интерпретации. В этот же период в России при посольствах некоторых мусульманских стран создаются «культурные центры», фиксируется ввоз в страну и распространение исламистской литературы. Одновременно аналогичная литература в массовом порядке начинает издаваться на местах (например, издательство «Сантлада» в селе Первомайское Хасавюртовского района Дагестана). В Россию начинают прибывать миссионеры, проповедники и зарубежные «преподаватели» мусульманских дисциплин, одновременно начинается выезд для получения исламского образования за

рубежом российской мусульманской молодежи. Первые два периода основной территорией исламизации выступает Дагестан.

3. Декабрь 1994 г. – начало 2000-х гг. характеризуется доминированием Чечни в процессе радикализации северокавказского ислама. Чеченские войны, как и трехлетний перерыв между ними, сопровождался концентрацией в этой республике зарубежных «моджахедов», преимущественно арабов, с серьезной идеологической, финансовой и иной подпиткой со стороны зарубежных исламистских центров. На территории Чечни функционировали специальные учебные центры по подготовке боевиков – самый известный под селением Сержень-Юрт в Шалинском районе, который возглавлял известный зарубежный террорист Эмир Хаттаб, близкий к лидеру «Аль-Каиды» Усаме бен-Ладену. В 1998 г. в Чечню из Дагестана переезжают радикальные исламисты со своим лидером – М. Кизилюртовским, происходит консолидация зарубежных, чеченских, дагестанских салафитов, а также их единомышленников из других северокавказских республик. В 1999 г. позиции салафитов в Чечне настолько окрепли, что они решились на агрессию в дагестанском направлении, где их боевые структуры были разгромлены.

4. Сентябрь 1999 – 2007 гг. Этап характеризуется началом второй чеченской кампании, разгромом боевых подразделений сепаратистов, переходом их к партизанской войне. В этот период Чечня остается эпицентром сосредоточения радикальных исламистов, хотя ее лидерами артикулируются еще вполне светские сепаратистские проекты в рамках конструирования т.н. ЧРИ (Чеченская Республика Ичкерия). В этот же период наблюдается процесс «растекания джихада» практически по всей территории Северного Кавказа. Речь идет о распространении идеологии радикального исламизма, институционализации собственных неправительственных религиозно-политических организаций и группировок, появлении и разрастании инфраструктуры «джихада» (схроны, блиндажи, бункера и т.п.), ведении специфической политической диверсионно-террористической практики, в том

числе далеко за пределами северокавказского региона. Происходит трансформация структур боевиков, которая постепенно приобретает сетевой характер.

Значимым на данном этапе представляется то, что если в 90-е гг. XX в. северокавказские «ваххабиты» были представлены умеренно-радикальной и ультрарадикальной составляющими, то в ходе второй чеченской кампании местная салафийя выродилась исключительно в религиозно-политический экстремизм, на базе которого развилось террористическое движение, прикрывающееся исламским вероучением. Тем не менее, умеренные радикалы, хотя и в меньшем количестве, еще присутствуют на Северном Кавказе. Однако власти, не умея или не желая отличать умеренных от ультра-радикалов, осуществляют в отношении них одинаково жесткие силовые меры. Такой подход сокращает и без того узкую прослойку умеренных радикалов, постепенно переходящих на экстремистские позиции.

5. 2007 г. – н/время. Пришедший к власти в виртуально существующей Чеченской Республике Ичкерия новый лидер – Доку Умаров – объявил о завершении националистического плана построения ЧРИ, и одновременно обнародовал новый геополитический проект – «Имарат Кавказ». Согласно ему, на Северном Кавказе на исламистских принципах функционирования создается новое государство – «Имарат Кавказ», управление которого осуществляется по образу и подобию исламских государств прошлого (Халифаты). В свою очередь, помимо соответствующих центральных институтов власти и управления, в «Имарат» на правах провинций входят т.н. «вилайеты» – конкретные республики Северного Кавказа, а в перспективе и другие регионы России. В свою очередь, указанные «вилайеты» состоят из секторов, в составе которых действуют первичные исламистские группировки – т.н. «джамааты», представляющие собой, по сути, диверсионно-террористические группировки, иначе говоря – банды.

6. Конец первого десятилетия – начало второго десятилетия XXI века: наблюдается распространение влияния «Имарата» и его лидеров на другие «мусульманские» территории – в Поволжье, Урале и Западной Сибири, прежде всего, на Татарстан.

7. Последние год – два: появление исламистских группировок в «исламских анклавах» [10] в немусульманских субъектах страны, группирующихся вокруг появляющихся на этих территориях мечетей, что следует считать новейшей тенденцией в процессе радикализации отечественного ислама, заключающейся в расползании метастаз исламизма по территории страны. Аналогичные процессы ранее имели место в США и некоторых государствах Западной Европы [11].

Совершенно очевидно, что последние три этапа радикализации ислама и исламского движения напрямую затрагивают уже не только Северный Кавказ, но и другие регионы России, формируют качественно новую структуру исламистских группировок, подготавливают почву для разработки более грандиозных геополитических планов по реформатированию политического поля страны. Именно поэтому они нуждаются в более подробном осмыслении и описании. Если проигнорировать эту негативную тенденцию, вряд ли можно будет правильно расставить акценты в деле усиления борьбы с этим разрушающим российскую государственность религиозно-политическим явлением.

Итак, 7 октября 2007 г. новый лидер непризнанной Ичкерии Доку Умаров заявил о сложении президентских полномочий и назначил себя верховным правителем – «амиром моджахедов Кавказа», «предводителем джихада», а также единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды». В перспективе – на весьма обширных и удаленных от Северного Кавказа территориях – вплоть до Татарстана и даже Бурятии [12]. Таким образом, идея национальной независимости была заменена доктриной освобождения от «власти неверных». Как было заявлено, целью создания Имарата Кавказ является установление шариатского правления на всей территории Северного Кавказа [13].

По территориальному устройству «Имарат Кавказ» состоит из ряда входящих в него субъектов – вилайетов (в переводе с турецкого вилайет – область, провинция). Первоначально он был разделен на шесть вилайетов: Дагестан, Нохчийо (Чечня), Галгайче (Ингушетия), Иристон (Северная Осетия-Алания), Ногайская степь (Ставропольский край), а также объединенный вилайет Кабарды, Балкарии и Карачая [14]. В мае 2009 г. вилайет Иристон был включен в состав вилайета Галгайче. «Имарат Кавказ» располагает своим представительным органом – «Маджлис уль-Шура», а также разнообразными функциональными структурами, среди которых – военное ведомство, спецслужбы, шариатский суд, «министерство» по связям с общественностью и т.д. В достаточно независимом от «центрального аппарата» «Имарата» пребывают сетевым образом оформленные салафитские «вилайеты» со своими «амирами», которые, в свою очередь, не жестко замыкают на себя структуры т.н. «секторов», а те – конкретные бандгруппы, именуемые салафитами «джамаатами».

Таким образом, в своей совокупности, на Северном Кавказе сложился крупный, но достаточно автономный сетевой террористический кластер, который с другими аналогичными сетевыми структурами в различных регионах мира объединяет лишь, как правило, общность идеологических положений и целей. При этом «сегодня в регионе... ..сложилась разветвленная сетевая террористическая структура, обладающая такими специфическими институциями, как судебная власть (кадии), хорошо отработанной фискальной системой, а также исполнительной властью в лице т.н. «амиров» различных уровней, от «джамаата» – до «Имарата»...» [15], а живучесть сложившейся системе придает сращивание идеологии радикального исламизма с северокавказскими традиционными социальными институтами и сложившимися современными общественно-политическими условиями.

Диверсионно-террористическая активность «Имарата» и входящих в нее структур резко возросла, особенно в преддверии, в ходе и по завершении «пятидневной войны», когда грузинский

режим Саакашвили предпринял очередную попытку обеспечить территориальную целостность Грузии военным путем. Например, в 2009 г. на территории Южного федерального округа, в состав которого в тот период времени входил весь Северный Кавказ, «было совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (в 2008 г. – 491, рост составил 30 процентов). Только в 2009 г. по Южному федеральному округу погибли: 251 сотрудник правоохранительных органов и военнослужащих, а также 32 гражданских лица (в 2008 г. – соответственно 210 силовиков и 12 гражданских), ранены 727 сотрудников и 85 гражданских лиц (в 2008 г. – 484 силовика и 68 гражданских)». В 2010 г. было «зафиксировано 273 взрыва и 492 обстрела, подорвали себя 14 террористов-смертников. В результате погибло 410 человек, а более тысячи получили ранения» [16].

Уровень террористической преступности остается высоким и в настоящее время, особенно в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Чечне. Так, за последние три года (2010-2012 гг.) на Северном Кавказе зафиксировано более тысячи совершенных акций террористического характера, в том числе в Дагестане – 732 (соответственно по годам – 310, 229, 193), Ингушетии – 253 (161, 46, 46), Кабардино-Балкарии – 222 (131, 46, 45), Чечне – 198 (149, 32, 17) [17]. Отсюда следует, что в указанных субъектах РФ в 2010 г. было совершено 751, в 2011 г. – уже 353, а в 2012 г. – 301 преступление террористического характера. Таким образом, в последние годы наблюдается неуклонное падение уровня террористической активности, тем не менее, эти показатели остаются все еще чрезвычайно высокими. Особенно это касается Дагестана, в последние два года практически не уменьшается число терактов в Ингушетии и Кабардино-Балкарии, и только Чечня демонстрирует позитивную динамику, что, безусловно, связано с эффективностью осуществления в этой республике антитеррористической деятельности.

Под сильным воздействием извне, в том числе с Северного Кавказа, началась радикализация ислама в Поволжье, прежде всего

– в Татарстане. Здесь уже в 1993 г. дирекция новообразованного набережно-челнинского медресе «Йолдыз» заключила договор о содействии образовательному процессу с «благотворительной» организацией «Тайба» из Королевства Саудовская Аравия. Как следствие, медресе было превращено в центр по подготовке религиозных радикалов. Результат не замедлил сказаться: осенью 1999 г. выпускник этого медресе Денис Сайтаков оказался в числе организаторов терактов в Москве. Позднее другие учащиеся медресе оказались причастными к нескольким подобным акциям. Кроме того, были обнародованы факты сотрудничества руководителей этого учебного заведения с чеченскими «полевыми командирами» Басаевым и Хаттабом, которые предоставляли учащимся «Йолдыза» возможность пройти соответствующую «практику» в Чечне [18]. В начале 2000-х, помимо Набережных Челнов, были обнаружены аналогичные структуры молодых радикалов в Альметьевске, Нижнекамске, Кукморе, а также и в других населенных пунктах Татарстана [19].

Как подчеркивает татарский исламовед Р. Сулейманов, «новейшая история исламского терроризма в Татарстане началась с первых терактов на газопроводах в 2003-2005 годах в сельских районах. Затем в республике появились свои «лесные» – боевики в Нурлатском районе Татарстана, где вооруженная банда фундаменталистов постаралась организовать подполье в местном лесу по типу северокавказского» [20]. Действительно, 25 ноября 2010 г. в Нурлатском районе Татарстана силами МВД республики при личном участии министра внутренних дел РТ генерала А.Сафарова была ликвидирована вооруженная банда боевиков, намеревавшихся создать в лесистой части закамской зоны республики свою опорную базу [21]. Именно тогда стало окончательно ясно, что в Республике Татарстан возникли устойчивые группы радикальных салафитов, при этом обнаружилась непосредственная взаимосвязь между ними, а также этнонационалистами и представителями криминального мира. Так, глава МВД республики, впервые открыто признав факт сращивания

исламистов с представителями организованных преступных группировок (ОПГ), отметил: «Мы отмечаем трансформацию организованной преступности, поскольку идет выделение в преступной среде группировок, сформированных по религиозному принципу, а особую активность в исламизации участников преступных группировок проявляют сторонники так называемого салафитского (ваххабитского) течения» [22]. Кроме того, как подчеркнул генерал, исламисты-салафиты ведут постоянную проповедническую деятельность в мечетях, местах лишения свободы и в криминальной среде, ежегодно вовлекая в свои ряды десятки лиц. Однако, в отличие от обычных ОПГ, «мусульманские бригады» не противоборствуют друг с другом. Они солидарны и поддерживают связи, часто пользуясь поддержкой «братьев по вере» из других аналогичных группировок. «Объединенные одной идеологией и хорошо организованные, неукоснительно соблюдающие требования конспирации, имеющие криминальный опыт, члены организованных преступных формирований, принявшие салафизм, представляют сегодня реальную угрозу», – признал Асгат Сафаров [23].

В том же 2010 г. лидер северокавказских радикальных исламистов, «амир Имарата Кавказ» провозгласил о появлении т.н. «вилаейта Идель-Урал», который охватил территорию современного Поволжья и Урала [24]. Вслед за этим появляется бандподполье со своим «амиром вилаейта». Следствием длительного процесса институционализации подполья стало увеличение числа салафитов, их структурного оформления. По мнению экспертов, сегодня в Татарстане насчитывается около трех тысяч салафитов и салафитствующих [25]. Однако их количество неуклонно пополняется: только в Саудовской Аравии обучаются 120 татар, а в 2011 г. без уведомления ДУМ РТ в эту страну, родину ваххабизма, отправилось еще 20 человек [26]. Ситуация резко усугубляется: в январе 2012 года в дер. Мемдель Высокогорского района Татарстана была обнаружена домашняя лаборатория по производству взрывчатки и «поясов шахида» [27], а 19 июля 2012 г.

в Казани был ранен муфтий Татарстана И. Фаизов, и убит его заместитель В. Якупов, возглавлявший учебный отдел Духовного управления мусульман РТ. По мнению татарских экспертов, «сегодня в республике ваххабитами реализуется ингушско-дагестанский сценарий: то, что происходило на Северном Кавказе 10 – 15 лет назад, сейчас осуществляется в Поволжье. Первый муфтий Дагестана был убит в 1998 году. После этого было убито свыше 50 муфтиев, их заместителей и известных имамов, придерживавшихся традиционного для Северного Кавказа ислама» [28].

Итак, в Республике Татарстан сформировались устойчивые салафитские группы, а в настоящее время экспертами прогнозируется процесс «растекания салафизма» по Поволжью, Уралу и Западной Сибири, как это произошло уже на Северном Кавказе. При этом, вышеуказанные группы рассматривают себя как устойчивые сообщества, четко осознающие свою специфику, свои интересы и возможности их отстаивания, используя в этих целях правозащитные и юридические средства. Впрочем, этот путь уже прошли их северокавказские единомышленники, сформировав целый ряд таких правозащитных организаций. Например, в Дагестане уже в первой половине 2000-х были сформированы каналы легальной поддержки деятельности вооруженного экстремистского подполья через общественные объединения, самой известной из них стала организация «Матери Дагестана» [29]. Лидеры этих организаций поддерживают контакты с экстремистами, подвергают резкой критике деятельность правоохранительных органов, обвиняя их в массовых нарушениях прав человека и гражданина. Такая позиция формирует у населения мнение о том, что якобы неоправданно жесткие действия правоохранительных органов являются одной из основных причин, побуждающих молодежь пополнять ряды боевиков. Более того, по мнению некоторых экспертов, в России сложилось устойчивое и влиятельное «исламистское лобби» [30]. Пользуясь этим, «салафитское крыло мусульман опробовало в разных регионах

новый для них формат легальных митингов, мобилизуя на них своих сторонников и пытаясь озвучить поднятую ими тему «гонений на ислам» в России в федеральном масштабе» [31]. Например, 8 февраля 2013 г. «свыше двух тысяч салафитов – сторонников радикального ислама, которые и ведут войну против российского государства, провели митинг в самом центре Махачкалы. Митинг стал отражением новой реальности: сторонники салафитов сегодня составляют, по разным оценкам от 10% до 17% от общего числа мусульман республики. Напомним, в 2005 году, когда впервые в Дагестане прогремели взрывы, число салафитов, по данным МВД, составляло менее 2 тысяч человек» [32]. Участники указанной акции в столице Дагестана держали в руках черные и белые флаги с исповеданием веры на арабском языке. Похожая символика использовалась на митингах, организованных летом 2012 года в Казани прихожанами мечети «Аль-Ихлас» и на «мусульманском автопробеге» по столице Татарстана 26 октября 2012 года. Позднее в СМИ появилась информация о том, что представленные на экспертизу флаги автопробега были признаны казанскими специалистами «полностью идентичными символика, используемой членами международной религиозной организации «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» во многих странах мира» [33].

Отсюда становится совершенно очевидным, что «...любые попытки свалить вину на силовиков, якобы заинтересованных в начале репрессий, о которых разглагольствуют «исламские аналитики»..., а также любые способы найти смягчающие обстоятельства для «исламских диссидентов», как стали террористов называть их единомышленники на ваххабитских Интернет-ресурсах, являются ничем иным как оправданием ваххабизма» [34].

Следующим этапом «растекания ваххабизма», по нашему мнению, следует считать укрепление позиций его адептов в «мусульманских анклавах», появившихся и укрепившихся в последние годы в некоторых российских мегаполисах. Впрочем,

такие «анклавы» уже давно сложились в некоторых европейских государствах, например, во Франции, а потому их опыт может оказаться полезным и для России [35]. Европейские реалии свидетельствуют о том, что этнически и религиозно однородные общины мигрантов активно и достаточно успешно формируют «анклавную» среду обитания, которая тяготеет к тому, чтобы локализоваться в соответствующих территориальных границах, а центром их сосредоточения, как правило, выступают мечети или молельные помещения. Одновременно одним из последствий появления подобных «анклавов» становится криминализация и религиозно-политическая радикализация некоторой части мигрантов, что неизбежно приводит к появлению латентных очагов социально-политической конфликтности в достаточно продолжительной перспективе, к их неизбежной конфронтации с местным населением. По нашему мнению, говорить в данном случае о толерантном «евроисламе» не приходится, скорее, речь идет об исламизации Европы, причем в самых опасных формах. События первых лет нового тысячелетия в Испании, Великобритании, Франции и других европейских странах рельефно подтверждают этот тезис. Как следствие, в последние годы европейские политики в унисон заговорили о провале идеологии и практики мультикультурализма в Европе, о несовместимости исламизма и западно-либеральных ценностей.

Аналогичные «анклавы» появились и в российских городах, и результаты этого не замедлили проявиться. Например, в ходе проведенной 8 февраля 2013 года представителями силовых структур Санкт-Петербурга операции в молельном помещении одного из городских рынков, а также в домах и на частных квартирах было задержано несколько человек, которых обвинили в распространении материалов религиозно-экстремистского характера. Всего, по официальным данным, был задержан 271 человек, 90 процентов из них оказались иностранцами, в том числе иммигрантами из Афганистана и Египта. Судя по информации, озвученной СМИ руководителем пресс-службы УФСБ по Санкт-

Петербургу и Ленинградской области Д. Кочетковым, характер исламистской угрозы в регионе сопоставим с северокавказской ситуацией: «В ходе операции были задержаны... приверженцы радикальных течений ислама, представляющие угрозу государству, которые отрицают светскую власть и стремятся к халифату» [36].

Таким образом, в постсоветский период, вследствие ослабления институтов государственной власти Российской Федерации под сильным внешним воздействием, наблюдался неуклонный процесс политизации и радикализации ислама и исламских группировок, появления и институционализации на территории страны нетрадиционных исламистских течений. Этот процесс усугублялся слабостью и разобщенностью традиционного и официального российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны, прежде всего на Северном Кавказе. В силу целого ряда причин, объективных и субъективных факторов на территории России возникли и окрепли устойчивые группировки радикальных салафитов, прошедших институционализацию первоначально в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии произошел процесс «растекания джихада» практически по всему Северному Кавказу, а в последнее десятилетие складываются предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, а также появления их в «мусульманских анклавах» российских мегаполисов.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. о суфизме: Тримингэм Д.С. Суфийские ордены в исламе. – М., 1989; Шиммель Аннемари. Мир исламского мистицизма. – М., 2000; Эрнст Карл. Суфизм: мистический ислам. – М., 2012.
2. См. об этом: Абдуллаев М.А. Суфизм и его разновидности на Северо-Восточном Кавказе. – Махачкала, 2000.
3. См. об этом: Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Дону, 2004; Он же. Суфийская культура на Северном Кавказе. – Грозный, 2011.

4. См, например: Асиятилов С.Х. Спасение Дагестана в Исламе. – Махачкала, 1989.
5. Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе: сравнительно-политологический анализ / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 60. – Ростов н/Дону, 2010. – С. 169-170.
6. Там же. – С. 171-173.
7. Бобровников В.О. Исламофобия и религиозное законодательство в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. - № 2 (8).
8. Абдурахманов Д.Б., Акаев В.Х., Дадуев М.А. Северный Кавказ: преодоление факторов этнополитической дестабилизации и достижение межнационального согласия / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 76 / Под ред. Черноуса В.В. – Москва – Ростов н/Дону, 2013. – С. 7.
9. Ханбабаев К.М. Этапы радикализации исламского движения в Дагестане / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 72. – Ростов н/Дону, 2012. – С. 37-38.
10. Добаев И.П. Исламский радикализм в контексте проблемы военно-политической безопасности на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 1999. – № 1. С. 56.
11. См. об этом: Добаев И.П. Экстремистские группировки в США: исламский фактор // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. - № 1; Он же. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 4.
12. Сабиров В.Ш., Соина О.С., Щекотин Е.В., Добаев И.П. и др. Экстремизм как цивилизационный вызов. – Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2012. – С. 232.
13. Романченко Н.Е. Институционализация современных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 68. – Ростов н/Дону, 2011. – С. 97.

14. Добаев И.П. Террористические исламистские организации на Северном Кавказе: влияние экзогенного фактора // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 10. – С. 56.
15. Там же.
16. Анисимова Н.А., Добаев И.П. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе. – Москва – Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2016. – С. 72.
17. Личный архив автора.
18. Аргументы и факты. Регион. – 2000. – №№ 4, 5.
19. Силантьев Р.А. Распространение ваххабизма в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. № 16 (154). История. – 2009. – С. 168-169.
20. Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике // Агентство политических новостей. – 2012. – 25 июля.
21. Сулейманов Р.Р. Ваххабизм в Татарстане в постсоветский период в свете влияния внешних факторов // Проблемы национальной стратегии. – 2013. - № 1 (16). – С. 177.
22. Руководитель МВД Татарстана признал опасность ваххабизма в республике // Regnum: информ. Агентство. – 2010. – 16 дек. URL: <http://www.regnum.ru/news/1357240.html>
23. Там же.
24. Моджахеды Татарстана признали своим лидером Доку Умарова // Тема Казань: интернет-сайт. – 2012. – 27 июля. URL:<http://www.temakazan.ru/news/crime/item/4819/>
25. Гордеев Я. На пороховой бочке: откуда в Поволжье террористы // Новое время: Интернет-сайт. – 2011. 12 сент. - №29. URL:<http://newtimes.ru/articles/detail/43421>
26. Гарсиа Р. Волга впадает в Аравийское море: маленький оплот религиозного экстремизма в Татарстане // Эксперт. – 2012. – 15 окт.
27. Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике...
28. Там же.

29. См. об этом: Мурклинская Г.А. Сетевая война против России на Северном Кавказе: реальность и перспективы // Исламский фактор на Юге России / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 72. – Ростов н/Дону, 2012. – С. 22-33.
30. См., например, об этом: Амелина Я. Кровь муфтия Татарстана и его заместителя на руках тех, кто не признавал исламистских настроений в республике // ИА REGNUM. – 2012. 20 июля; Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике // Агентство политических новостей. – 2012. – 25 июля.
31. Мальцев В. Ислам зачищают от нелегалов. Государство расширяет силовую поддержку официального духовенства // НГ-Религии. – 2013. – 20 февр.
32. Омарова Х. Республика Дагестан: системный кризис разрастается? // Электронный ресурс: <http://www.bs-kavkaz>. – 2013. – 27 февр.
33. См. об этом: <http://www.regnum.ru/news/polit/1616981.html>
34. Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике...
35. См. об этом: Добаев И.П. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 4.
36. Мальцев В. Ислам зачищают от нелегалов. Государство расширяет силовую поддержку официального духовенства // НГ-Религии. – 2013. – 20 февр.

Кузьминов Петр Абрамович,
доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры истории России
Института истории, филологии и СМИ
Кабардино-Балкарского государственного университета
имени Х.М. Бербекова
Мамсиров Хамитби Борисович,
доктор исторических наук, профессор
заведующей кафедрой всеобщей истории
Института истории, филологии и СМИ
Кабардино-Балкарского государственного университета
имени Х.М. Бербекова
Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика

**Виктор Владимирович Черноус – звезда исторического
кавказоведения**

Выдающийся ученый, энциклопедист и теоретик, член-корреспондент РАН Ю.А. Жданов считал Кавказ солнечным сплетением Евразии, а его удивительное многоцветье народов, неисчерпаемые традиции и свободолюбивый дух – драгоценным сокровищем всего человечества. Он, зная, что Кавказ стал родиной свободного духа русской культуры от Грибоедова до Маяковского, развивал идеи своих выдающихся предшественников о синтезе культур народов России и Кавказа, и стремился сконцентрировать внимание всех ученых Кавказа на проблемы межнациональных отношений, сотрудничества и взаимопомощи народов [1].

Ю.А. Жданов, основоположник современного научного кавказоведения, собрал в «могучую кучку» ученых широкого спектра направлений, включая представителей всех народов Северного Кавказа. Это особенно важно, если учитывать, что до XIX в. они не имели своей письменности, и Кавказ преимущественно изучали и описывали европейские, арабские и турецкие авторы. В этой когорте ученых много известных в России

и далеко за ее пределами кавказоведов. Ю.А. Жданов отыскивал, воспитывал и «зажигал» на кавказском научном небосклоне новые звезды, одной из самых ярких стал Виктор Владимирович Черноус.

Доброе, улыбающееся лицо. Добрые, улыбающиеся глаза. Добрая улыбка. Карие, с прищуром, умные глаза. Вечные усы и борода, с годами меняющие цвет: от черного к светлому и совсем седому в последние десять лет, ставшие предметом добрых шуток. Во время встреч друзья непременно спрашивали: белая борода, куда спрятала черный ус? Обаяние. Мягкий спокойный голос, приглашающий к разговору. Четкость мысли, продуманность идеи, тезиса, который хотел донести Виктор Владимирович Черноус аудитории, коллегам, друзьям. Таким он остался в памяти всех, с кем он общался на протяжении десятилетий...

8 февраля на 69-м году жизни скоропостижно скончался кандидат политических наук, профессор Института социологии и регионоведения ЮФУ Черноус Виктор Владимирович, директор Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК Южного федерального университета и ИСПИ РАН. Автор более 400 научных и учебных публикаций, в том числе 15 монографий, более 20 учебников и учебных пособий. Один из крупнейших специалистов в области истории русско-кавказских отношений, цивилизационно-культурного диалога, современных социокультурных и этнополитических процессов на Северном Кавказе и Юге России. Ответственный редактор серии проблемных сборников научных статей, монографий «Южнороссийское обозрение», член редколлегии научных журналов «Научная мысль Кавказа», «Известия вузов. Северо-Кавказский регион», заместитель главного редактора журнала «Гуманитарий Юга России», ряда других журналов и продолжающихся изданий, в том числе ежегодных сборников Ассоциации по комплексному изучению русской нации (АКИРН, Москва), член экспертного совета Российского агентства международной информации «РИА Новости» и др.

Несмотря на огромную загруженность, он был членом редколлегии информационно-аналитического издания «Геополитика» (Московский государственный университет), заведующим отделом политологии и социологии политики Кавказа Южнороссийского филиала Института социологии РАН, Членом-корреспондентом Академии критических технологий и региональных исследований.

Перечисленных должностей и общественных нагрузок хватит на дюжину более молодых ученых. Он их выполнял не спешно, качественно, думая о слагаемых, принимаемых решениях, их реализации, результатах. Конференции, форумы, круглые столы, участником которых был Виктор Владимирович, как правило, были лучшими образцами организации научных дискуссий по заявленной проблеме. Да, конечно, чтобы это стало системой, нужен был огромный подготовительный этап, работа «за кадром» с учеными, по приглашению участников, выстраивание логики выступлений, подготовки резолюций и др. Он эту работу делал легко, без видимого напряжения. Улыбаясь. Мягко настаивая именно на том или ином решении вопроса. Но они требовали сил, здоровья, энергии, которых с годами становилось все меньше и меньше...

Отдав жизнь научной и организационной работе, Виктор Владимирович заслужил признание и авторитет в научном сообществе кавказоведов как в России, так и далеко за её пределами. Он знал, любил и понимал сложную, во многом трагичную, историю народов Кавказа.

Виктор Владимирович родился 17 октября 1949 г. в г. Порккала-Удд Ленинградской области (ныне Финляндия) в семье военного морского офицера Владимира Ивановича – потомственного кубанского казака и учительницы Ольги Георгиевны. Детство прошло в Кронштадте, на берегу Финского залива, в музеях Питера, кораблях, стоящих на причале и манящих в просторы океана. Переезд родителей в г. Ростов-на-Дону кардинально изменил планы. В 1968 г. он поступил на исторический факультет Ростовского государственного

университета, где преподавали замечательные ученые, профессора – Н.А. Акимкина, В.А. Золотов, Ю.В. Кнышенко, А.П. Пронштейн, Ю.И. Серый, К.А. Хмелевский и др., давшие ему разносторонние знания по истории Донского казачества, Родины, человечества. Учился легко, осваивая сложности анализа источника на семинарах Александра Павловича Пронштейна, полных жизни и многообразия фактов лекциях Владимира Александровича Золотова о внешней торговле южной России в первой половине XIX в., хлебном экспорте России через порты Черного и Азовского морей в 60-90-х гг. XIX в., транспорте, казачестве и др. Замечательные лекции педагогов, рано проявившаяся внутренняя ответственность позволили блестяще окончить университет, зарекомендовать себя серьезным специалистом в области истории и обществоведения. По рекомендации преподавателей, которые его учили, был принят на работу в Северо-Кавказский научный центр высшей школы (СКНЦ ВШ) (1973 – 1992 гг.), где он курировал научные учреждения вузов Северного Кавказа. Много ездил по региону, вникая в систему организации науки в вузах.

Недавно созданный СКНЦ ВШ объединил 50 высших учебных заведений и 206 научно-исследовательских учреждений, где трудилось около 50 тысяч сотрудников, в том числе свыше 21 тысячи научных работников. Это было больше, чем во всей дореволюционной России [2].

При организационной и методической помощи центра, на базе пединститутов с 1957-го по 1972 г. были открыты Кабардино-Балкарский, Дагестанский, Северо-Осетинский, Кубанский, Чечено-Ингушский университеты [3].

Ю.А. Жданов поставил вопрос о миссии классических университетов, их взаимодействию с академическими структурами, поднял проблему синтеза культур и целостности научного знания [4]. Решал он эту задачу, вспоминал В.В. Черноус, на основе деятельностной теории культуры, а практической площадкой стал Северо-Кавказский экономический район РСФСР, в котором была построена общерегиональная научно-образовательная

инфраструктура как основа принятия управленческих решений и механизм формирования региональной общности.

К этому времени были налажены научно-организационные связи вузов, академических и отраслевых научных учреждений, детально изучен кадровый потенциал, проведен сравнительный анализ научной деятельности и ресурсной базы вузов. На основе теории культуры Ю.А. Жданова и науковедческих исканий М.К. Петрова была предложена оригинальная концепция региона как локализованного по месту и времени социального творчества, важнейшей характеристикой которого была человекоразмерность, а не доминирующий административно-правовой подход. На основе этой творческой концепции была разработана модель инновационного регионального научного центра высшей школы (эти важные разработки опубликованы только недавно) [5].

Модель легла в основу структуры и деятельности СКНЦ ВШ (хотя полностью она и не была реализована) с учетом стратегий развития науки и образования в СССР и мире. В СКНЦ ВШ была создана система отделений по отраслям наук, а в их составе располагались секции и проблемные группы, которые одновременно являлись северокавказскими отделениями соответствующих подразделений АН СССР. Они объединяли ведущих ученых вузов, академических и отраслевых научных учреждений Северного Кавказа, что позволило создать каркас единого научно-образовательного пространства региона как органичной части общесоюзного [6].

Многонациональные коллективы ученых вырвались из своих «этнических квартир», плена мелкотемья, замкнутости исследований и активно разрабатывали общерегиональные (северокавказские) проблемы: «Природные ресурсы и производственные силы Северного Кавказа», «История народов Северного Кавказа», математическая модель Азовского моря, прогнозы социально-экономического развития СКЭР и отдельных регионов и т. д. Были задуманы «Свод памятников истории и культуры Северного Кавказа», «Свод фольклора народов Северного

Кавказа» и др. Ю.А. Жданову удалось в деятельности СКНЦ ВШ частично преодолеть ведомственные барьеры между вузовской, академической и отраслевой наукой, характерные для эпохи советского «застоя», сблизить позиции ученых-гуманитариев, представлявших различные нации и этнические группы в том числе и потому, что рядом с ним работали такие молодые ученые, как В.В. Черноус. Процессы консолидации и новаторского научного поиска начались у научной элиты кавказоведов, а затем через других коллег и учеников распространились на весь «цех» гуманитариев Северного Кавказа, который органично интегрировался в отечественный научный комплекс, – позднее вспоминал Виктор Владимирович[7].

Для становления молодого ученого было крайне важно, что в СКНЦ ВШ активно отстаивали региональный, но не местнический (!) подход, стремясь объединить ученых всех республик, краев и областей Северного Кавказа для разработки совместных актуальных проблем во всех сферах науки. Только интеграция как принципиальная политика научного сообщества позволяла решить глобальные проблемы региона и страны. Это выработанное в процессе конкретной работы убеждение легло в основу всей последующей работы Виктора Владимировича.

Одним из важнейших проектов СКНЦ ВШ стал четырехтомник «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней», в подготовке которого принимали участие около 200 авторов из Москвы, Ленинграда, Грузии, всех регионов Юга России. Во главе проекта стояли директор Института истории АН СССР академик А.Л. Нарочницкий и член-корреспондент АН СССР Ю.А. Жданов. Редакционные коллегии томов возглавили известные ученые СССР академики Б.Б. Пиотровский, Ю.А. Поляков, М.П. Ким, а в авторский коллектив вошли практически все ведущие кавказоведы страны. Для организации и координации работ над проектом были созданы две группы: одна в Институте истории СССР АН СССР, которую возглавил выпускник КБГУ Н.Ф. Бугай, и вторая в СКНЦ ВШ во главе с аспирантом В.В. Черноусом.

Несмотря на юный возраст, Виктор Владимирович, сначала в соответствии с должностью, а потом втянувшись в проблему «по велению сердца», принимал участие в рабочих заседаниях редколлегии всех томов и отдельных глав в Москве, Ленинграде, научных центрах Северного Кавказа. На них, что очень важно, открыто, спокойно, неформально обсуждались сложнейшие и дискуссионные проблемы региона и отдельных народов: от появления человека и этногенеза народов Кавказа до новейших событий.

Постоянное творческое общение с элитой советского кавказоведения, включенность в научные лаборатории ведущих ученых страны стали для вчерашнего выпускника Академией в самом высоком смысле этого слова. Волею судьбы он становится и сам кавказоведом, хотя первоначально его научные интересы были связаны с исторической социологией и социальной психологией. Ведь тема диссертационного исследования под руководством Ю.И. Серого была посвящена деятельности боевых дружин в 1905 г. в Москве, Ростове-на-Дону и Горловке, представлявших самое радикальное крыло революционеров. Это были вооруженные отряды рабочих, созданные большевиками в ходе революции 1905–1907 гг., которые появились после девятого января 1905 в Петербурге как организация самообороны российского пролетариата. Эта тема разрабатывалась им в рамках «нового направления» в исторической науке, но после идеологического разгрома «нового направления», он вынужден был переключиться на проблему цивилизационно-культурной идентичности России.

В 90-е годы разрабатывал совместно с В.Ф. Патраковой концепцию трансрегиональной русской (российской) цивилизации, проблемы элитогенеза в России и на Северном Кавказе, влияние геополитических трансформаций и конфессиональных взаимоотношений на динамику этнополитических процессов на Юге России. Большое внимание уделял роли русского (славянского населения) и Русской Православной Церкви в регионе.

Наряду с Ю.И. Серым, учителем В.В. Черноуса был А.П. Пронштейн, который бессменно возглавлял отделение гуманитарных наук (позднее отделение истории и права) СКНЦ ВШ. Многие дало В.В. Черноусу сотрудничество и дружба с учеными Северного Кавказа: А.Х. Бижевым, В.Г. Гаджиевым, А.И. Поповым, А.М. Бугаевым, Д.Д. Гакаевым, В.П. Крикуновым, А.И. Хасбулатовым, В.Б. Виноградовым, М.Б. Мужухоевым, Я.З. Ахмадовым, Ш.Б. Ахмадовым, М.С. Тотоевым, М.М. Блиевым, Б.Х. Ортабаевым, Т.Х. Кумыковым, Р.Х. Гуговым, Х.Т. Медалиевым, Е.Дж. Налоевой, С.А. Чекменевым, В.П. Невской и другими.

Несмотря на организационные и идеологические сложности, первые два тома увидели свет в 1988 г. [8]. Из-за распада СССР третий и четвертый тома так и остались лежать в рукописях в архиве. Интересно, что в содержательной статье, посвященной Учителю, Виктор Владимирович пишет, что одновременно с северокавказским проектом были приняты решения о подготовке и публикации еще ряда региональных трудов в Советском Союзе: «История Закавказья», «История Средней Азии и Казахстана», «История Прибалтики», но все они были прекращены на начальном этапе из-за в общем-то личностных проблем (борьба амбиций, коллизии, интриги) [9].

Из комплекса статей и очерков, подготовленных для «Истории народов Северного Кавказа», позднее были опубликованы и другие региональные издания: «Крестьянство Дона и Северного Кавказа», «Рабочие Дона и Северного Кавказа», «Свод фольклора Северного Кавказа» и др., в которых В.В. Черноус принимал организационное и авторское участие. Особо следует отметить первый том «Библиотеки Дона и Северного Кавказа в дневниках, воспоминаниях и свидетельствах современников» – «Кавказ и Дон в произведениях античных авторов», составителем которого он стал вместе с супругой В.Ф. Патраковой [10].

Глубокий общественно-политический и экономический кризис конца 80 – начала 90-х годов XX в. обусловил распад СССР, свертывание серьезных научных государственных программ,

привел к прекращению работы над коллективными региональными проектами, что, в свою очередь, разорвало налаженные связи между вузами и научными учреждениями, учеными Северного Кавказа.

Нужно было искать новую работу, которая обеспечила бы семью материально, помогла бы решать повседневные витальные проблемы, найти приложение творческих сил. В этих условиях Виктор Владимирович перешел на работу в вуз нового типа – Северо-Кавказскую академию государственной службы (первоначально Северо-Кавказский кадровый центр, ныне Южнороссийский институт управления РАНХ и ГС). Воспользовавшись региональным статусом вуза, он стал одним из тех, кто пытался в условиях дезинтеграции научных связей сохранить и возродить взаимоотношения между гуманитариями Северного Кавказа.

По заданию правительства РФ он работает экспертом от СКНЦ ВШ в зоне осетино-ингушского конфликта, расколовшего Центральный Кавказ в 1992 г. Одновременно начался процесс формирования новой государственности чеченского и ингушского народов, и если в Чеченской республике он принял страшный характер гражданской войны и противостояния с правительством Б.Н. Ельцина, то в Ингушетии, несмотря на все трудности становления государственного устройства, он пошел по пути вхождения в общероссийское политическое пространство. Участие в этих трагических событиях все больше убеждало Виктора Владимировича в необходимости преодоления межэтнических конфликтов в регионе, повышения социальной ответственности интеллигенции, особенно историков, замкнувшихся в своих национальных «квартирах».

Он принимает участие во многих новых проектах регионального характера, инициированных Ю.А. Ждановым и А.П. Пронштейном. В сложных условиях 90-х, не все они получили поддержку власти и общества, не все были реализованы, но многое состоялось.

В первую очередь, нужен был серьезный консолидирующий центр, инструмент сплочения, обсуждения, поиска оптимального решения жизненно важных вопросов научного сообщества. Им должен был стать печатный орган, который в условиях братоубийственных войн и конфликтов на Кавказе, отстаивал бы идеи мира и дружбы между народами. В 1995 г. был создан демонстративно интеграционный, на фоне военных действий в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Чечне, научный, общественно-теоретический журнал «Научная мысль Кавказа». В состав редколлегии вошел В.В. Черноус и оставался заместителем главного редактора до 2012 г., где отвечал за разделы, связанные с кавказоведением. Должность заместителя была на бумаге, а фактически вся организационная и редакторская работа лежала на его нешироких плечах и плечах И.А. Пехтеревой. Конечно, она была эффективна только при тесном содружестве с учеными республик и краев Северного Кавказа. На страницах журнала печатались рядом ученые Армении и Азербайджана, Грузии и Абхазии, Осетии и Ингушетии, Чечни и др. В этих статьях по важнейшим проблемам Кавказа шло зарождение ростков научного диалога между учеными региона.

В конце 90-х годов В.В. Черноус, вместе с другими учеными, разрабатывает концепцию кавказской горской цивилизации и предлагает рассматривать диалог ее с российской цивилизацией как магистральную парадигму исторического процесса на Северном Кавказе. Дискуссия, организованная на страницах журнала «Научная мысль Кавказа», была поддержана большой группой историков, философов, социологов, правоведов. В ходе обсуждения были выявлены главные слагаемые этой многозначной категории. Вместе с тем, восприятие горских общностей как единого кавказского социума, как оригинальной самобытной цивилизации, на наш взгляд, несколько девальвирует их этническое своеобразие, лишает самобытности, уникальности, но вместе с тем позволяет выявить главные сущностные начала горцев, действующие на всей территории Северного Кавказа, не зависящие от случайного

стечения обстоятельств. Одновременно появляется возможность за частокором разнородных событий и фактов выявить основной вектор движения горского общества, уточнить механизм социокультурного взаимодействия российского и горского обществ [11].

Возможно, этапным моментом в жизни было назначение В.В. Черноуса заведующим сектором Северного Кавказа в НИИ Кавказа, созданного в структуре СКНЦ ВШ в 1998 г. По заданию Ю.А. Жданова он активно участвует в разработке концепции «Энциклопедии культур народов Юга России» и как зам. главного редактора и один из основных авторов в подготовке первого тома «Народы Юга России» (в свет вышел с изрядной задержкой из-за отсутствия финансирования только в 2005 г.). Впервые в одной книге были приведены научно выверенные сведения практически о всех народах и этнических группах, проживавших на территории Юга России. При этом будем учитывать, что в 90-е гг. этническую историю народов Кавказа захлестнули «штудии знатоков», которые густо сеяли семена паранаучного чертополоха, доказывая происхождение «своего» народа в эпоху палеолита, а значит, его абсолютное политическое и территориальное лидерство в регионе, что способствовало межэтническим фобиям и нагнетанию напряженности. Приезжая в Нальчик, или встречаясь на конференциях в других городах, Виктор Владимирович всегда просил подготовить статью именно о таких «деятелях от науки».

Несмотря на ожесточенный характер военных действий в Чечне, Виктор Владимирович в 1995-1996 гг. несколько раз приезжал в разрушенный войной Грозный, стремился помочь чеченским ученым выжить, остаться в общероссийском научно-образовательном пространстве. Активно помогал им печататься в ростовских журналах, включал в научные проекты, поддерживал в решении организационных задач защиты диссертаций. Он реально помог возобновить связи ученых Чечни с учеными РГУ (ЮФУ), помогал в организации научных конференций, был привлечен к разработке «Концепции государственной национальной политики»

в Чеченской республике. В свою очередь, ни одна научная конференция в ИППК РГУ (ЮФУ), где он был заместителем директора по науке, не проходила без участия ученых из Чечни и других республик Северного Кавказа.

Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета, куда осенью 1999 г. В.В. Черноус перешел и до последнего дня своей жизни работал после защиты диссертации «Правящие элиты традиционного общества России» по специальности 23.00.02 «Политические науки», стал наиболее плодотворным местом его общественной и трудовой деятельности. В разные годы Виктор Владимирович был заместителем директора института по науке, заведующим кафедрой конфликтологии и национальной безопасности, директором Центра системных региональных исследований и прогнозирования, зав. отделом политологии и социологии политики Кавказа Южнороссийского филиала Института социологии РАН. В качестве ответственного редактора серии проблемных монографий и сборников статей «Южнороссийское обозрение» опубликовал более ста выпусков.

Виктор Владимирович являлся одним из организаторов авторитетного научного форума историков-кавказоведов (провел 6 форумов, последний в ноябре 2017 г.). Особое значение имел IV форум кавказоведов в октябре 2013 г. В разгар «историографических войн», он совместно с Ш.А. Гапуровым и другими учеными-историками стал инициатором и организатором проведения консолидирующего международного Форума историков-кавказоведов в Ростове-на-Дону, на котором был поставлен вопрос о разработке **Этического кодекса** учёного-кавказоведа. В результате бурной дискуссии была принята **Хартия ученых кавказоведов**, получившая широкую поддержку большей части научной общественности Кавказа и Юга России. Тем самым был заметно ослаблен «огонь» противостояния в науке и обществе. Его слово, совет, конкретная помощь в решении научных и организационных проблем десяткам, если не сотням молодых и

зрелых ученых, стали для них путеводными нитями, дав прекрасные результаты.

Виктор Владимирович Черноус – ученый, чье имя знает научное сообщество на всем постсоветском пространстве, но с особым уважением и почтением к нему относятся на Северном Кавказе. Член оргкомитетов и участник многих десятков международных, всероссийских и региональных научных конференций. Руководитель и соисполнитель многочисленных научных работ по грантам РФФИ, РГНФ, зарубежных фондов, договорам с федеральными и региональными органами власти. Долгое время Виктор Владимирович Черноус был занят над одним из крупнейших научных проектов – созданием геополитической модели Северного Кавказа. В основе данной модели лежит идея Черноуса об использовании многовекторных модуляторных шкал для интегрированной оценки и прогнозирования этнополитических процессов.

Научную и организационную работу он сочетал с преподавательской деятельностью на кафедре теоретической и прикладной регионалистики ИППК ЮФУ. Среди его учеников – победители научных конкурсов различного уровня, в т.ч. медаль РАН для студентов, первая премия конкурса научных работ по кавказоведению и южнороссийскому регионоведению им. Ю.А. Жданова и др. Для Черноуса научное руководство студентами и аспирантами были не работой, а призванием. Доброта и душевная щедрость Черноуса не позволяла ему пройти мимо просящего о помощи студента или аспиранта. Студенты обожали профессора Черноуса как преподавателя, считали Виктора Владимировича уникальным преподавателем, чьи лекции без всяких усилий превращались в увлекательные интеллектуальные беседы.

Созидание являлось неотъемлемой частью личности Виктора Владимировича. Чем бы он не занимался, он это делал творчески: читал лекции, организовывал конференции, руководил научной частью Института и т.д. В основе успеха всех научных мероприятий лежал организаторский талант ученого. Творческим потенциалом

Черноуса безвозмездно пользовалось огромное количество людей: добрый совет по научной или личной проблеме находился у профессора для каждого. В рабочий кабинет Черноуса люди приходили с разными целями, но всех их объединяло настроение, с которым они покидали его – это счастье от соприкосновения с интеллектом порядочного, честного, искреннего Человека.

Сотни работ, посвященных жизни народов Кавказа, глубокий анализ постсоветской действительности, проекты выхода народов в регион из кризиса в постсоветский период, заслуженно поставили Виктора Владимировича в когорту выдающихся людей современности: рядом с Ю.А. Ждановым, которого он по-сыновьи любил, Н.И. Покровским, А.П. Пронштейном, А.И. Козловым и др.

Виктор Владимирович знал, любил и понимал Кавказ. Он обладал талантом в научных дискуссиях находить истину, примирять порой непримиримых в своих позициях учёных-кавказоведов, за что его ценили, любили и уважали. Бескомпромиссная позиция в поиске понимания и гармонии в регионе была настолько глубокой и явной, что противостоящие группы разных республик, краев и народов отдавали ему пальму первенства.

Любовь и признание ученых историков национальных республик Северного Кавказа к Виктору Владимировичу были взаимными. Его авторитет как кавказоведа был непререкаемым, а в области элитологии он стал непревзойденным экспертом. В центре его внимания находились проблемы взаимодействия горских народов с русским народом, он чутко реагировал на проблемы и предложения ученых-историков национальных республик, давал «путевку в жизнь» многим их инициативам.

С учеными всех республик Северного Кавказа его связывали крепкие узы дружбы, уважения, и надо признать его позитивное воздействие на развитие гуманитарных наук и знаний в каждой из них. С каждым днем его отсутствия мы больше и больше осознаем значимость его личности для исторического кавказоведения, ощущаем невосполнимость этой страшной утраты. Конструктивная

деятельность Виктора Владимировича в профессиональном сообществе кавказоведов еще ждет своего исследования и оценки. В каждой национальной республике он оставил свой добрый след.

Особо теплые отношения его связывали с учеными Кабардино-Балкарии, где к нему всегда было трепетное внимание. В постсоветский период Российский Кавказ, интенсивно втягиваясь в процессы постсоветской трансформации, оказался в эпицентре сложнейших событий и процессов. Он приобрел особое значение, требуя поиска новых идей и средств и методов научного осмысления его исторического прошлого, настоящего и будущего.

В условиях углубления социально-политического и экономического кризиса в стране, два ведущих ректора классических университетов на Северном Кавказе Ю.А. Жданов (Ростовского) и В.К. Тлостанов (Кабардино-Балкарского), два друга, два соратника осознали необходимость интеграции гуманитарных наук и сферы образования в региональном масштабе, преодоления разобщенности, ограниченности поля научных исследований административными границами [12].

Реализацию идей В.К. Тлостанова, безвременно ушедшего из жизни в 1994-х гг., продолжил его последователь, новый ректор КБГУ Карамурзов Барасби Сулейманович. Именно он предложил Ю. А. Жданову идею создания совместными усилиями учебных заведений и научных организаций региона института Кавказа. Юрий Андреевич горячо поддержал инициативу молодого ректора КБГУ. Но весомую роль в практической реализации этого вопроса сыграл Виктор Владимирович Черноус, признанный организатор северокавказской науки.

В сентябре 2001 г. Президент России В.В. Путин в рамках визита в КБР встретился с профессорско-преподавательским составом Кабардино-Балкарского государственного университета. Внимание главы государства привлекла проблема, поднятая доцентом университета Боровым А. Х., связанная с научным обеспечением государственной политики на Северном Кавказе и

усилением ее базовых долгосрочных параметров. Среди них выделены приоритетные:

Первое. Все еще нуждается в существенном уточнении само представление о Северном Кавказе как об объекте науки и политики. В массовом общественном сознании, и даже в научных кругах, все еще доминирует образ Северного Кавказа как кризисной, конфликтной, но вместе с тем однородной, будто бы целостной, социально-политической единицы российского общественного пространства. Между тем, помимо достаточно развитой административно–политической структуры, регион глубоко внутренне дифференцирован по всем историко-политическим, социо-экономическим, социокультурным измерениям.

Второе. В аналитических работах нынешние трудности региона, как правило, связываются либо с его исторической природой, либо с какими-то конъюнктурами, субъективными факторами. И то, и другое недостаточно, ибо такие подходы не позволяют по-настоящему поставить вопросы о фундаментальном, долгосрочном решении проблем Северного Кавказа. А такое решение лежит не в области политики, этнополитики, геополитики, оно лежит в области развития, всесторонней модернизации местного общества с тем, чтобы социо-экономические, социокультурные его параметры не отдалялись, а сближались с общероссийскими.

И третий вопрос был связан с созданием организационных условий для обеспечения такой эффективной науки, выходящей на политическую практику.

На просьбу обозначить свое видение этих вопросов, Владимир Владимирович Путин ответил, что он согласен целиком и полностью с постановкой проблемы, что все абсолютно правильно обосновано [13].

Встреча Президента страны Путина В.В. с ППС Кабардино-Балкарского госуниверситета имела большой резонанс на Северном Кавказе, и придала новый импульс развитию науки и образования

на Юге России. Интеграционные процессы в сфере образования и науки в регионе повлияли на включение в Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования I и II поколений региональных циклов и компонентов и усиление их роли. Ростовский университет в этом плане был одним из первых вузов в стране, который приступил к подготовке кадров по специальности «Регионоведение». И здесь одним из активных организаторов новой специальности, и одним ее из ведущих преподавателей был профессор Виктор Владимирович Черноус. Он автор целого ряда авторских курсов и учебных пособий, получивших популярность у нескольких поколений студентов.

В 2002 г. руководство социально-гуманитарного института КБГУ обратилось к своим коллегам исторического факультета о совместной подготовке учебного пособия по истории Дона Северного Кавказа в новейшее время. Уже в 2004 г. оно вышло в свет с грифом Учебно- методического объединения классических университетов России по историческому образованию [14]. Закономерным было участие В.В. Черноуса в авторском коллективе пособия. В некотором роде это было частичное воплощение идеи прерванного издания «Истории народов Северного Кавказа» после распада СССР. Если в первом случае он был самым молодым членом академического издания, то теперь это был самый умудренный опытом член авторского коллектива, перу которого принадлежали ключевые разделы учебного пособия. Во многом благодаря ему пособие получило признание и популярность в региональных вузах Юга России.

*Выступление Черноуса В.В.
на международной научной конференции
«Адыги (черкесы): история и современность»
25 апреля, 2014г., г. Нальчик.*

В 1995 г. в КБГУ на базе исторического факультета было организовано учебно-научное подразделение нового типа – социально-гуманитарный институт, включавший, кроме специальности «История», все кафедры общественных наук и новые специальности: «Социальная работа», «Социально-культурный сервис и туризм». В условиях кризиса системы образования и начавшихся в ее сфере перманентных реформ, остро встал вопрос о повышении квалификации и профессиональной подготовке кадров ППС нового института. В этой сложной ситуации выручили ростовские коллеги – проректор РГУ, директор ИПК РГУ Ю.Г.Волков, и его заместитель В.В. Черноус. В КБГУ был открыт филиал ИПК РГУ, который функционировал более 10 лет и оказал неоценимую помощь в решении этой неотложной задачи. Периодически «ростовский десант» высаживался в социально-гуманитарном институте КБГУ и проводил незабываемые сессии с участием светил РГУ: А.П. Пронштейна, В.Е. Давидовича,

Ю.Г.Волкова, А.В. Лубского, В.В. Черноуса, А.Е. Венкова, И.М.Узнародова и др. Это были незабываемые мастер-классы, обмен опытом, скреплявший узы научного и учебно-методического взаимодействия двух вузов.

В.В. Черноус внимательно следил за жизнью в Кабардино-Балкарии, где у него было уйма друзей. Он близко к сердцу воспринимал последствия небывалого схода сели в г. Тырнауза в августе 2000 г., террористической атаки на г. Нальчик 13-14 октября 2005 г. Он приезжал в республику, чтобы пообщаться с очевидцами этих событий, а затем дать их анализ, не приукрашивая, но доброжелательно.

Особенно показательным является его чуткое отношение к адыгам в связи с актуализацией «черкесского вопроса» накануне зимней Олимпиады 2014 г. в г. Сочи. 10 февраля 2014 г. на встрече с представителями Общественного совета «Сочи-2014» Владимир Путин высказался по этой проблеме. Президент отнес попытки разыграть «черкесский фактор» к проявлениям стратегии сдерживания России, которые, по его мнению, «не имеют никаких перспектив».

Ректор КБГУ Баразби Карамурзов инициировал обсуждение «черкесского вопроса» в научно-историческом контексте и его деполитизацию в ходе международной научной конференции, которую он предложил провести в Нальчике. Его горячо поддержал известный кавказовед Виктор Черноус, заявивший, что в обсуждении «неясных вопросов» должны принимать участие ученые-историки.

25-26 апреля 2014 г. в Нальчике в Кабардино-Балкарском госуниверситете прошла международная научная конференция «Адыги (черкесы): история и современность» с участием более 50 ученых Северного Кавказа, Москвы, Санкт-Петербурга, Нальчика, Майкопа, Черкесска, Ростова-на-Дону, Франции и Германии [15].

Целью конференции являлась попытка «выработать согласованные и научно выверенные подходы к изучению наиболее

сложных и драматичных страниц истории черкесов», которые «до сих пор вызывают споры и становятся объектом "войн памяти"».

В рамках конференции прошло пленарное заседание и четыре «круглых стола». В.В. Черноус являлся модератором круглого стола «Современные адыги (черкесы): их место в России и в мире». Отношения адыгов с Россией имеют многовековую историю, заявил в своем выступлении на тему «Проблемы интеграции адыгского и русского мира». По его словам, за это время были как периоды взаимной симпатии, так и конфликты. В их числе – тяжелейшая Кавказская война, которая привела к расколу адыгского суперэтноса. В.В. Черноус отметил, что у современных адыгов существуют проблемы за рубежом, так как они сталкиваются с прямой агрессией экстремистов и террористов. Однако по мнению ученого, «на основе узкого этноцентризма нельзя решать этнонациональные проблемы», так как «этноцентризм ориентирован на конфронтацию с другими народами и становится объектом манипуляций». В.В. Черноус подчеркнул роль ученых-историков в обсуждении «неясных вопросов». «Перед русскими, адыгами и другими народами стоят общие задачи выстраивания экстерриториальной общности со своими диаспорами, в том числе опираясь на современные информационные технологии, не стремясь разрушить сложившееся территориальное размежевание и границы», – сказал В.В. Черноус. По его мнению, власть в России «осознает важность национального вопроса», учитывая принятие стратегии государственной национальной политики РФ до 2015 года, «дорожную карту» по ее реализации.

В этом докладе прозвучала боль и сопереживание В.В. Черноуса за пережитые трагедии в истории адыгов, оценка нынешнего состояния проблемы и свое видение ее решение на современном этапе.

Он был отмечен многими общественными и государственными наградами: нагрудным знаком к почетной грамоте парламента Чеченской Республики; медалью в память 200-летия вхождения Абхазии в состав Российской империи; памятной медалью

Кавказской академии к 150-летию со дня рождения Коста Хетагурова; памятной медалью Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона «20 лет провозглашения Нагорно-Карабахской Республики»; медалью Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР «Маршал Советского Союза Жуков» – к столетию; медалью Российского Лермонтовского комитета к 190-летию М.Ю. Лермонтова «За личный вклад в восстановление мира и согласия на Кавказе»; памятной медалью ЦК КПРФ «90 лет ВЛКСМ»; памятной медалью ЦК КПРФ «В ознаменование 130-летия со дня рождения И.В. Сталина»; медалью Кавказской академии «За мир и гуманизм на Кавказе»; лауреатом в номинации «За верность долгу» ежегодной премии совета Интеллектуального центра Чеченской Республики; медалью Министерства образования и науки РФ «Почетный работник высшего профессионального образования»; юбилейной медалью III степени «За заслуги перед ЮФУ»; знаком (регалии) Who is Who Gesellschaft fur biographische Forschung 1150 Wien.

Черноус Виктор Владимирович был замечательным Человеком, надёжным другом, верным товарищем, терпеливым наставником, мудрым учителем. Был заботливым мужем и отцом; нежным, любящим дедушкой. Он ушел, но дело, которому он посвятил жизнь – живет полноценным, научным, общественным бытием на благо всех народов Кавказа!

Учитель В.В. Черноуса Юрий Андреевич Жданов прекрасно высказался о замечательных людях: «...звезду нельзя затмить: она светит вечным собственным светом». С полным основанием подобной оценки заслужил Черноус Виктор Владимирович, ибо он является звездой первой величины в историческом кавказоведении, который будет долго маяком для следующих поколений кавказоведов.

В очерке использованы материалы о В.В. Черноусе, подготовленные редакцией журнала «Гуманитарий Юга России», А.В. Сериковым, Е.Г. Гежой и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии. Учебная лекция по регионоведению./Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Майкоп: РИПО «Адыгея», – 1999.С.21;31.
2. Жданов Ю.А. Северо-Кавказский научный центр высшей школы // Известия СКНЦ ВШ. Серия: Общественные науки. 1973. № 1. С. 7. С. 7 - 13.
3. Земзин М.П. Из истории организации вузовской науки на Северном Кавказе // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия: Общественные науки. 1976. № 4. С. 69. С. 65 - 70.
4. Волков Ю.Г. Епифанцев С.Н. Кавказ в жизни и творчестве Ю.А. Жданова // Ю.А. Жданов. Кавказские мотивы. – М. – Ростов-на-Дону. Социально-гуманитарные знания. 2010. С. 3. С. 3 - 12.
5. Петров М.К. Системный подход к организации регионального научного центра // Южнороссийское обозрение ЦСРИ и П ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 57. – Ростов-на-Дону, 2009. С. 28. 19 - 32.
6. Кузьминов П.А. Эпоха преобразований 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. Нальчик: Печатный двор, 2011. С. 75. 536 с.
7. Черноус В.В. Административно-территориальный фактор трансформации региональной идентичности на Юге России. URL. http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/severni_kavkaz_v_zerkale_istorii.htm (Дата обращения 15.06. 2011 г.).
8. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. акад. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. 544 с.; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в – 1917 в). / Отв. ред. акад. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 659 с.
9. Патракова В.Ф., Черноус В.В. Историк-новатор, гражданин, патриот (профессор РГУ А.П. Пронштейн // Гуманитарий Юга России. 2012. № 4. С. 173. С. 167 - 178.
10. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. / Сост. В.Ф. Патракова, В.В. Черноус. / Отв. ред. М.Р. Гасанов. Ростов-на-Дону: Русская энциклопедия. Ростовский-на-Дону филиал, 1990. – 399 с.

11. Кузьминов П.А. Траектории сближения: утверждение России в степном Предкавказье в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Кавказский сборник. Т. 4. / Под ред. В.В. Дегоева, В.А. Захарова. М.: НП ИД Русская панорама, АНО «Русское историческое общество», 2007. С. 83. С. 81 - 102.
12. Кумыков А.М., Мамсиров Х.Б. Ю.А. Жданов и В.К. Тлостанов: рыцари северокавказской науки и образования // В кругу Юрия Андреевича Жданова: учителя, сподвижники, ученики /Отв. ред. д.ф.н., профессор Ю.Г. Волков. М – Ростов /н-Д: Изд-во Социально-гуманитарные знания. 2012 – С.252, 256 - 257.
13. Высшей школе – особое внимание // Вузовские вести – 2001 – октябрь – № 19(137) – С.9
14. История Дона и Северного Кавказа (1917-2000). Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности и направлению «История» Ростов /н-Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004 – 383с.
15. Обсуждение «черкесского вопроса» необходимо деполитизировать, считают участники конференции в Нальчике <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/241668/> (Дата обращения 04.05.2018 г.)

Магамадов Суньян Султанович,
директор ИГИ АН ЧР,
кандидат исторических наук, профессор,
Грозный, Чеченская Республика

Поиск адекватной парадигмы в исследованиях истории Кавказа

В.В. Черноус в целом ряде своих фундаментальных работ высказывал мысль о том, что история Кавказа в советской науке осмысливалась через парадигму формационного подхода, детерминировавшей ряд сложных методологических проблем. По его мнению, Кавказ рассматривался как сложно структурированная историко-этнографическая провинция, разделяемая на Закавказье (Южный Кавказ) и Северный Кавказ, включая Дагестан. Если отдельные проблемы истории Азербайджана, Армении и Грузии при всей их дискуссионности укладывались в принятую в советской науке теорию общественно-экономических формаций, то в интерпретации истории народов Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, не сложился единый подход в интерпретации типологии, уровня развития горских и кочевых обществ до присоединения к России.

В 90-е гг. В.В. Черноус высказал мысль о необходимости выделения кавказской горской цивилизации, кратко обозначив ее особенности [1]. Т.У. Кцоева, Р.Г., Абдулатипов и другие идеологи «Кавказского дома» обосновывали феномен единой кавказской цивилизации [2].

Так, Р.Г. Абдулатипов полагает, что кавказская цивилизация со своей традиционной целостностью вовсе себя не исчерпала, а потому жаждет нового исторического витка в своем становлении. Сложившаяся веками социально-нравственная иммунная система кавказской цивилизации должна ныне умело подключить свой код, способный нейтрализовать те силы, которые ориентированы на ситуативно кажущийся суверенный национальный выигрыш за счет

пренебрежительного искажения интересов народа. Этот автор считает, что «понимание уникальности и целостности кавказской цивилизации состоит в том, что в этом историко-культурном и географическом пространстве тысячелетиями происходит системное воспроизводство традиций и обычаев, которые на высокий уровень шкалы ценностей ставят честь, достоинство и мужество, уважение к старикам, принципам семейных отношений, мужского и женского поведения. При этом консерватизм кавказской цивилизации носит, как ни парадоксально, взрывной характер в самоутверждении форм жизнедеятельности людей, а порой и целых народов» [3].

Нельзя недооценивать могучие внутренние силы, которые связывают кавказскую и российскую цивилизации, особенно в сфере духовной культуры» [4], – полагает Р.Г. Абдулатипов.

Точка зрения Р.Г. Абдулатипова была поддержана В.Е. Давидовичем, предложившим свое понимание признаков как цивилизации, так и кавказской цивилизации: «Видимо, правомерно очертить те контуры, реальные скрепы, которые объединяют вместе полиэтничный, разноязыкий, многоконфессиональный Кавказ» [5]. Признание целостности кавказской цивилизации может помочь, по мнению В.Е. Давидовича, решению многих серьезных вопросов, обеспечить мир и процветание людей Кавказа.

Иной взгляд на проблему предложил абхазский ученый О.Н. Дамения, предложивший говорить не о единой кавказской цивилизации, а о единой кавказской культурной идентичности, которая еще не утрачена народами. Эту мысль важно подчеркнуть, ибо за последние столетия произведена полная реконструкция социального устройства кавказского сообщества – перевод его в другое социокультурное измерение по модели техногенной цивилизации [6]. Далее он утверждает, что под воздействием внешних сил и факторов на Кавказе произошла социальная катастрофа – разрушение той социокультурной системы, которая сложилась здесь исторически и была гармонично адаптирована к условиям естественной среды обитания. Эта социальная деструкция

не могла не отразиться на самосознание народов кавказского сообщества, тем не менее, они по-прежнему продолжают осознавать себя через свою былую социокультурную общность [7].

А.Ю. Шадже, высказавшая близкую точку зрения, отмечает, что «о феномене кавказской идентичности (“кавказскости”) в культуре можно говорить в онтологическом, гносеологическом и аксиологическом аспектах. Такой анализ возможен в контексте культурно-цивилизационных процессов, происходящих не только на Кавказе, но и в России и мире в целом» [8].

Ю.А. Жданов, рассматривая Кавказ в российском и мировом контекстах, выявляет конструктивное содержание кавказского феномена, осмысливает страну «лиц кавказской национальности» – этот уникальный географический, геополитический и культурный регион. Отмечая с горечью прошлые и нынешние конфликты и конфронтации, он писал: «Кавказ хранит в себе и ныне мощные исторические традиции. На планете многоцветье является драгоценным сокровищем всего человечества. Поэтому художественная и научная мысль Кавказа концентрировала свое внимание вокруг проблемы межнациональных отношений, сотрудничества и взаимопомощи народов. Традиции Кавказа в этом смысле неисчерпаемы» [9].

Исходное бытие кавказской идентичности («кавказскости») восходит к источнику существования кавказских племен и этносов на Земле. Этот феномен появился в результате взаимодействия кавказских этносов друг с другом и природой. «Кавказскость» формировалась в определенных географических условиях Кавказа, однако это не означает, что она является лишь природным феноменом. Известно, что она не определяется также общностью религий или языка. Так что же делало человека кавказцем?

Ответ следует искать в «этнических структурах повседневности – специфических для каждого этноса, привычных, постоянно повторяющихся в непосредственном опыте людей явлениях. Этот уровень – уровень обыденности, повседневности –

формирует глубинные основы человека, национального самосознания и национальной самобытности личности.

Анализируя проблему коллективного субъекта, его идеальную реальность, можно подойти к кавказской идентичности, представляющей собой форму бытия всех кавказских этносов, формирующуюся на базе определенного образа жизни. Ее нужно понимать как способность этносов (целого) определить свое единство «мы». Следуя некоторой этнической иерархии, можно сказать, что этническая идентификация индивида происходит на уровне этноса, тогда как формирование «кавказскости» – на уровне кавказского суперэтноса

«Кавказец» становится конкретным понятием и наполняется реальным содержанием, если исходить из социокультурной целостности Кавказа и его полиэтничности. Кавказскость – константа, которая определяет этническую картину кавказца и выступает одним из существенных признаков кавказской культуры. Это сложное образование, которое трудно определить. Кавказскость иррациональна, нужно быть в ней, чтобы ее познать.

Однако кавказская идентичность не абсолютна в строгом смысле слова. Она не подавляет личностное «я» и не отрицает сознательного действия субъекта. Человек самореализуется через этничность в кавказской культуре. Европейец предполагает трансэтническую идентификацию, а для кавказца этничность выполняет важную функцию в личной, социальной и политической жизни, ибо его сознание направлено на принципы, идеалы и нормы, обозначаемые этническим фактором. Рассматриваемый феномен обеспечивает идеальное совершенство. Духовное (душевное) состояние кавказца коррелируется с этнической идентичностью, которая наполняется ценностным содержанием, становится его интенциональной сущностью. Ценностно-ориентированное поведение, определяемое принадлежностью к этнической общности, является специфическим признаком человека в данном культурном феномене. В этой ипостаси этноидентичность

выступает как ценность, активно влияющая на жизненную ориентацию человека.

Кавказская идентичность объективна по своей детерминированности, и в то же время субъективна, так как носителем ее всегда выступает человек.

Сформированные кавказской культурой ценности проявляются через «кавказскость». Однако в силу того, что кавказская культура, как и этноидентичность в ней, не только переживает кризис, но и разрушается, сложившийся в ней ценностный потенциал не получает своего развития и не обогащается новым смыслом.

Представляется, что этническая идентичность определит характер теоретической концепции кавказской культуры. Мировоззренческое понимание ее, возможно, позволит выявить региональную особенность и выработать политику межэтнического согласия на Кавказе. Особенность данного культурного феномена проявляется в кавказской идентичности, которая обеспечивает единство многообразных этнических культур.

В ходе дискуссии А.В. Лубский предложил, а впоследствии развил идею о том, что Северный Кавказ является периферией российской цивилизации [10].

Доминантной формой интеграции в российской цивилизации выступает государственность. В российской цивилизации доминирует мобилизационный социотип развития. Базовыми культурными архетипами являются этатизм, патернализм, социоцентризм. Российская цивилизация является поликонфессиональной и поликультурной и это характерно для всех великих цивилизаций. Только исламская цивилизация основана на основе единых религиозных ценностей.

По мнению В.В. Черноуса, особенностью российской цивилизации является то, что государственность в ней носит надконфессиональный, когда культурные архетипы – подконфессиональный характер. Для российской цивилизации присущ распространенный «языческий» элемент характерный для всех религий, распространенных в ее ареале. Поэтому в российской

цивилизации конфессиональные различия не являются фактором конфронтации, поскольку более важное значение имеют культурные архетипы как факторы интеграции.

В.В. Черноус рассматривает Северный Кавказ как периферию российской цивилизации, включенную в единое символическое пространство, задаваемое российской государственностью. А государственность выступает в роли «демиурга» российской истории, то превращая Россию в великую державу, то становясь непосредственно причиной национально-государственной катастрофы.

Рассматривая религиозную пестроту региона, следует обратить внимание на вероисповедание калмыков – ламаизм (северная ветвь буддизма). Эту религию они восприняли от монголов еще по месту своего основного этногенеза и сохранили до нынешних дней.

Некоторые исследователи исходят из того, что особенности географической среды обитания, системы экономических и политических отношений, религиозных и духовных ценностей, не позволяли Кавказу образоваться в единую цивилизацию, ибо этносы региона находились на различных ступенях исторического развития, нередко осуществляя обособленный друг от друга образ жизни.

Однако многообразие подходов [11], оценок и попыток исторической реконструкции с позиций цивилизационного подхода свидетельствует о том, что проблема в полной мере не отрефлексирована. И сама категория «цивилизация» полисемантична применительно к Кавказу, и она лишь манифестируется, а потому очевидна востребованность в целенаправленных теоретических разработках. И эту ситуацию хорошо осознавал профессор В.В. Черноус.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черноус В.В. К вопросу о горской цивилизации // Россия в XIX – начале XX вв. Ростов н/Д., 1992.
2. Кцоева Т.У. Кавказский суперэтнос // Эхо Кавказа. 1994. № 2; Абдулатипов Р.Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1.
3. Абдулатипов Р.Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. – С. 56.
4. Там же. – С. 57.
5. Давидович В.Е. Существует ли кавказская цивилизация // Научная мысль Кавказа. - 2000. - № 2. - С. 28.
6. Дамения О.Н. Кавказская культурная общность: миф или реальность? // Научная мысль Кавказа. – 2002. – № 2. – С. 16.
7. Там же. – С. 18.
8. Шадже А.Ю. Феномен кавказской идентичности // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 2. – С. 39.
9. Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии. - Ростов н/Д., 1999. - С. 23.
10. Лубский А.В. Северный Кавказ – периферия российской цивилизации // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 2. – С. 34 - 39.
11. Шеуджен Э.А. Путь в историю: в поисках методологии исследования. – М., 2007. – С. 225.

Магомедова Мадина Зайнудиновна,
кандидат философских наук,
в.н.с. РЦЭИ ДНЦ РАН,
доцент ДГУНХ,
Махачкала, Республика Дагестан

Этнокультурное пространство Северного Кавказа в условиях социальных трансформаций

Процессы этнокультурной идентификации протекают под влиянием таких интенсивных процессов, как глобализация и локализация. Под влиянием глобализации происходит все большая межкультурная коммуникация, взаимодействие и взаимовлияние различных культур. Постоянно происходящая модернизация большинства локальных сообществ, этнополитическая интеграция, все более растущая доля массовой культуры приводят к стандартизации национальных традиций. Естественной реакцией на эти процессы стало развитие процесса локализации, который характеризуется определенной долей сепаратизма и противопоставления себя «центру». Чаще всего процесс локализации направлен на сохранение существующих отличий одних людей от других, причем этничность превращается в один из важнейших факторов выражения этих отличий. В контексте этого направления особую актуальность приобретает проблема этнической идентичности, т.е. принадлежности индивида к тому или иному этносу.

Глобализация, размывая этническую идентичность, не способна разрушить ее полностью, создать нового человека вне этноса и культуры. В кризисные исторические моменты человек обращается именно к этническим связям и отношениям, обеспечивающим ощущение стабильности, что нередко можно наблюдать в современном мире. Ф.Х. Кессиди отмечает: «На наш взгляд, глобализация, интернет и другие новейшие средства информации могут способствовать проявлению лучших или

худших, возвышенных или низменных сторон природы человека. Но они не в состоянии породить нового человека, то есть человека вне определенного этноса и ведущей цивилизации, а также вне крупных этносов, история и культура которых исчисляется тысячелетиями. Поэтому надежды иных интеллектуалов на интеграцию культур, то есть образование единой (мировой) культуры и даже «слияние» в обозримом будущем этносов (наций и народов) в некий планетарный суперэтнос или «мегаобщество», представляется весьма проблематичным» [1].

Этническая идентичность в большинстве случаев становится доминирующей при напряженной социально-политической обстановке. Психологические причины роста этнической идентичности едины для всего человечества, но особую значимость этнос приобретает в эпоху радикальных социальных преобразований, приводящих к социальной нестабильности, когда окружающий мир перестает быть понятным, начинается поиск групп, которые помогли бы восстановить его целостность и упорядоченность, защитили бы от трудностей жизни. В сущности, идентификация себя с определенной этнической группой является одним из очевидных ответов самосознания на сложившуюся социальную ситуацию. Перед лицом во многом хаотических метаморфоз социальной среды резко обостряется поиск стабильных оснований собственного бытия, потребность вновь ощутить себя частью социальной общности. Этническая общность здесь выступает в роли консолидирующей силы, способной защитить членов своей общности, отвечая при этом не только за социальное, но и физическое самочувствие.

Для большинства людей в период слома социальной системы необходимо идентифицировать себя с устойчивой общностью, к которой индивид «приписывается» по факту рождения. Такой группой в эпоху острой социальной нестабильности оказался этнос. И так как большинство стран мира представляют собой полиэтнические сообщества, все они в той или иной мере сталкиваются с межэтническими проблемами. В современном мире

проблема сохранения этнической идентичности занимает одно из центральных мест как составная часть социальной идентичности личности. При существенном сходстве базовых черт традиционной общественной организации и культуры, общности религии у народов Северного Кавказа проблема разграничения «мы – они» в этническом самосознании выливалась в представление о границах этнических территорий. Запутанность исторического наследия в этом вопросе и давление текущей политики привели к гипертрофированию значимости этнотерриториальной самоидентификации. В общественном сознании народов Северного Кавказа складываются сложные конфигурации самосознания, которые имеют многоуровневую структуру и совмещают элементы этничности и гражданственности. На Северном Кавказе наблюдается переплетение общероссийских тенденций с местной национальной спецификой, которая проявляется в таких особенностях как:

- ✓ замкнутость (закрытость) для внешних влияний;
- ✓ консерватизм, традиционализм и патриархальность социальных отношений, с которыми связаны высокая приверженность к традиционным укладам, устойчивая связь и преемственность поколений;
- ✓ регламентированность, стабильность систем ценностей, устойчивость перцептивных схем и поведенческих стереотипов [2].

Этносоциологические исследования всегда фиксировали высокую значимость традиционного компонента для самосознания народов Северного Кавказа, как региона наиболее сложного по этническому составу. Главное богатство этого края – народы, его населяющие. Это целая планета народов, культур и языков, которые развиваются и взаимодействуют на этой территории тысячелетиями. Здесь сформировалась своеобразная самобытная северокавказская культура, впитавшая в себя сотни различных этнических культурных традиций. Традиционные формы культур народов Северного Кавказа взаимодействуют друг с другом, русской культурой, не противопоставляя их, а своеобразно

синтезируя. «Совместное проживание носителей многих культур и языков в пределах одной страны и в составе одного российского народа было характерно для нашего государства на протяжении всей его истории. Многообразие населения стало источником постоянного и взаимообогащающего общения, условием развития страны» [3]. Большинство северокавказских культур относится к типу трудно модернизируемых, их характеризует стремление к сохранению привычного жизненного уклада. Ценности традиционной культуры народов Северного Кавказа в условиях кризиса российского общества демонстрируют способность противостоять трансформационным процессам и адаптироваться к современным переходным условиям. В традиционных ценностях «отселектирован, передан и воспринят от человека к человеку, от поколения к поколению исторический социальный опыт, аккумулирующий в виде образов, норм, принципов представления о лучшем, авторитетном в культуре» [4]. Общепринятыми критериями традиционализма являются: устойчивость традиционных социальных институтов, сила связи с прошлым, сопротивление переменам.

Вопрос о возрождении национальных культурных традиций является основополагающим для развития государственности в масштабах страны. Сохранить в многонациональном государстве индивидуальность и неповторимость, уникальность и своеобразие каждой этнической группы, создать в нем атмосферу взаимоуважения и духовности – это тот круг проблем, которые необходимо решать совместными усилиями в интересах будущих поколений. Понимая важность этой проблемы, в свое время президент Российской Федерации В.В. Путин сказал: «Традиционная народная культура для нашей многонациональной страны – это не только бесценное наследие и общенациональное преимущество. Культура народов России выполняет в обществе ключевую объединяющую роль, способствует сближению и взаимопониманию между людьми, утверждению принципов согласия и толерантности» [5].

Этнокультурное наследие является частью общего наследия человечества, мощным средством сближения народов России, утверждения их культурной самобытности. Велико ее социальное, экономическое, культурное и политическое значение. Сегодня в условиях глобализации важно сохранить глубинные, базовые основы многонациональной культуры нашего государства, культурное наследие, национальные языки, традиции, фольклор, национальную самобытность каждого народа России, создать условия для их свободного национального самоутверждения, популяризации этнокультурного наследия с целью сохранения единого культурного пространства России.

Северный Кавказ чрезвычайно важен для России, когда речь идет о его геополитическом и геостратегическом значении, территориальной целостности государства, безопасности границ. Для Кавказа как земли уникальных народов и культур особое значение имеет сохранение социальной и духовной целостности российского многонационального народа и государства. Геополитические реалии Северного Кавказа следует осмысливать в контексте глобальных трансформаций, происходящих в мире и России. Ведь этот регион – часть мирового и российского геополитического пространства, существенным образом влияющая на характер происходящих здесь явлений. Не случайно Кавказ называют «солнечным сплетением Евразии», «геополитическим форпостом» и «перекрестком геополитических целей», он обладает рядом уникальных черт, которые выделяют его среди многих регионов мира. По геополитическому положению с Северным Кавказом трудно сравнить какой-либо другой уголок мира. Это притягательная зона, место соперничества между многими государствами. Говоря о геополитическом измерении Кавказа, приходится констатировать, что его характеристики определяются двумя существенно значимыми обстоятельствами – это пространство, где сосуществуют две цивилизации – христианская и исламская, где разграничиваются и взаимодействуют Запад и

Восток как культурно-цивилизационно-географические образования [6].

Северный Кавказ – регион очень разнообразный по составу населяющих его коренных народов, представляющих единую систему этнических групп, с одной из самой высокой в мире плотностью компактного расселения этносов. У северокавказских народов не только тесно взаимосвязанные исторические пути развития, общность географического расположения и специфическое место в системе межрегиональных взаимодействий. Они обладают своеобразной этничностью, сложной смесью менталитета и культуры, которая отличает эти народы от всех других сообществ.

Многие субъекты Северного Кавказа причисляются специалистами к так называемым проблемным регионам. Кардинальные различия субъектов федерации по уровню экономического развития породили такую ситуацию, которая осуществляет финансовую поддержку одних регионов за счет других. Получение денег из федерального центра стало особенностью северокавказской политики. Субсидии из центра – одна из форм финансовой поддержки регионов. Чеченская республика лидирует по объему социальной поддержки из федерального бюджета. Государство вынуждено содержать за счет бюджетных дотаций депрессивные республики Северного Кавказа. Экономическая асимметрия также отражается на уровне и качестве жизни населения, особенно в так называемых «проблемных регионах», порождая социальную напряженность и стихийную миграцию экономически активного населения из «бедных» регионов в «богатые», деформируя жизненное пространство и целостность федеративного государства. Важным фактором, создающим неблагоприятную социально-экономическую ситуацию в регионах, являются особенности потребительских ориентаций населения. В этом плане Северный Кавказ, как отмечают специалисты, характеризуется одним из самых высоких в Российской Федерации уровнем социального расслоения: разница в

реальных доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных в республиках доходит до 25-кратных размеров. При этом самые богатые слои населения ориентированы на так называемое «престижное потребление», т.е. прибыль используется ими в первую очередь на покупку дорогих потребительских товаров или оплату дорогостоящих потребительских услуг.

Северный Кавказ имеет для страны важнейшее экономическое значение, являясь составной частью хозяйственного комплекса Российской Федерации, без которого невозможно обеспечить экономическую безопасность государства. «Сложная ситуация в Северо-Кавказском регионе во многом обусловлена рядом накопившихся на протяжении десятилетий противоречий, прежде всего территориального, межнационального и религиозного характеров, многие из которых оказывают крайне негативное воздействие на ход развития ситуации. По мнению большинства исследователей, межнациональные конфликты в регионе связаны как с существующими различиями в уровнях социально-экономического развития субъектов региона, так и с социальными трансформациями на всем постсоветском пространстве и с возрастанием роли социально-культурного аспекта в общественном развитии» [7].

Нестабильность ситуации на Северном Кавказе непосредственным образом связана с трансформационными преобразованиями в нашей стране. Важными составляющими роста социальной напряженности и конфликтности в регионе стали резкое ухудшение основных показателей материального благосостояния преобладающей части населения, социальное расслоение общества. Причинами второго порядка – резко снизившаяся управляемость процессами экономического и политического развития страны, тотальная коррупция и криминализация чиновничества, необузданные политические амбиции национальных элит, низкий уровень гражданского самосознания, политической активности и культуры населения.

Оснований для трансформации социальной напряженности в межэтническую на Северном Кавказе оказалось более чем достаточно. Регион с одной из самых высоких в мире плотностью компактного расселения этносов и самыми низкими по стране социально-экономическими показателями, имеет неоспоримые предпосылки роста напряженности. Картина дополняется, с одной стороны, малоземельем, вследствие исторически традиционного дефицита равнинных территорий, с другой, – неоднократной перекройкой в прошлом национально-административных границ.

Нехватка плодородных земель и ограниченность водных ресурсов на Северном Кавказе исторически являлись одной из причин этнических противоречий и соперничества между народами, населяющими территорию региона, в частности, горные и равнинные его части. Частые войны и национально-территориальные переделы на всех исторических этапах приводили к массовым миграциям различных этнических групп внутри региона, что определило высокую степень этнического многообразия местных сообществ и размытость территориальных границ. Нигде более в пределах нынешней России не было осуществлено такого большого количества изменений в национально-территориальном устройстве, как на Северном Кавказе, причем, эти изменения касались как изменения границ, так и изменения статуса национально-территориальных образований. При значительной общности и сходстве народы Северного Кавказа имели в прошлом немало существенных различий, обусловленных уровнями общественного развития. Господство натурального хозяйства в сочетании с природными условиями горной местности поддерживали до присоединения Кавказа к России изолированность и замкнутость населявших этот край народов, задерживая процесс нивелирования их местных особенностей. В целом справедливо говорить о повышенной значимости этнической идентификации в самосознании кавказских этносов по сравнению с другими типами социальной идентификации. Такая ситуация типична для регионов

со сложной этнической структурой и незавершенными процессами национального строительства [8].

Оценивая разнообразные факторы, придающие особую напряженность ситуации на Северном Кавказе, одним из наиболее важных специалисты признают принцип национально-территориального устройства, доставшийся в наследство Российской Федерации. Изначально спорный характер национально-территориального размежевания народов, проводившийся с нарушениями исторических и этнических реалий, привел к современным межэтническим конфликтам, дестабилизирующим этнополитическую ситуацию в регионе [9]. В республиках Северного Кавказа невозможно провести четкую границу расселения этносов, в данном регионе можно провести условное разделение на моноэтничные, биэтничные и полиэтничные республики. К первому типу можно отнести Адыгею, Северную Осетию, Ингушетию, Чечню, ко второму – Карачаево-Черкесию, Кабардино-Балкарию и, наконец, к третьему – Республику Дагестан. В большинстве северокавказских республик доминирует титульное население. Это отличает этнотерриториальные автономии Северного Кавказа от других подобных субъектов Российской Федерации, где, как правило, титульные этносы оказываются в меньшинстве среди жителей республик. Полиэтничный состав населения обусловил существенные различия в образе жизни народов Северного Кавказа, культурные и конфессиональные особенности. Этнический уровень межкультурного взаимодействия в регионе находит выражение в культурных контактах между этносами, связанными общностью территории проживания (например, между русскими и автохтонным населением северокавказских республик), этноязыковым сходством (например, между кабардинцами и черкесами), а также религией (так, северокавказские народы, за исключением осетин и горских евреев, объединяет ислам). Из 33 самых многочисленных на Северном Кавказе этносов собственную государственность в виде республик имеют только восемь: адыгейцы, карачаевцы, черкесы,

кабардинцы, балкарцы, ингуши, осетины, чеченцы. Самая полиэтничная республика в составе Российской Федерации – Дагестан. Целая группа народов Северного Кавказа (шапсуги, ногайцы, абазины и др.) не имеют автономии.

В состав коренных народов Северного Кавказа входят группы народов, относящиеся к трем языковым семьям: индоевропейской, алтайской и северокавказской. К славянской группе индоевропейской семьи относятся русские (в том числе и казаки), к иранской группе – осетины. К тюркской группе алтайской семьи относятся кумыки, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, татары, к монгольской группе – калмыки. В северокавказскую семью входят три группы народов Северного Кавказа: дагестанская, нахская, адыго-абхазская группы. К дагестанской группе относятся: аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, табасаранцы, рутульцы, агулы, цахуры. В нахскую группу северокавказской семьи входят чеченцы и ингуши. В адыго-абхазскую группу входят кабардинцы, адыгейцы, черкесы, абазины.

Исторически сложившийся характер расселения является основой современных проблем административного и государственного деления при определении границ субъектов Российской Федерации (Ингушетия, Осетия и Чечня, Ставропольский край), границ муниципальных образований (в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии), государственных границ РФ (проблема Южной Осетии, лезгин Азербайджана и Дагестана). Некоторые северокавказские народы оказались разделенными внутренними границами. Расселенные в основном на равнине и лишь отчасти в предгорной зоне кабардинцы, черкесы и адыгейцы составляют единую этническую зону адыгов: эти народы очень близки между собой по языку и культуре. Близкородственными народами являются живущие в горах балкарцы и карачаевцы, говорящие на едином языке. В трех субъектах Российской Федерации – Адыгее, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии проживают на сегодняшний день адыги; в Республике Дагестан, Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае –

ногайцы. Существует проблема лезгинского народа, разделенного внешними границами. В результате распада СССР данный этнос оказался разделенным государственной границей, этнический ареал лезгинского народа включает часть территории Южного Дагестана и северные районы Азербайджана. Таким образом, следует признать, что изначально спорный характер национально-территориального размежевания народов стал одной из причин межнациональных конфликтов на постсоветском пространстве [10].

На этнополитическую стабильность в регионе негативно влияют последствия советской национальной политики, в частности, следующие ее проявления на Северном Кавказе:

- ✓ создание этнотерриториальных образований (типа Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии) для неродственных этносов и, напротив, разделение этнически близких народов по различным республикам;

- ✓ произвольное изменение границ без учета исторически сложившихся интересов проживающих там народов, неоднократная перекройка границ между административно-территориальными образованиями;

- ✓ репрессии и депортации целых народов.

События полувековой давности – депортация многих северокавказских народов – обострили многие этнополитические проблемы современной России. Депортации были подвергнуты: балкарцы, калмыки, карачаевцы, ингуши, чеченцы, ногайцы, т.е. добрая половина населения Северного Кавказа. Эта труднозаживающая рана этнической трагедии в истории северокавказских народов отзывается в их отношениях с федеральным центром. На Северном Кавказе насчитывается около 30 территориальных взаимоприязней, что превращает регион в очаг повышенной напряженности. Этнополитическая ситуация дополнительно осложняется тяжелым социально-экономическим положением, обострившимся за годы реформ, в том числе из-за разрыва традиционных экономических связей между бывшими

союзными республиками, а также между субъектами внутри Северо-Кавказского региона.

На Северном Кавказе проблемы межэтнического развития и взаимодействия приобрели в период социальных трансформаций наиболее конфронтационный характер. Оценивая этнополитические процессы в регионе, Р.Г. Абдулатипов подчеркивал, что за сравнительно короткий исторический период, совпавший с радикальными российскими трансформациями, народы региона пережили немало трагических моментов. Соответственно, Северный Кавказ сконцентрировал в себе целые пласты исторически накопившихся проблем – страхов, обид и новых претензий [11].

Современная политика федерального центра не может не учитывать этнический фактор в регионе, представляющем собой уникальную поликультурную мозаику северокавказских народов. Важно, чтобы представители всех этнических групп, имели возможность самовыражаться и сохранять этнокультурную отличительность, только это приведет к гармоничному взаимодействию различных культур, существующих в одном полиэтничном пространстве. В государственной политике, действиях политиков, руководителей важно доходить до символов идентичности каждой группы граждан. Если символы общей идентичности оказываются слабее индивидуальных идентичностей, то происходит ослабление государства в целом.

По мнению Р.Г. Абдулатипова, именно этнонациональное самочувствие человека и общности имеет наиболее глубинный индикатор сути социально-политических изменений, которые происходят в обществе, в государстве. Этнонациональные различия как сущностные качества особенностей самобытного формирования и развития социально-политических процессов, при всем их различии и самобытном проявлении, в конечном итоге могут иметь одну и ту же природу. Этнонациональные особенности – это прежде всего своеобразие социального творчества и мировосприятия конкретных этнонаций к тем или иным изменениям в обществе.

Различия в сфере этнонациональных отношений естественны, не нужно их игнорировать или культивировать как форму самобытности. И противоречия должны согласовываться для достижения общих подходов. Неучтенные различия и несогласованные интересы представляют собой неснятые противоречия, которые и приводят к этнонациональным конфликтам. А в условиях многонациональности они тут же обретают этнополитический характер [12].

Северный Кавказ в результате вхождения в состав Российского государства и участия в его культурном диалоге, в том числе с русским языком и культурой, обрел черты общности, позволяющие говорить о нем не только как историко-культурном, но и экономико-географическом регионе. Интересы сохранения культурного многообразия России предполагают уважение к состоянию малых культур, обеспечению прав граждан, связанных с их принадлежностью к той или иной этнической общности. По мнению В.А. Тишкова, культурная стратегия в регионе должна основываться на обеспечении взаимодействия трех культурных потоков – северокавказского, общероссийского и мирового, к которым добавляется также важный срез местных межкультурных взаимодействий [13].

«История изучения взаимоотношений русского и северокавказских народов складывалась таким образом, что до настоящего времени проблемы изучения роли и места, занимаемого Россией, русским языком и культурой на Северном Кавказе, оставалась наименее разработанной областью научных исследований. Горцы Северного Кавказа в подавляющем своем большинстве единодушны в том, что наличие русской среды, русского языка и русской культуры в регионе благотворно влияет на остальные, проживающие здесь народы» [14].

Основным направлением языковой политики на Северном Кавказе должно стать развитие национально-русского двуязычия (или многоязычия) как формулы обеспечения дальнейшей модернизации и интеграции северокавказцев в общероссийскую

культуру и сохранения местных языков как важного элемента национального самосознания и культурной отличительности. Языки народов Северного Кавказа должны сохраняться и осуществлять свои важные этнокультурные функции не только в сфере семьи и культуры. Их развитие нуждается в государственной поддержке в виде подготовки учебной и другой литературы на национальных языках, поддержки национальных СМИ и программ на телевидении. Что ни в коей мере не умаляет роли и значения русского языка в регионе, через который происходит интеграция республик, краев и областей Северного Кавказа в более широкий внешний мир и более сильная гражданская идентичность.

Русский язык выполняет функцию основного языка межнационального общения, на котором говорят практически все национальности России. Русский язык, литература духовно обогащают народы России. Эти народы, в свою очередь, обогащают русскую литературу, поскольку многие нерусские писатели пишут на русском языке, либо их произведения переводятся на русский язык и становятся достоянием всех российских народов.

Русский язык для всех народов Дагестана служит средством межнационального общения, языком обучения и делопроизводства. Наблюдения показывают, что у двух- и трехязычного коллектива вырабатываются общие тенденции в языковом поведении, зависящие от таких социальных факторов, как природа (географическая среда) и продолжительность контактов между носителями того или иного языка, многоязычная среда, сфера деятельности, характер производственной деятельности, возраст билингва, его уровень образования и т.д. В настоящее время только русский язык успешно выполняет государственную функцию в полной мере. Ни один другой язык в Дагестане, как бы он не декларировался, не выполняет высокую миссию – быть государственным языком. Ни на одном из языков Дагестана в республике не говорит хотя бы треть населения. Ни один язык Дагестана кроме русского (которым владеет свыше 80% населения), не является языком, объединяющим все дагестанское общество. А

ведь принципиальной целью языковой политики является обеспечение условий для функционирования языка как культурного фактора, способствующего общенациональной интеграции [15].

При широком распространении языковой ассимиляции, которая, по существу, сделала регион двуязычным, более глубокое проникновение в местный быт русских этнокультурных стандартов не произошло, хотя уровень культурных заимствований и взаимовлияний остается высоким и будет сохраняться в будущем. Именно присутствие российской (русской) культуры в регионе определяет во многом общие культурные черты северокавказских народов.

Этническая сфера Северо-Кавказского региона, сложившись исторически, в последние десятилетия в силу разных причин претерпела ряд серьезных деформаций, способных повлечь как положительные, так и отрицательные тенденции в его развитии. В случае доминирования негативных тенденций развития этнической сферы (в частности, изменение социального статуса русского и русскоязычного населения в национальных образованиях Юга России) под угрозой может оказаться сам факт устойчивого поступательного развития российского общества и государства. В свою очередь, позитивное развитие этнической сферы, например, взаимодействие и взаимопроникновение между различными этническими группами, проживающими в национальных республиках, комфортное социальное самочувствие русского и русскоязычного населения, а также адаптация населения республик к новой культурной и социальной среде будут являть собою чрезвычайно важный элемент общего прогресса, некий катализатор общеполитических, социально-экономических и культурно-гуманитарных процессов [16].

Одним из определяющих факторов сегодняшней этнополитической ситуации на юге России следует считать межэтнические интеграционные и дезинтеграционные процессы в республиках Северного Кавказа, которые необходимо рассматривать по двум основным векторам межэтнического

взаимодействия, таким как: 1) межэтнические контакты северокавказских этносов и иноэтничного населения республик (прежде всего русских) и 2) специфика межэтнического взаимодействия между самими северокавказскими этносами. Разнонаправленное межэтническое взаимодействие в регионе происходит на фоне общей для северокавказских этносов актуализации этнической составляющей социальной идентификации, которая в значительной степени определяет векторы этнополитической мобилизации.

Исследование межэтнических отношений в северокавказских республиках позволяет говорить о существовании тенденции к интеграции горских народов региона, обусловленной главным образом схожестью социокультурных проявлений их жизнедеятельности, общностью исторических судеб, немалую роль в которых сыграли взаимоотношения с Россией. Движение к межэтнической кооперации, пожалуй, является сегодня реальной стратегией поведения во взаимодействии между народами Северного Кавказа, «схожесть» которых определяет взаимную открытость их этнических границ.

Мощным стимулом и одновременно каналом интеграционных процессов в межэтническом взаимодействии на Северном Кавказе является общая социокультурная база и близкие социально-психологические установки проживающих здесь автохтонных этнических групп, взаимоприемлемые и одновременно взаимопересекающиеся социальные предписания, коренящиеся в эмоционально насыщенных «кодексах чести». Ценностно-ориентированное поведение членов северокавказских этнических групп имеет в своей основе общую базу и оценивается по единой ценностно-нормативной шкале [17].

Этническая и современная культура как части единого целого содержат в себе много позитивного и поэтому не должны исключать друг друга. Процесс сочетания культур в едином социокультурном пространстве, а значит и сочетание в человеке различных идентичностей, как справедливо заметил В. Краус,

«предполагает от каждой стороны проявления толерантности, взаимопонимания, умения принять и отнестись с уважением к интересам другой стороны и ее своеобразию. Такое отношение само по себе уже есть проявление культуры» [18]. Поэтому возрождение этнических ценностей в целях выживания не должно отрицать достижения современной цивилизации. Соответственно, информационная цивилизация, стремясь к развитию, не должна игнорировать особенности традиционной культуры, опять-таки в целях своего существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цит. по: Попова С.В. Этническая идентичность в глобализирующемся мире // Вектор идентичности на постсоветском пространстве: Материалы Международного «круглого стола» (Ставрополь, 2 октября 2006 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. – С. 209.
2. Гаджимурадова З.М. Этническое самосознание дагестанцев на пороге XXI века (на материале сравнительного исследования этностереотипов старшего и молодого поколений аварцев и кумыков). – Махачкала: Юпитер, 2002. – С. 4.
3. Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. – М.: Московское бюро по правам человека, «Академия». 2008. – С. 7.
4. Клушина И.В. Этническое самосознание молодежи в условиях полиэтничного социума // Полиэтничный макрорегион: язык, культура, политика, экономика: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (9-10 октября 2008 г., г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 131.
5. О концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2008. № 1. – С. 238.

6. Жаде З.А. Северный Кавказ в контексте современных геополитических реалий // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (9-10 октября 2008 г., г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 109-110.
7. Юсупова Г.И. Глобализация и трансформационные процессы в социально-политической сфере республик Северного Кавказа. – М.: Наука, 2007. – С. 55.
8. Муртузалиев С.И. Северный Кавказ с «изнанки» и «снаружи» (Северный Кавказ, Дагестан, Чечня и региональная политика России в самооценке «кавказских аборигенов» и образ региона у болгар и японцев в свете эмпирических исследований). – Махачкала: Формат, 2007. – С. 11-12.
9. Юсупова Г.И. Указ. соч. – С. 61.
10. Юсупова Г.И. Указ. соч. – С. 61.
11. Абдулатипов Р.Г. Управление этнополитическими процессами и кавказские реалии // Северный Кавказ и Дагестан: современная этнополитическая ситуация и пути её стабилизации. Махачкала, 2004. С. 65.
12. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. – СПб.: Питер, 2004. – С. 235-236.
13. Тишков В.А. Этнология и политика: статьи 1989-2004 гг. – М.: Наука, 2005. – С. 264.
14. Атаев Б.М. Русский язык и культура как факторы стабильности в условиях полиэтничного региона (на примере Республики Дагестан) // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (9-10 октября 2008 г., г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 20.
15. Магомедов М.И. Этноязыковые проблемы и пути их решения в Республике Дагестан // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность. Сборник научных статей. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 320.

16. Федосова Е.В. Социальное самочувствие населения Южного федерального округа как фактор межэтнической стабильности // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (9-10 октября 2008 г., г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 335.
17. Кобахидзе Е.И. Этносоциальные процессы на Северном Кавказе в условиях модернизирующих трансформаций // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (9-10 октября 2008 г., г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 134.
18. Цит. по: Попова С.В. Указ. соч. – С. 216.

Надеин-Раевский Виктор Анатольевич,
кандидат исторических наук,
с.н.с. ИМЭМО РАН,
Москва

Турецкая политика на Кавказе: прошлое и современность

Кавказ исторически всегда был ареной противостояния региональных держав, всегда уделявших в своей внешнеполитической экспансии важное место этому региону. Соответственно, когда менялось соотношение сил региональных гегемонистов, менялись и настроения местных кавказских властителей, изменялась конфигурация союзов племен и народов. Менялась и международная обстановка вокруг Кавказа. Постепенно в геополитическую игру, как сейчас стало принято говорить, вступила и Россия.

Интересы российского государства на Кавказе не ограничивались только обеспечением безопасности торговых путей, хотя и это было немаловажно. Империя стремилась обеспечить безопасность своих южных границ от постоянных опустошающих набегов южных соседей, столетиями остававшихся постоянной угрозой для приграничных регионов. Как известно, войска крымского хана Гирея не только разоряли приграничные области, но захватывали и столицу России, угоняя в рабство десятки тысяч людей. Постоянная угроза исходила и с Кавказа, где часть земель находилась в союзе с Россией, и в то же время отдельные властители продолжали постоянные набеги на российскую территорию.

Борьба России с внешними угрозами как для любого другого государства являлась вопросом сохранения своей независимости самого существования государства. Соответственно, и борьба с Османской империей постоянно оставалась вопросом самого существования России. При этом сама философия существования и развития двух империй имела совершенно разную основу – как

экономическую, так и ментальную. Так, развитие Османской империи и функционирование её государственных механизмов было нацелено на захват новых территорий, покорение новых народов. Иначе складывалась философия развития и самосохранения России. Это была философия оборонительного свойства, земледельческая философия, строившаяся на защите земель, обеспечении труда земледельцев на собственных землях, в своих территориальных пределах.

Османская же философия всегда была философией всадника, захвата территорий и народов, добычи, которая и поддерживала финансово и материально само существование и развитие империи. Не удивительно, что как только Османская империя перестала расширяться, достигнув предела своих возможностей – военных и экономических – она вступила в период стагнации. Процесс этот проходил постепенно, так же, как и предшествующий рост, шаг за шагом. Однако философия этого государства не изменилась. По-прежнему и школьные учебники, и вся турецкая историография наполнены не идеей защиты, как в России, а идеей ностальгии по «славному прошлому». Основные герои и образцы для подражания – это «великие завоеватели». Все это соединено с национальным аспектом проблемы – турецким (тюркским) величием.

Конечно, своя имперская ностальгия есть и в России. Однако и философия существования страны у нас разная и герои истории и национального эпоса, и связанное с этим понимание окружающего мира. Так, турецкая историография пытается отыскать «турецкие корни» даже у Чингисхана, не говоря об Атилле, которому тоже приписывается тюркское происхождение, да и других известных завоевателях. Позже, уже в XIX веке на этой основе родилась даже теория, что все «великие правители Востока – из турок, а Запада – германцев. Этот вариант понимания истории возник, под будущий осmano-германский союз, но предпосылки формирования такого понимания мира имеют более давнюю историю.

В своей истории Турция пережила несколько идеологических «перестроек». Эти трансформации самым болезненным образом

сказались и на османской, а позже и турецкой внешней политике. Соответственно данные идеологические новации сказались как на судьбе самой империи, а позже и Турции, так и на судьбах народов, которые так или иначе подпадали под их воздействие. С одной стороны, оно носило прямой характер. Так, Западный Кавказ после принятия ислама, всегда был подвержен идеологическому влиянию османов. И это было вполне естественно, потому что халифом всех мусульман был султан Османской империи. Это арабы могли сомневаться в легитимности передачи титула халифа турецкому султану. Для мусульман же Кавказа, в основной массе, тонкости легитимности в передаче титула халифа существенной роли не играли. Для них это был безусловный религиозный вождь, халиф всех мусульман, религиозный, духовный авторитет которого признавался и кавказскими и остальными российскими мусульманами и не подлежал никакому сомнению. Именно эта черта российской части уммы и сыграла определяющую роль в истории Кавказа в XIX веке.

Интересно отметить, что ранее в мусульманских регионах Российской империи ситуация складывалась в целом иначе. Фактически, российская часть уммы в значительной степени была интегрирована в имперские структуры. Эта система взаимоотношений складывалась в течение нескольких веков, но наиболее ярко выраженное влияние государства на религиозные структуры оказывалось в постпетровские времена. Так, Екатерина II проводила политику поощрения ислама. В районах проживания кочевников за казенный счет строились мечети и медресе, а татарские муаллимы вели занятия в местных учебных учреждениях. При этом имамы мечетей давали клятву на верность российскому императору и были уравнены в правах со священниками, то есть получали те же привилегии, что и православные священники и их дети. Конечно, служители культа в России фактически становились частью государственной системы и получали зарплату из казны, но курс на укрепление авторитета священнослужителей носил постоянный характер.

Однако для Кавказа многое из российских реалий было неизвестно. В то же время пропаганда со стороны эмиссаров Османской империи сосредоточивалась на том, что всех мусульман якобы заставят принять христианство, обложат новыми налогами и т.д. Естественно, что мусульмане Северного Кавказа воспринимали османскую пропаганду как истину в последней инстанции, и призыв покинуть родину и уйти «под защиту» халифа всех мусульман принимался как единственный выход.

Зачем понадобилась османам такая массированная пропаганда? Их империя переживала не лучшие времена и постепенно теряла территорию за территорией, особенно на Балканах, где славянские народы развернули массовое движение за независимость. Конечно, пытаясь остановить дезинтеграционные процессы в государстве, правящие круги попытались провести реформы в период «танзимата», провозгласив равенство всех подданных перед законом. Однако эти реформы были отрицательно восприняты мусульманскими подданными империи. Гораздо практичнее выглядела идея привлечь новые силы в пределы империи и использовать их в борьбе с Россией. В этом контексте обращение к «черкесам» представлялось вполне естественным. Здесь имел значение и накопленный в Кавказской войне боевой опыт, и высокие боевые качества воинов с Северного Кавказа, которые традиционно высоко ценились в Османской империи.

Конечно, турецкая пропаганда охватывала практически все мусульманские регионы России, однако именно на Западном Кавказе авторитет халифа всех мусульман был особенно высок, так же, как и влияние находившихся в близком соседстве османов. Соответственно и идея переселения правоверных в пределы Османской империи именно здесь получила наибольшую популярность. К тому же возможности агитации в Туркестане у Константинополя были значительно меньше вследствие географической удаленности региона. Более сильны были эти возможности в мусульманских районах Поволжья, где агитация проводилась практически во всех мечетях. Однако там российские

власти были в состоянии более эффективно противодействовать панисламистской агитации, вылавливать и высылать османских эмиссаров. В то же время именно Северный Кавказ, и особенно западная часть региона, традиционно находившаяся под серьезным идеологическим влиянием османов, оказалась наиболее податлива на османскую пропаганду.

Свою роль в широком распространении мухаджирства сыграла не только Кавказская война, но и активность европейских держав, поставлявших оружие горцам, проводивших активную антирусскую пропаганду на Кавказе. Интересы, в первую очередь Британии на Кавказе были особенно велики, а поражение России в Крымской войне укрепило позиции англичан, вынашивавших планы по овладению всем Кавказом. Соответственно и весь, так называемый англо-саксонский проект был направлен на выдавливание России из Черноморского региона в целом и, соответственно, с Кавказа.

Результаты пропагандистского воздействия панисламистской пропаганды на население мусульманских и тюрко-мусульманских регионов России оказались впечатляющими. Еще в советский период хорошо была известна цифра потерь в мусульманских регионах империи. По разным оценкам, от миллиона двухсот тысяч до двух миллионов мусульман Российской империи покинули пределы страны и эмигрировали в Османскую империю. Однако если потери на Кавказе можно списать на результаты Кавказской войны, то в других регионах империи этот тезис никак не проходит. На территориях нынешних Татарстана и Башкортостана Кавказской войны не было, однако движение мухаджирства в некоторой степени охватило и эти регионы.

Следует отметить и политические ошибки тогдашнего руководства Российской империи. Недостаточно характеризовать политику империи на Кавказе как крайне непоследовательную. Порою создавалось впечатление, что этой политики не было. Точнее, не было стратегической линии с ясно поставленными целями и определенными задачами. Постоянные метания из одной крайности в другую, непоследовательность в проведении тех или иных мероприятий стали

причиной ряда неудач и промахов. Главное, что у российских властей не было возможности в должной мере воспрепятствовать проведению массированной османской пропаганды, разъяснить населению лживость османских посулов, опровергать ложь в адрес политики властей. А ведь именно эта ложь и была основным оружием османских эмиссаров.

Непоследовательность имперской политики на Кавказе нашло отражение и в официальных подходах к мухаджирству, которое поначалу даже поощрялось. При этом часть чиновников выступала против самого движения, а часть считала его выходом из сложившейся ситуации. Затем правительство, осознав разрушительное воздействие мухаджирства, стало его запрещать, отлавливать османских эмиссаров, но ничего не могло поделать, когда местные мусульмане обращались с просьбами совершить хадж. Препятствовать желающим покинуть пределы империи под предлогом паломничества в Мекку правительство не могло.

Более того, отменив крепостное право и наделяя крестьян землей по всей империи, правительство столкнулось со стойким нежеланием кавказских властителей отпустить своих крепостных и «ясырей», вообще не имевших каких бы то ни было прав. Порою им давали убежище в станицах, но местные власти часто возвращали беглых рабов, хотя по всей империи крепостничество уже давно было запрещено. Кроме того, власти часто боялись нарушить устоявшиеся традиции работорговли, важным центром которой оставалась Османская империя. Вспомним также, что, помимо стамбульского рынка рабов, активным центром довольно долго оставалась Анапа, вплоть до потери турками этого региона.

В Османской империи рабство продержалось дольше, чем в других регионах мира, включая Европу и колонии европейских держав. Только в 1876 году на территории империи рабство было запрещено официально султанским указом. Однако фактически этот институт продолжал функционировать и позже. Особенно много рабов было в Болгарии, куда в 1857-1867 гг. иммигрировало, по некоторым оценкам, до 1 млн. выходцев с Северо-Западного Кавказа, привезших с

собой 150 000 рабов, что стало возрождением средневековой ситуации. Автор цитируемого исследования отмечает, что «черкесы-рабовладельцы, упорно сопротивляясь законам об отмене рабства, тысячами продавали своих невольников в периферийные районы империи (Бейрут, Месопотамию), так как в метрополии оно уже преследовалось». Отметим, что пережитки рабства в Османской империи окончательно исчезли лишь в результате младотурецкой революции 1908 года. Такое соседство и устойчивая традиция, помноженная на уже веками устоявшийся промысел, сказалась и на судьбах кавказских народов. Впрочем, рабство у османов носило относительно мягкий характер. После нескольких лет службы раба обычно отпускали, а если он принимал ислам, то получал свободу сразу: мусульманин не может быть рабом.

Отмена крепостного права в России самым непосредственным образом сказалась на позиции кавказских феодалов и их лояльности по отношению к властям империи. Те, кто раньше вполне вписывался в имперские структуры и пользовался такими же правами, как и остальные российские дворяне, стали в жесткую оппозицию властям. Отмена крепостного права и ликвидация рабства означала одно: господин должен был либо сам работать, либо платить своим слугам, что никак не вписывалось в вековые устои местного социума.

Позже власти попытались смягчить возникшие противоречия. Местным властителям стали назначать пенсии, чтобы как-то компенсировать потери, однако это произошло не сразу. То есть власть опять же не отличалась последовательностью в своей политике. К этому времени многие бывшие властители предпочли, забрав свое племя, включая рабов, покинуть пределы Российской империи.

Однако во всей этой трагической истории важно и другое. Хотя *османы* упорно пропагандировали мухаджирство, возврат «в лоно ислама», «под длань халифа всех мусульман», сама империя была совершенно не готова к приему такого количества переселенцев, к которому привела вся кампания. Соответственно, не была создана инфраструктура приема и обустройства переселенцев, не выделялись соответствующие средства, не были определены районы расселения

мухаджиров, а на выделенных территориях для новоприбывших не было обустроено ни поселков, ни домов, не существовало никакой инфраструктуры, способной хоть как-то обеспечить их выживание.

Российские власти, хотя и пытались агитировать против переселения, в то же время выделяли средства на питание переселенцев, выделяли офицеров для сопровождения колонн беженцев (эти же офицеры занимались решением бытовых вопросов), оплачивались услуги судов, перевозивших мухаджиров. Власти содействовали и в продаже переселенцами собственности. Соответственно, велся и официальный учет переселенцев.

В Османской империи сбор средств на помощь переселенцам начался только тогда, когда стал примерно ясен масштаб проблемы. Однако это были пожертвования со стороны семьи султана, высших сановников империи, которые проходили по линии традиционной для империи системы вакуфов. Собираемых средств было совершенно недостаточно, к тому же, они в процессе сбора и передачи нуждающимся традиционно разворовывались. Соответственно, и статистики по сбору средств и количеству переселенцев тоже не велось, что было характерно для тогдашнего положения империи. Впрочем, статистика предполагала и отчет о затратах, в чем чиновники совершенно не были заинтересованы.

Несмотря на всю неустроенность приема переселенцев, империя была явно заинтересована в использовании появившейся новой силы. Северокавказцы – представители народов адыго-абхазской и тюркской языковых групп – традиционно считались в империи ценнейшим военным товаром. Из числа кавказцев-христиан традиционно формировалось войско янычар, а на территории Египта, в течение нескольких веков входившего в состав Османской империи – войска мамлюков, династии которых, еще до завоевания Египта османами, правили этой страной. Немаловажную роль в судьбах империи и формировании ее генофонда играли и кавказские женщины. Традиционно, на стамбульском невольничьем рынке самым дорогим товаром в течение нескольких веков были черкешенки. Таким образом «черкесская» диаспора в Турции имеет многовековую историю, а

Кавказ всегда считался «кузницей пашей». Именно из среды черкесов вышло значительное количество высокопоставленных военных империи, для которых рабство, довольно мягкое, в османских условиях было своеобразной дорогой к воинской карьере.

В настоящее время у некоторых авторов, пишущих актуальные политические статьи по так называемому «черкесскому вопросу», наметилась тенденция отрицать и существование рабства на Кавказе, и работорговлю, процветавшую здесь столетиями. Однако сама история – как российская, так и османская – никогда не подвергала сомнению все эти исторические факты. Рабовладение – это этап исторического процесса, через который прошли практически все народы, и отрицать очевидное и естественное в развитии человеческого общества крайне непродуктивно. Важнее исследовать реальное развитие исторических процессов, которые позволяют понять и прошлое, и будущее народов. Историю черкесской диаспоры в Турции, в том числе и историю мухаджирства, ставшего трагической страницей в истории кавказских народов, России, Османской империи, и возникшей на её руинах новой Турции, необходимо подробно изучать.

Итак, мухаджирство привело к появлению многочисленной «черкесской» диаспоры в Турции, причём её численность вызывает постоянные споры. Оценка численности черкесов колеблется от нескольких сот тысяч до двух миллионов человек. Есть и другие оценки – так, некоторые авторы пишут о семи миллионах черкесов. Сами подсчеты численности диаспоры крайне сомнительны. Во-первых, многие турки объявляют себя черкесами, если в роду, к примеру, была «бабушка-черкешенка». Во-вторых, идентифицировать черкесов по фамилиям невозможно, так как в двадцатые годы всех турок обязали взять турецкие фамилии взамен исламских и нетюркских. В-третьих, графы «национальность» в турецких паспортах в республиканский период не существовало, а турецкие переписи населения никогда не поощряли указание любого языка в качестве родного, кроме турецкого.

В соответствии же с турецкой конституцией все жители Турции являются турками, а любая попытка говорить на родном языке

приравнивалась к «сепаратистской пропаганде» как, например, в случае с курдами, и наказывалась длительными сроками тюремного заключения.

Турецкие черкесы всегда были лояльны по отношению к государству, и никаких сепаратистских настроений не проявляли. В то же время, стремление Турции вступить в Евросоюз привело к изменению политики по отношению к национальным меньшинствам. Это коснулось в первую очередь курдов, которые не только требовали признания своих национальных прав, но и все активнее выступали за их реализацию. В Турции был принят закон, в соответствии с которым в стране появились курдские газеты и журналы, стало легально работать курдское радио, появился государственный телевизионный канал ТРТ-6, вещающий на курдском языке. В работе канала небольшим народностям, таким, как заза, насчитывающим всего полтора миллиона человек, было предоставлено эфирное время.

Как и следовало ожидать, о своих национальных правах вспомнили и турецкие «черкесы». Именно этот момент и стал для турок довольно неудобным. Турки с готовностью поддерживают сепаратистские проекты на территории России, но это, как правило, проекты тюркские, например, создание «ногайской республики». В то же время «черкесский проект» несет в себе потенциальную угрозу для турецкой государственности в том виде, как ее представляют адепты тюркского «интегризма». Сама постановка вопроса о «геноциде черкесов» выводит на сравнения с требованием признать геноцид армян, самую возможность которого турецкие власти, как известно, с негодованием отвергают. К тому же «черкесский проект» противоречит идее «пантюркистского проекта». Ведь на Северном Кавказе живут и тюркоязычные народы: карачаевцы, балкарцы, ногайцы, кумыки и т.д., отношение которых к созданию некоей «Великой Черкессии» «от моря и до моря» крайне негативное. Естественно, что турки готовы поддержать требования исключительно своих «ногайских турок», карачаевских турок», «балкарских турок» и т.д.

Патеев Ринат Фаикович,
кандидат политических наук,
Директор Центра исламоведческих исследований
Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Республика Татарстан

Роль исламского фактора в современном адыгском движении

Актуальность данного исследования обусловлена широко дискуссионными вопросами о роли ислама и других сопутствующих религии факторов в адыгском национальном движении. На сегодняшний день, несмотря на некоторые совпадения, у исследователей есть разные точки зрения по данному вопросу. Не менее спорными, являются и мнения адыгских национальных активистов, которые также по-разному смотрят на роль ислама в общественном сознании своего народа. Попытаемся раскрыть особенности проявления «исламского фактора» в адыгском национальном движении, проанализировать позиции активистов, ученых и представителей зарубежной диаспоры.

Теоретическими предпосылками в анализе роли исламского фактора в адыгском⁴ национальном движении, по нашему мнению, может стать теория социального конструирования, предложенная западными социологами П. Бергером и Т. Лукманом [1]. В данном контексте создание этнических концептов с использованием религиозного (исламского) элемента являются целенаправленным конструированием определенной воображаемой реальности среди этнических групп. Она представлена в виде конструкта, предполагающего определенные формы солидаризации. Этнические и религиозные традиции выступают основой в процессе формирования и институционализации подобных социальных феноменов в виде идейных конструктов [3]. В данном контексте

⁴Следует отметить, что в данном случае под понятием «адыгский» автор подразумевает всю совокупность данных этнических групп. Речь идет об адыгейцах, кабардинцах, черкесах и т.д. При этом сама дискуссия о соотношении данных понятий, вопросах идентичности, и конкретных этнонимов-самоназваний остается за рамками рассмотрения.

можно выделить два проекта, которые, скорее, существуют виртуально – «Имарат Кавказ» и «Великая Черкесия».

Интересными также представляются идеи о социальной аномии, изначально разработанные Эмилем Дюркгеймом, а потом развиваемые Робертом Мертоном. Социальная аномия – феномен отказа от устойчиво действующих общественных норм, по мнению Дюркгейма, проявляется в результате распада системы ценностей, которая может проявляться в различных формах девиаций [3], Мертон, в свою очередь, указывал, что элементы социальной системы, неспособные отвечать на ее запросы в процессе саморегуляции, выполняют роль дисфункций (расстройства системы). Однако если данным элементам не удастся перестроить систему, или выполнять функции ее саморегуляции, они неизбежно погружаются в социальную аномию [4]. В нашем случае данные идеи получают новое звучание. С одной стороны, после распада СССР все постсоветские этногруппы оказались в определенной степени погружены в состояние социальной аномии. Распад идеологической системы, которая за годы СССР была воспринята, в том числе, этнонациональными элитами на местах, породил целую волну «этнических» концепций, с тем или иным элементами религиозного содержания. Опустевшую идеологическую нишу стали заполнять, в том числе, достаточно радикальные концепции. Значительная часть предложенных концепций так и не смогла найти реализацию в повседневности в силу неспособности выполнять свои функции в сложившейся структуре постсоветских этнонациональных сообществах. В конечном итоге это привело к адаптации отдельных идеологов, ретрансляторов и их носителей к сложившимся социально-политическим реалиям. В частности, к их кооптации в сложившуюся постсоветскую политическую систему, в первую очередь, на местном уровне. Однако в отдельных случаях это приводило к радикализации части подобных этнических, либо религиозных концепций, а также маргинализации их носителей.

Необходимо подчеркнуть, что исламский фактор в адыгском национальном движении, скорее, вспомогательный, вторичный

элемент, уступающий этническому контексту конструирования, а иногда – и открыто конкурирующий, либо даже отчасти противоречащий ему. В отношении роли исламского фактора в адыгском движении не существует единого мнения, как, в общем, и глубоких концептуальных исследований.

С одной стороны, принято считать, что адыгские народы Северного Кавказа являются наименее исламизированными. Ислам распространяется среди адыгских народов в XV-XVII вв. При этом уровень религиозности народов Северо-Западного Кавказа значительно отставал от Восточной части. На Западном Кавказе основной этап исламизации был проведен турецкими султанами и крымскими ханами. Это предопределило распространение ханафитской философско-правовой школы суннитского ислама – наиболее пластичного и либерального направления. Религиозное рвение этого направления вполне удовлетворялось исполнением религиозных обрядов, а на все повседневные вопросы отвечал традиционный адат. Поэтому «многие требования кабардинского адыгэ хабзэ и балкарского адет (адаты) оказались интегрированными в состав шариатских предписаний» [5]. На Северо-Западном Кавказе число мусульманских культовых учреждений было значительно ниже, чем на Востоке Кавказа. В советский период ислам сохранял существование лишь в виде отдельных обычаев. Постоянно действующих культовых учреждений не было [6].

К. Казенин, касаясь роли исламского фактора в «балкарском вопросе» и постсоветского религиозного возрождения, указывает, что низкая роль ислама в КБР была связана с отсутствием укорененной традиции «местного ислама». При этом автор лишь частично подчеркивает более высокую роль исламского фактора в балкарской – тюркской среде, что связано лишь с отдельными событиями. Сравнивая ситуацию с Северо-Восточным Кавказом, исследователь указывает на религиозную практику, которую смогли сохранить шейхи в Чечне, Ингушетии и Дагестане в советское время. В связи с отсутствием подобной суфийской традиции,

религиозное возрождение в КБР началось с «чистого листа» [7, с. 110]. При этом, рассматривая ситуацию в Карачаево-Черкесии, этот же автор подчеркивает, что исламский фактор, «который у черкесов несколько уравновешен сложной религиозной историей этого народа», в большей степени ощущается у карачаевцев (тюрок. – Р.П.) в связи с ролью сельского «джамаата» в карачаевских аулах [7, с. 119].

Подобного рода точка зрения о более «скромной» роли религии у адыгов подтверждается современными социологическими опросами. В частности, по опубликованным данным о «большой» роли религии в жизни народов Северного Кавказа в среднем заявило 62 % опрошенных. При этом наиболее высокие показатели зафиксированы на Северо-Восточном Кавказе: Чечня (81 %), Ингушетия (68 %), Дагестан (66 %). Более скромные показатели, соответственно, были зафиксированы в КБР (42 %) и КЧР (52 %) [8]. При этом следует учитывать, что представленный опрос отражает позицию не только опрошенных адыгских респондентов, но и позицию других этнических групп. В частности, тюркских народов КБР и КЧР – балкарцев и карачаевцев, которые, по мнению некоторых авторов, сохраняют большую религиозность.

Тем не менее, в начале 90-х прошлого столетия – после религиозного возрождения, роль ислама в адыгском сообществе возрастает. Многие адыги, черкесы и кабардинцы стали практикующими мусульманами. Были восстановлены мечети, открыты медресе. Некоторые представители адыгской молодежи получили возможность выехать на религиозное обучение в мусульманские страны. Иногда процессы религиозного возрождения приобретали радикальный характер. Наиболее драматичной оказалась ситуация в Кабардино-Балкарской Республике. Сложности во взаимоотношениях между официальным муфтиятом и молодыми мусульманами, часть из которых активно радикализировалась, привела к драматичным событиям конца 2005 г. В итоге «13 октября 2005 года произошло вооруженное нападение на столицу Кабардино-Балкарии город Нальчик. Численность

боевиков, совершивших атаку на город, составляла не менее 250 человек. В результате нападения погибло 35 сотрудников силовых структур и 15 гражданских лиц, 129 силовиков и 66 гражданских лиц были ранены. В результате боев в городе было убито 95 боевиков» [9]. Среди лидеров экстремистского джамаата КБР были кабардинцы Анзор Астемиров (обучался в Саудовской Аравии) и Мусу Мукожев (обучался в Иордании).

А. Астемиров после нападения на здания силовых структур в Нальчике дал интервью представителям турецкой организации «Кавказский Фонд», которая поддерживает тесные связи, в том числе, с сепаратистскими движениями Северного Кавказа, и в основном состояло из представителей кавказских общин в Турции. По словам А. Астемирова, вернувшись в КБР из Саудовской Аравии, он со своими соратниками создал «гражданское объединение», «джамаат», основной целью которого было воспитание и обучение молодежи. Во всем случившемся он упрекает официальное духовенство, которому не понравилась активность молодых мусульман. А. Астемиров обвинил их в алчности, утверждая, что они берут деньги за совершение похоронных обрядов и бракосочетаний, т.е. «с живых, мертвых и вообще со всего». Не признавая вину в организации кровавых событий, утверждая, что они были спровоцированы и носили спонтанный характер, А. Астемиров заявил: «Мы не подчинились тем, кто превратил религию в доходный сектор, и были атакованы силами безопасности» [10]. В продолжении своего интервью он подтвердил свою связь с Шамилем Басаевым и указал, что ему было известно о планировавшемся нападении, но с чеченским подпольем сам А. Астемиров лишь координировал свои действия [11].

При этом сами адыгские активисты в России часто сами открыто дистанцировались не только от использования исламского фактора в своих интересах, но и фактически от признания роли религии в произошедших событиях. В частности, в конце 2005 г. Черкесский конгресс направил обращение к Президенту России В. Путину, указывая, что «адыгский этнос выступал одним из

стабилизирующих факторов на Северном Кавказе», однако «из-за невнятной политики федерального центра» часть адыгской молодежи «может пересмотреть свое отношение к политике России». При этом показателем подобного процесса могут служить именно события, связанные с нападением на Нальчик в октябре 2005 г., однако «придание религиозного оттенка произошедшему неверно». По мнению адыгских активистов Черкесского конгресса, «это был акт отчаяния и протеста молодежи в условиях безысходности и невозможности как экономической, так и политической самореализации» [7, с. 22]. Очевидно, что подобная позиция связана с основным вектором общественно-политических претензий адыгских активистов. Они не только подчеркивали свою светскую направленность, но и явным образом пытались продемонстрировать отказ от использования исламского фактора в своих целях.

Следует отметить, что ситуация в исламистском движении КБР в целом никогда не увязывалось с адыгским национальным движением и самими исламистами. В структуре виртуального «Имарата Кавказ», который был провозглашен Доку Умаровым в 2007 г., адыгскому пространству не отводится отдельного места. В частности, формально существовал «Объединенный валият Кабарды, Балкарии и Карачая», который до некоторых пор возглавлял А. Астемиров, позднее уничтоженный в 2010 г. При этом адыгская народность – кабардинцы, формально получали ведущий статус, поскольку в названии употреблялись первыми. Тюркские этносы, несмотря на определенную «вторичность», получали представительство сразу двух «титულных» народов – балкарцев, и карачаевцев. Причем отдельные виртуальные «административные образования» получили даже менее многочисленные народы: ингуши «Валият Галгай чо», и даже ногайцы – «Валият Ногайская степь», якобы действовавший на территории Ставропольского края.

Очевидно, что руководители виртуального «Имарата» понимали, что открытое использование адыгского фактора

столкнется с объективными проблемами. Во-первых, сам проекта изначально был исламистским, опирающийся на религиозный ирредентизм⁵. Это исключало прямое использования этнонационального фактора, даже несмотря на то, что сама структура «Имарата» опиралась на этническую основу народов Северного Кавказа. Во-вторых, прямое использование этнического фактора провоцировало бы сложности межэтнического характера, обостряя фактор соперничества, в первую очередь, между адыгскими и тюркскими народностями. Учитывая это, можно с уверенностью сказать, что в радикальном исламистском проекте «Имарата Кавказ» использование адыгского фактора изначально имело свои непреодолимые сложности.

Впрочем, не менее проблематичным представляются и попытки муслинизации вопросов укрепления «адыгского субъекта» в составе Российской Федерации. Здесь усматривается не только проблема отсутствия соответствующего демографического потенциала, но и проблема межэтнической конфликтности с другими «неадыгскими» этническими группами и отсутствием у данной идеи реальной общественной поддержки. Так, известный исследователь О. Цветков по этому поводу указывает: «Идея укрупненного адыгского субъекта РФ несет в себе риски, поскольку масштабная перекройка административных границ неизбежно сопровождалась бы протестами этнических активистов из неадыгских этнических групп, проживающих в пределах гипотетической Черкесии. Идея Большой Черкесии имеет мало шансов на практическую реализацию в силу сложности ее осуществления, а также в силу того, что в реальности она не находит массовой поддержки» [12].

Следует отметить, что значение ислама и исламского фактора было и остается более значимым в кругах адыгской диаспоры за рубежом. В частности, в среде мухаджиров Турции исламский фактор имеет более важное значение, чем для адыгских народов, проживающих в России. Предки адыгских народов, проживающие

⁵ Ирредентизм – стремление объединить народы по религиозному признаку.

за рубежом, всегда были более последовательными мусульманами и подчеркивали свою традиционную приверженность к исламу. Очевидно, что новая волна процессов исламизации адыгской среды динамично продолжалась и в период мухаджирства XIX в.

По мнению некоторых авторов, именно связи с зарубежной диаспорой способствовали росту интереса к исламу у российских адыгов в постсоветский период: «Тесные контакты с зарубежной адыгской диаспорой начались со второй половины 80-х годов, и это также способствовало росту интереса к исламу у адыгов, проживающих в России» [13]. Поэтому происходящие процессы вокруг ислама на Северном Кавказе активно обсуждались в кавказских кругах адыгских мухаджиров и находили свое отражение в информационном пространстве, являясь фактором реконструкции этнического сознания.

Изначально в интернет-пространстве – на сайтах кавказской диаспоры Турции – основное внимание уделялось событиям в Чечне, Дагестане и т.д. После радикализации исламистского движения в КБР исламской тематике в адыгской среде также стало уделяться внимание. Однако следует подчеркнуть, что исламский фактор никогда не увязывался с адыгским этнонациональным движением. Уже вышеупомянутое интервью А. Астемирова – лидера исламистского подполья КБР, было опубликовано на многих сайтах кавказских сообществ Турции: «Кавказский фонд», «Агентство Нарт», «Кавказский дом» и т.д. Примечательно, что одним из авторов этого интервью был обозначен Хаджи Байрам Болат (Насі Ваугам Волат). Этот человек, будучи этническим адыгом и представителем кавказской диаспоры Турции, некоторое время проживал в КБР. Однако был дважды депортирован из республики в течении 2002 – 2003 гг. [14].

По нашему мнению, с начала 90-х черкесский вопрос в Турции, непосредственно связанный с адыгским этническим группами, продолжал оставаться на «втором плане». Следует напомнить, что к самим черкесам в Турции относили не только представителей адыгских этносов, а всех потомков выходцев с

Кавказа. Ситуация изменилась в 2007 г. после принятия решения Международным олимпийским комитетом о проведении зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. После данного решения реконструкция информационного пространства в отношении черкесского вопроса в Турции начинает происходить в контексте проблем именно адыгских этнических групп. Вопросы, связанные с адыго-черкесской проблематикой в самой Турции, выходят на первое место в «общекавказских» дискуссиях. Однако и здесь исламский фактор по-прежнему не стоял на первом месте. По крайней мере, речь не идет о слиянии адыгского национального движения и радикального исламистского проекта. Даже наоборот, иногда звучали достаточно противоположные точки зрения.

Интересным в данном контексте звучит мнение Сезаи Бабакуша (Sezai Babakuş), представителя черкесской диаспоры в Турции. Свою позицию он озвучил в статье «Традиция, религия, демократия и мы...». Вспомнив о событиях в Нальчике в октябре 2005 г., он отмечает, что радикализация молодежи действительно имеет место. Приведя несколько исторических параллелей, он указал на современный рост влияния ислама, как на Кавказе, так и во всем мире. Не отрицая того, что ислам – это часть традиционного наследия адыгских народов, сам автор больше склоняется к мнению, что радикализация вызвана целым набором социально политических проблем [15]. Не согласившись с идеей президента А. Канокова о создании гражданских комитетов обороны в КБР, автор указывает на неэффективность попыток противопоставить идеи религии и традиции. В частности, Сезаи Бабакуш, ссылаясь на идеи применения традиционного родового права ответственности, считает, что это только осложнит ситуацию. В заключении он отмечает, что «в современных обществах государственным языком является демократия и право» [16]. Таким образом, автор, в большей степени настаивает на идеях либерального характера, которые выносят религию за пределы значимой социально-политической роли в адыгском сообществе.

Можно выделить и другие примеры реконструкции религиозного элемента в адыго-черкесском сознании. Таким примером может являться сайт «Adigeyaislam.com», видимо, имеющий турецкие корни, о чем свидетельствует наличие контента не только на русском, но на турецком и английском языках. Примечательно, что сайт был открыт в 2005 г., но прошел реконструкцию и начал вещание в новом формате в 2008 г. [17], т.е. после принятия решения о проведении Олимпиады в Сочи.

В целом сайт имеет традиционное содержание, и основной контент по религиозной проблематике представлен материалами известных русскоязычных исламских сайтов (www.islamnews.ru; www.islam.com.ua и т.д.). Но многие материалы в новостной ленте посвящены адыгской проблематике: «Обращение черкесских неправительственных организаций Российской Федерации»; «Абхазия – страна мусульманской души»; «Адыги представили проблемы сирийских соотечественников в Представительстве ООН по делам беженцев»; «Заявление черкесских общественных организаций Республики Адыгея» и т.д. Также представлены видеоролики на религиозные темы адыгского проповедника, косовского репатрианта Рамадана Цей. Известно о конфликте муфтията Адыгеи с данным репатриантом, который не признавал местных представителей духовного управления мусульман и якобы называл их «скрытыми врагами ислама». Окончивший факультет религии Амманского университета в Иордании, Рамадан Цей, видимо, в том числе под давлением местного муфтията, 13 мая 2004 г. был депортирован из Адыгеи [18]. Сам Рамадан Цей сейчас проживает в Турции. Следует отметить, что его проповеди, видимо, как и сам сайт «Adigeyaislam.com», большой популярностью не пользуются⁶.

Несмотря на попытки новой реконструкции религиозного компонента в адыгском сознании, традиционный этнический аспект продолжает превалировать. Черкесская активистка Алина

⁶ В частности, по данным сервиса “YouTube”, ролик, размещенный 3 декабря 2013 г., к 5 марта 2014 года набрал всего 67 просмотров [19].

Кабардокова пыталась проанализировать соотношение традиционного и религиозного компонента в адыгском обществе в статье «Черкесы: кто мы и куда идем?». Вот лишь некоторые тезисы: «Нужно не забывать, что Адыгэ Хабзэ – это этико-правовая система... Это как шариат у приверженцев мусульманской веры – источником его легитимизации является ислам». Далее она утверждает: «Христианство и Ислам – это два крыла одной птицы – универсальные авраамические доктрины». В заключении она отмечает: «Многие из живущих сейчас черкесов считают, что на сегодняшний день в теме “Адыгэ Хабзэ и Ислам” не может быть компромисса. Нельзя сделать кентавра, трудно совместить обе системы, если ни одна из них не нуждается в другой» [20].

Мнения российских экспертных кругов в отношении исламского фактора и адыгского национального движения в основном едины в оценках. А. Ярлыкапов, в докладе «Роль и место ислама в современном черкесском движении в России (на примере “Черкесского конгресса”）」 отмечает, что «активисты “Черкесского конгресса” в основном считают невозможным какое-либо взаимодействие национального движения с исламом, а другие рассматривали ислам как неотъемлемую часть культуры. К экстремистским проектам создания исламского государства обе группы активистов относились отрицательно» [21].

Такие авторы как Александр Скаков и Николай Силаев в отношении исламского фактора выразили другую позицию: «Этническая консолидация черкесских народов в границах отдельных административно-территориальных образований наряду с широким развитием радикального исламского движения может стать фактором мощной дестабилизации («войны всех против всех») в случае дальнейшего разложения нынешнего политического порядка на Северном Кавказе» [22].

Таким образом, несмотря на отсутствие системного взаимодействия между адыгским национальными движениями и исламистским радикальным проектом, ислам продолжает оставаться элементом конструирования этнического самосознания.

При этом в самой адыгской среде подобная реконструкция этнического самосознания воспринимается, по-разному – от частичного принятия, до некоторой степени отторжения. В большинстве случаев конструкты этнического сознания, где ислам играет значимую роль, присущи представителям адыгской диаспоры зарубежья.

Исторически адыгские группы мусульман оставались наименее религиозными на Северном Кавказе. Такая ситуация сохраняется и на сегодняшний день. Более значимой в среде адыгского мухаджирства была роль ислама. Кроме того, отчасти именно диаспора и ее связь с мухаджирством повлияли на новые процессы реисламизации постсоветского периода.

События, связанные с проявлениями радикального ислама на Северном Кавказе, воспроизводились в адыгской зарубежной диаспоре в контексте общей ситуации в данном регионе. Само исламистское движение – в лице отдельных представителей адыгских народов, никогда не связывало свою деятельность с национальным движением. При этом неприятие радикальных исламистских проектов проявляется как в диаспоре, так и в среде российских адыгов. Такие проекты, будучи нереалистичными, с очевидностью воспринимаются большинством адыгов как неосуществимые (т.е. дисфункциональные), а сами исламистские радикалы – как маргинальные группы. Однако отдельные попытки реализовать исламо-адыгский проект проявляются на практике через реконструкцию этнорелигиозного самосознания. В том числе, не столько через радикальный ислам, сколько через умеренно исламистские конструкции. Однако большой популярностью эти идеи также не пользуются. Лишь некоторые эксперты рассматривают консолидацию адыгских народов и реализацию исламистского проекта как отдельные факторы возможной общей дестабилизации Северо-Кавказского региона в случае дальнейшего обострения политической ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. подробнее: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 324 с.
2. См.: Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 150 с. С. 102.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд: Пер, с фр. с сокр. / Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 400 с.
4. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.
5. Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на Юге России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. С. 150.
6. Кратов Е.В. Ислам в Северо-Кавказском крае (1924–1934 гг.) // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 111–112.
7. Казенин К. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. М.: Изд-во «REGNUM», 2009. С. 110.
8. Ислам на Северном Кавказе: история и современность / Под ред. И. Текушева, К. Шевченко. Прага: Изд-во “Medium Orient”, 2011. С. 11–12.
9. Нападение на Нальчик 13–14 октября 2005 года // Кавказский Узел [Электронный ресурс]. URL:<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/219748/>
10. Erol Karayel, Nası Bayram Bolat. Camagat’ın En Öndeki İsmi Anlatıyor -1- // Kafkas Evi [Электронный ресурс]. <http://www.kafkasevi.com/index.php/article/detail/95>
11. Erol Karayel, Nası Bayram Bolat. Camagat’ın En Öndeki İsmi Anlatıyor – 2 -// Kafkas Evi [Электронный ресурс]. <http://www.kafkasevi.com/index.php/article/detail/96>
12. Цветков О.М. «Черкесский вопрос»: этноидеологические вызовы гражданскому единству // Зимние Олимпийские игры 2014 в

Сочи в фокусе информационных атак. Сборник научных статей. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2011. С. 91.

13. Ханаху Р.А., Ляушева С.А., Цветков О.М., Мусхаджиев С.Х. Ислам у адыгов Северо-Западного Кавказа. Майкоп, 2001. 48 с. С. 15.

14. Хаджи Байрам Болат вторично депортирован в Турцию // Regnum. Информационное агентство. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/314522.html>.

15. Дегтярев А.К., Черноус В.В. Исламизм: социологический дискурс // Научная мысль Кавказа. 2010. № 2. С. 33–39.

16. Sezai Babakuş. Gelenek, din, demokrasi ve biz... // Kafkas Federasyonu [Электронный ресурс]. URL: http://www.kafkasfederasyonu.org/dokuman/kose_yazi_s_babakus10.htm

Попов Эдуард Анатольевич,
доктор философских наук,
политолог-украиновед,
Ростов-на-Дону

Северный Кавказ и конфликт в Донбассе: гуманитарный и военно-пропагандистский аспекты

Конфликт в бывшем украинском Донбассе⁷ имеет достаточно важный, но малоизученный аспект: участие добровольцев из республик Северного Кавказа и Южной Осетии в ополчении народных республик Донбасса в военном конфликте и деятельность государственных органов Северокавказского региона по оказанию гуманитарной помощи населению Донбасса. Мы намеренно включили в проблематику работы Южную Осетию, которая географически относится к Закавказью, а политически не входит в состав Российской Федерации. Сделано это по двум причинам: 1) в виду тесной кровнородственной и духовной связи народов Северной и Южной Осетии, искусственно разделенных в годы Советской власти (как и русский народ Донбасса оказался искусственно включен в состав Украинской ССР); 2) в виду важного значения добровольцев из Южной Осетии, а впоследствии — и органов государственной власти РЮО в судьбе Донбасского региона, ДНР и ЛНР. По этим причинам мы расширили географические и политические границы термина «Северный Кавказ» применительно к проблематике настоящей статьи.

Источниками к написанию статьи послужили данные открытой печати, заявления официальных лиц и организаций, источники

⁷ Донбасс как народно-хозяйственный регион окончательно сформировавшийся в десятилетия Советской власти включал в себя ряд областей Украинской ССР (большую часть Донецкой, часть Ворошиловградской (затем Луганской) и Днепропетровской) и часть Ростовской области РСФСР (Восточный Донбасс). В современной научной и экспертной литературе и в публицистике понятие Донбасс сужается до Донецкой и Луганской областей бывшей Украины или даже до одной Донецкой области. В данной работе мы обозначаем под Донбассом территорию бывших Донецкой и Луганской областей, ныне разделенных на Донецкую и Луганскую народные республики и Донецкую и Луганскую области Украины.

личного происхождения, сведения, полученные при опросе непосредственных участников конфликта.

При написании статьи мы решили отойти от строгой научности и академизма. Во многом это вызвано причинами личного характера. Автор статьи в 2014 — начале 2015 года занимал общественную должность представителя Донецкой народной республики в Ростове-на-Дону, занимаясь гуманитарной и информационно-аналитической работой, благодаря чему имел возможность наблюдать развитие конфликта изнутри и быть свидетелем добровольческого движения. Одним из ярких воспоминаний тех месяцев стало участие северокавказских добровольцев в войне на стороне народных республик Донбасса. Автор не претендует на полноту и исчерпывающую ясность картины участия добровольцев из Северного Кавказа в войне в Донбассе и надеется на дальнейшее развитие этой актуальной исследовательской темы.

Северокавказские добровольцы и причины их появления в Донбассе. Предыстория конфликта

Участие северокавказских добровольцев в конфликте на бывшей Украине на стороне народных республик Донбасса изначально вызвало недоумение со стороны украинского политикума и так называемых патриотов. Реакция украинцев⁸ находилась на грани

⁸ Здесь и далее термин украинцы имеет политико-окрашенную коннотацию и лишен этнического содержания. Аналогичным образом под русским населением Донбасса и всей бывшей Украины мы понимаем не носителей «официальной» русской этничности, то есть, людей, у которых в графе национальность написано «русский». Русский и украинец — категории, имеющие изначально культурно-историческую характеристику. Однако в последние 4 года они приобретают всё более выраженную политическую характеристику. В активе и даже в руководстве украинских националистических (нацистских) формирований имеется немало лиц с русским (великорусским) происхождением; напротив, в рядах ополчения / армий ДНР и ЛНР значительную часть составляют люди с малороссийским (украинским) происхождением. Республики Донбасса возглавляют люди малороссийского происхождения: А.В. Захарченко и Л.И. Пасечник. Тем не менее в серии передач на телевидении ДНР Александр Захарченко рассуждал о чести русского офицера, рассматривая себя как часть этого социокультурного феномена. Таким образом русские в Донбассе и на бывшей Украине — люди, относящие себя к Русскому культурному миру. Украинцы — носители специфического идейно-политического самосознания, лишь отчасти связанного с украинской (малороссийской или галицкой) этничностью. Феномен украинства мы понимаем в политических характеристиках.

недоумения и возмущения. Часть украинского сегмента сети Интернет недоумевала: что делают в украинском Донбассе чеченцы (осетины, буряты и т. д.)? Впрочем, та же реакция на начальной стадии конфликта относилась и к присутствию в Донбассе добровольцев-казаков. Автору настоящей статьи в полемике с украинскими читателями приходилось напоминать, что часть Донецкой области (включая часть г. Донецк) и значительная часть Луганской области (включая г. Луганск) до революции относилась к Области войска Донского и была «подарена» большевистским московским правительством Советской Украине вопреки мнению населения. Отношение украинцев к наследию Советской власти очень избирательно, что ясно демонстрирует приведенный выше эпизод: в целом оно заклеено позором, объявлено тоталитарным и являет собой форму многовековой оккупации «Московией» Украины. То обстоятельство, что Малороссия (тогдашняя Гетманщина и Запорожская Сечь) были спасены от уничтожения Московским (Русским) царством, что украинская государственность была сформирована в десятилетия Советской власти, что украинский язык был оформлен и кодифицирован в рамках советской академической науки по прямому политическому заказу Советской власти — в расчет не берется.

Буквально на наших глазах происходит рождение украинской политической нации. Процесс этот синтетический, а не органичный. В украинский национальный миф закладываются удобные факты, прошедшие нужную редакцию; неудобные, вроде выше перечисленных, отбрасываются.

Участие донских казаков в конфликте в Донбассе (прежде всего на территории будущей Луганской народной республики) было предопределено историческими причинами и тесными связями казачьих формирований Украины и России в 1990-е — 2000-е годы. Однако присутствие в Донбассе северокавказских добровольцев также связано с историческими причинами, правда, относящимися к новейшей истории России и Кавказа. Один из первых конфликтов на постсоветском пространстве — грузино-

абхазская война, в которой победа Абхазии была одержана благодаря помощи северокавказских добровольцев и казаков. Как известно в этой войне на стороне грузинской армии приняли участие добровольцы из украинской националистической организации УНСО (военизированного крыла партии УНА). В Абхазии был сформирован так называемый легион «Арго» под руководством Дмитрия Корчинского. Это был первый конфликт, в котором северокавказские добровольцы столкнулись на поле боя с украинскими националистами. Впоследствии украинские боевики из УНСО (включая печально знаменитого Сашка Билого) воевали против российской армии в Чечне, прежде всего, в ходе Первой чеченской войны 1994-1996 года. Согласно некоторым отрывочным воспоминаниям, были случаи, когда чеченские боевики узнавали вчерашних противников по абхазской войне и расстреливали украинцев перед строем; в свою очередь в воспоминаниях боевиков УНСО содержатся хвастливые утверждения о мести украинцев чеченским боевикам. УНА-УНСО создала довольно прочные контакты с северокавказским бандподпольем и использовалась военной разведкой Украины (ГУР МО) в целях подрыва российского влияния на Северном Кавказе. УНА-УНСО и в меньшей степени другие украинские националистические организации не были в полной мере независимыми образованиями. Они выступали инструментами украинской государственной политики, главным образом, военной разведки.

Обвинения в адрес России об агрессии и оккупации в Крыму и в Донбассе составляют основу украинской пропаганды, получившей 20 февраля 2018 года законодательную основу (так называемый закон о реинтеграции Донбасса, в котором Россия объявлена «страной-оккупантом»). Следует признать, что эти обвинения выходят за рамки официальной пропаганды и разделяются широкими слоями населения. При этом на Украине забывают об участии украинских националистических формирований (как было сказано выше — инструментов влияния разведсообщества Украины), многие из которых ныне являются народными

депутатами Украины, в конфликтах на территории России или против граждан России. Участие в первой и второй чеченских войнах — лишь первый эпизод украинской военной агрессии против России. В ещё большей степени она проявилась в ходе грузинского вторжения в Южную Осетию в августе 2008 года. Что, в свою очередь, определило участие добровольцев из Южной Осетии в войне на стороне народных республик Донбасса. Участие украинцев в агрессии и геноциде югоосетинского народа и расстреле российских миротворцев проявилось не только в ставших «привычными» акциях добровольцев из числа националистов. Украинская военная помощь милитаристской Грузии проявилась в участии украинских военных. Что должно быть расценено по нормам военного международного права как военная агрессия против России. Как отмечали военные эксперты по следам событий августа 2008 года украинцы повинны в достаточно высоких боевых потерях российских ВВС. «По российским самолетам скорее всего работали системы войскового ПВО «Бук» или «Оса». К сожалению, специалисты по этим системам живут не в странах НАТО, а в ближнем зарубежье, и самая хорошая школа по этим системам — в Украине». Это мнение высказал Юрий Неткачев, генерал-лейтенант, профессор, академик Российской академии безопасности, в 1993-2000 гг. - заместитель командующего Группы российских войск в Закавказье.

Это высказывание не единичное. Сообщение об украинских экипажах грузинских танков передал президент Республики Южная Осетия Эдуард Кокойты. Оппозиционные на тот момент фракции Верховной рады, Партия регионов и Компартия Украины, потребовали в официальном обращении к президенту В. Ющенко (куму Саакашвили) вернуть с территории Грузии всех украинских военнослужащих. Еще до начала военной агрессии стало известно, что группа украинского спецназа проводит учения в Грузии на базе центра горной подготовки, расположенного вблизи города Сачхере (информация пресс-службы Минобороны Украины). Они должны были ознакомиться «с опытом горно-пехотных подразделений

стран-партнеров НАТО и организацией взаимодействия во время осуществления операций в горных районах, овладеют соответствующими стандартами армий государств НАТО». Предполагалось, что украинский спецназ пробудет в Грузии до 24 августа.

Впоследствии было доказано, что украинский спецназ стал соучастником грузинской агрессии и, в частности, принял участие в боях с российскими миротворцами и войсками, вошедшими в Грузию для «принуждения к миру». В частности, признательные показания дал российский солдат, взятый в плен украинцами. О столкновениях с украинским спецназом говорили и российские и югоосетинские добровольцы. В том числе, и личные знакомые автора этих строк.

О действиях управляемых украинцами систем ПВО, сбивавших российские самолеты, тележурналистом российского телевидения Аркадием Мамонтовым был снят документальный фильм, в который вошли отрывочные интервью с украинскими офицерами — участниками тех событий. Доказательной базы, таким образом, было вполне достаточно для предъявления обвинений Украине в соучастии агрессии против Южной Осетии и российских миротворцев. Однако по неизвестным причинам этого сделано не было. Возможно, в Москве понадеялись на возможность улучшения двусторонних отношений при новом руководстве Украины. Как мы теперь понимаем, эти надежды оказались иллюзорны.

Участие Украины в агрессии против Республики Южная Осетия проявилась и в оказании военно-технической помощи режиму Саакашвили. По данным ООН, Украина в 2007 году была ключевым поставщиком военной техники и вооружений в Грузию. Больше всего украинские оружейники заработали на реализации модернизированных танков советского образца Т-72: на вооружение Грузии в 2007 году поступило 74 таких машин, переоборудованных под стандарты НАТО.

В свете приведенных фактов неудивительно, что добровольцы из Республики Северная Осетия-Алания и Южной Осетии составили одну из наиболее многочисленных групп (и одну из наиболее боеспособных) добровольческого движения в Донбассе.

Доброволец, приехавший из Южной Осетии, в интервью российскому изданию рассказал о том, что им двигает благодарность России за защиту от грузинского вторжения в его страну. «В 2008 они убивали нас, а русские нас спасли. Я приехал, чтобы отдать свой долг».

Другой многочисленной группой добровольцев с Северного Кавказа стали чеченцы. Причем следует разделить организованное, если можно так сказать, добровольческое движение в самой Чечне, костяк которого составили ветераны боевых действий на Северном Кавказе, и чеченских добровольцев из других регионов России. Вторая группа зачастую не имела боевого опыта, была хуже организована. По некоторым сведениям, часть чеченских добровольцев из Москвы, Петербурга и других городов и регионов России воевала в составе казачьих формирований. Однако несмотря на очевидное несходство мотивация у чеченских добровольцев была в целом сходной. Чеченцы в 1990-е годы пережили две кровопролитные войны и десятилетие жизни в условиях криминально-террористического квазигосударства. Поэтому они одними из первых откликнулись на призыв Донбасса о помощи. Участие Чечни не ограничилось отправкой добровольцев, но имело также важный гуманитарный аспект, о чем будет сказано ниже.

Существует ещё одна группа чеченских добровольцев, достаточно немногочисленная, которая, тем не менее, ярко проявила себя в войне в Донбассе. Речь идет о местных общинах чеченцев в городах Донецкой области. Эти люди идентифицировали себя с интересами Донбасса и его народа и стали составной частью ополчения будущей ДНР.

Однако было бы неверным основным и, тем более, единственным мотивом участия северокавказских добровольцев

считать мечь украинцам (украинским националистам). Имелись и более глубокие причины. Россия, в отличие от Украины, не обладавшей опытом государственного строительства и глубоким пониманием природы государственной власти, удалось избежать ошибок примитивного подхода к «мятежным окраинам», которые ныне демонстрирует Киев в отношении Крыма и Донбасса. Москва даже в годы Первой чеченской войны и межвоенного перемирия не только считала территорию Чечни частью России, но и выплачивало пенсии чеченским старикам. Не было демонизации чеченцев. Всё это, в итоге, сделало возможным переход части чеченских боевиков под знамена Российской армии, а впоследствии даже вчерашние боевики-сепаратисты своей храбростью на поле боя доказали свою искреннюю лояльность общей Родине. В случае с Киевом возможности такой метаморфозы не предвидится. Государственная пропаганда и общественные настроения в среде украинских патриотов исключают возможность примирения с Донбассом. Донбасс можно только завоевать, а его население уничтожить — такова логика мыслей и действий украинских властей и украинских патриотов. Отсутствие стратегического мышления в украинской традиции государственного строительства (если можно говорить о таковой) делает планы Украины неосуществимыми. Украинцы повторяют ошибку, допущенную хорватскими фашистами-усташами, которые в период короткого и бесславного существования Независимого Хорватского государства строили планы по тотальному уничтожению/ассимиляции/изгнанию сербского населения. И, наконец, возможно главная причина: обаяние русской культуры, Русского мира, позволяющее человеку любого этнического происхождения и вероисповедания чувствовать себя своим. В этом принципиальное отличие Русского мира от украинства, принцип которого был сформулирован идеологом украинского протофашизма Миколай Михновским: «Все люди – твои братья, но москали, ляхи, мадьяры, румыны и жида – это враги нашего народа, пока они господствуют над нами и обирают нас». В этом кратком манифесте ненависти и зависти украинской

неполноценности перечислены буквально все соседи Украины, кроме белорусов. Впрочем, Белоруссия сполна познала иррациональную жестокость украинства: Хатынь была сожжена именно украинскими коллаборантами из ОУН-м (мельниковцы). Не случайно Дом профсоюзов в Одессе называют одесской Хатынью...

Гуманитарная помощь населению Донбасса со стороны республик Северного Кавказа

Участие северокавказских добровольцев в донбасском конфликте, о котором речь пойдет ниже, - широко известный факт, хотя мотивы, цели и формы их участия на сегодняшний день в большей степени являются предметом политической полемики, а не научного изучения. Со временем добровольческое движение северокавказцев в Донбасс станет темой научных исследований.

Значительно менее известен вклад северокавказских республик в оказание гуманитарной помощи народу Донбасса. Причем помощь эта шла как по линии государственных органов, так и общественных и частных благотворительных акций.

Занимаясь работой по оказанию гуманитарной помощи (особенно напряженная работа – май – июль 2014 года) автор настоящей статьи имел непосредственное отношение или был свидетелем огромной по масштабам гуманитарной работы в пользу Донбасса. С самого начала конфликта было очевидно, что одной общественной инициативы недостаточно. Весь Донбасс становился ареной гражданской войны. Население Донбасса (Донецкой и Луганской областей) суммарно составляло около 6,5 миллионов человек. Однако общественная и частная благотворительная инициатива, тем не менее, сыграла важную роль, особенно на первом этапе развития конфликта. Государственные институты Российской Федерации ещё не были готовы к оказанию помощи в таких масштабах. Россия, пожалуй, со времен Великой Отечественной войны не сталкивалась с гуманитарной катастрофой такого масштаба. Война, развязанная Украиной на территории Донбасса; отказ украинских властей выполнять гуманитарные

обязательства перед населением Донбасса, исправно выплачивающим налоговые отчисления в украинский бюджет и Пенсионный фонд; перекрытие каналов доставки грузов (в том числе, продовольствия и медикаментов); блокировка банковской системы и арест банковских счетов для населения Донбасса – всё это превращало Донбасс в регион гуманитарной катастрофы. По выражению кандидата в президенты Украины Юлии Тимошенко на Донбасс была сброшена атомная бомба. Этой бомбой по разрушительным последствиям оказалась социально-экономическая и финансовая блокада региона украинскими властями. В настоящее время ведутся подсчеты жертв конфликта в Донбассе. Отдельную и, возможно, первую строку потерь составляют мирные жители Донбасса, умершие от нехватки медикаментов, недоедания и голода, особенно в зиму 2014-2015 года.

Украина и Запад, обвиняющие Россию в том, что она является стороной конфликта в Донбассе, в определенной мере правы. Россия – действительно участник конфликта в Донбассе. Но стала таковой поневоле, благодаря геноцидальной политике украинских властей. Украина создала на границах России очаг гуманитарной катастрофы. И вытолкнула на территорию России огромную массу населения, которое украинская пропаганда считает своим. Украина отказалась выполнять социальные обязательства перед собственными гражданами и эти обязательства была вынуждена принять на себя Россия. Всё это нужно принимать к сведению при изучении интересующей нас проблемы.

Северный Кавказ одним из первых протянул руку помощи населению Донбасса. Причем речь идет как о помощи со стороны государственных органов, так и общественных инициативных групп и бизнес-сообществе. Приведем в качестве примера лишь некоторые благотворительные акции, к которым имел прямое или косвенное отношение автор настоящей статьи. В июне 2014 года крупные партии продовольствия (мука, крупы, сахар, консервированные продукты и пр.) были направлены по линии МЧС Республики Ингушетия. Полученный груз был распределен

среди беженцев из Донбасса, оказавшиеся на территории Ростовской области.

В июне 2014 года с автором этих строк связались представители дирекции футбольного клуба «Анжи» (Республика Дагестан) и предложили принять в летнем лагере клуба группу детей из Донбасса на полный пансион на все летние месяцы. Предложение было передано в ДНР, однако из-за неразберихи в организации потока переселенцев и беженцев в контексте обострившейся ситуации на фронте им не смогли воспользоваться. Тем не менее в Донбассе сохранили теплое чувство к инициативе дагестанского футбольного клуба. Впоследствии Дагестан не раз протягивал руку помощи Донбассу. Так, по инициативе школ города Избербаш были собраны и отправлены в Донбасс две партии гуманитарной помощи. Сбор гуманитарного груза проходил среди школ Избербаша при организационном участии гороно и учителей городских школ.

Большую гуманитарную помощь Донбассу оказывала Чеченская республика и лично её глава Рамзан Кадыров. Эта помощь носила высоко организованный характер и имела значительные масштабы. Уже в весенние месяцы 2014 года глава ЧР Рамзан Кадыров дал поручение главе Грозного Зауру Хизриеву посетить Славянск и встретиться с руководством для заключения соглашения о городах-побратимах.

Гуманитарная помощь в Донбасс из Чечни стала поступать уже в первые месяцы конфликта. Доставки гуманитарных грузов отчасти происходили на наших глазах. Поступала, в первую очередь, продовольственная помощь и медикаменты. Но также правительство Чечни отправляло грузы по специальным заказам. В частности, были отправлены обогреватели для больниц и генераторы для выработки электроэнергии. В условиях постоянных обстрелов больниц и периодического отключения электроэнергии это оборудование было жизненно необходимо гуманитарной сфере ДНР и ЛНР. Так, 11 августа 2014 года Р. Кадыров сообщил на одной из своих официальных страниц в социальных сетях: «В Луганскую

народную республику доставлена очередная партия гуманитарной помощи. Региональный общественный фонд (РОФ) имени Героя России Ахмата-Хаджи Кадырова направил все, что необходимо для операционных отделений, оказания первой медицинской помощи, лечения граждан, получивших тяжелые осколочные и огнестрельные ранения». По словам Кадырова, были также переданы предметы первой необходимости для оказавшегося в зоне военных действий населения.

В числе других грузов, переданных в августе 2014 года для больниц ЛНР, – 65 генераторов мощностью 50-60 кВт, медикаменты, перевязочные материалы, инструментарий и многое другое.

Наиболее масштабная партия гуманитарной помощи была отправлена из Чеченской республики к 70-летию Великой Победы. К 9 мая 2015 года из Грозного в Донбасс прибыл большой гуманитарный конвой. Колонна грузовиков доставила жителям ДНР около 150 тонн гуманитарных грузов. Конвой был сформирован из продуктов питания, а также товаров первой необходимости. В частности, жителям пострадавших регионов доставили муку, сахар, рис, гречневую, манную, пшеничную крупы, тушенку. Глава ЧР Р. Кадыров отметил, что в первую очередь помощь получили ветераны Великой Отечественной войны. Финансировал закупку и транспортировку груза Региональный общественный фонд имени Героя России Ахмат-Хаджи Кадырова.

Помимо отправки гуманитарных грузов общего и специального назначения в Чеченской республике практиковали прием детей на лечение и отдых. В апреле 2015 года в Грозный из Луганска доставлены 22 ребенка, страдающие различными заболеваниями и получившие ранения в ходе боевых действий в Донбассе. В Чеченской республике они прошли курсы лечения и психологической реабилитации. Срок пребывания детей в Грозном индивидуальный и зависит от продолжительности курса лечения.

Существенную гуманитарную помощь народу Донбасса оказал народ и власти Республики Северная Осетия-Алания. Так, 21

декабря 2016 года из Владикавказа был отправлен 56-й груз гуманитарной помощи – 20 тонн продовольствия. В сборе груза самое активное участие приняли и депутаты парламента Ю. Габараев, К. Варзиев, З. Ватаев, А. Боциев, О. Бекузаров, С. Битаров, Н. Будайчиев, М. Дзедбисов, Т. Касаев, Г. Лакути, У. Сакаев, а также председатель колхоза им. Кирова О. Кочаров.

14 апреля 2015 года гуманитарный конвой в Донбасс был отправлен из Кабардино-Балкарской республики. Груз, состоящий из 20 тонн муки, 20 тонн мяса птицы, около 20 тонн картофеля, минеральной воды, консервов, медикаментов и стройматериалов, общим весом более 107 тонн сформирован по поручению главы Кабардино-Балкарии Юрия Кокова. Всего в путь в сторону Донецка отправилось 6 большегрузов из КБР.

В составе большой автоколонны, отправившейся в путь из Невинномысска в Донбасс 14 апреля 2015 года, были автомобили с грузом гуманитарной помощи от субъектов Северо-Кавказского федерального округа. По сообщению газеты «Комсомольская правда» Дагестан отправил в помощь Донбассу пять большегрузных автомобилей. Они везут 2 тысячи квадратных метров стекла, 20 газовых печей, 15 тонн цемента, 10 тонн капусты, 10 тонн картошки, 7 тонн риса, медикаменты и одежду. Все это собрано как простыми жителями Дагестана, так и представителями власти и бизнеса.

Северная Осетия отправляет на Донбасс 65 тонн гуманитарных грузов. Среди них строительные материалы – оконное стекло, древесина, цемент, сварочные аппараты, а также продукты питания. Помимо этого, для обеспечения электроэнергией жителей Донецка, отправлены 13 электрогенераторов. Груз был сформирован исходя из того, что, прежде всего, необходимо жителям Донецка для восстановления жилых домов и объектов социального значения. В североосетинской автоколонне 4 большегрузных фуры.

Все республики Северного Кавказа оказали помощь русскому населению Донбасса. Народ Донбасса не забудет эту помощь.

Помощь Донбассу оказывает Республика Южная Осетия-Алания. На рождественские праздники 2018 года президент РЮО-А Анатолий Бибилов в очередной раз побывал в Донецкой народной республике с рабочим визитом, обсудив с руководством республики вопросы двустороннего сотрудничества. В качестве новогоднего подарка глава Южной Осетии также привез бойцам ДНР комплекты военной экипировки и продукцию мясоперерабатывающего завода «Растдон».

Участие северокавказских добровольцев в ополчении народных республик Донбасса

Участие добровольцев из республик Северного Кавказа и Южной Осетии с самого начала привлекло к себе высокий, даже повышенный интерес. Интерес этот был проявлен обоими сторонами конфликта. Для «украинских патриотов» сам факт участия в войне на стороне народных республик Донбасса представителей горских народов Северного Кавказа служило подтверждением главного тезиса украинской государственной пропаганды о «российской оккупации украинского Донбасса». В ряде случаев государственная пропаганда (не говоря уже об идеологемах различных общественных групп) шла дальше и применяла к северокавказским добровольцам ярлыки в тональности этнического национализма. Далекое не самым оскорбительным ярлыком, применяемым к северокавказским бойцам ополчения ДНР и ЛНР, являлся термин-кличка «Орда». Впрочем, впоследствии он больше закрепился за добровольцами народных республик Донбасса из числа бурят.

В целом в украинской пропаганде сосуществовали, конкурировали и синтезировались две противоположные тенденции: антироссийская и этнонационалистическая. Первая в большей степени характерна для государственной пропаганды, вторая – для настроений и пропаганды общественных групп. В украинском национализме/нацизме по-прежнему не существует единства в отношении русских: считать их «неправильными» славянами или воспринимать их как жертву «путинской пропаганды». Отмеченная противоречивость характерна и в отношении северокавказских

этносов. В целом для украинского национализма/нацизма характерен высокий уровень ксенофобии. Уже на рубеже 2000-х – 2010-х годов в нем начал преобладать расистский подход, в рамках которого представители северокавказских этносов воспринимались как расово неполноценные. К примеру, в программе Социал-Национальной Ассамблеи и «Патриота Украины» (военное крыло организации), из которых в 2014 году вырос батальон, впоследствии полк «Азов» – самая боевая сила не только украинского, но и европейского неонацизма, утверждалось, что Российская Федерация не является государством русского народа. По мнению идеологов СНА и ПУ Российская Федерация – государство с господствующими еврейскими, северокавказскими и иными не славянскими элитами. Батальон/полк «Азов» являет собой нацистский интернационал: в нем много представителей европейских и русских нацистских организаций, но отсутствуют представители «неполноценных» северокавказских этносов.

Итак, первый тезис украинской государственной и общественной пропаганды – «европейская» Украина противостоит в Донбассе российской «орде». Последняя понималась двояко: Россия как наследница империи чингизидов Золотой орды (улуса Джучи) и Россия как страна, населенная «варварскими» «азиатскими» народами – горцами Северного Кавказа, бурятами и др. Впрочем, и сами русские зачастую попадали под эту категорию (в духе польско-шляхетской мифологии о финно-угорской природе русской этничности).

Вторым тезисом украинской пропаганды является утверждение о наемничестве представителей северокавказских народов, воюющих в рядах ополчения / армии народных республик Донбасса. Факт наемничества, по мнению украинских пропагандистов и простых обывателей, не требует доказательств. Выстраивается несложная морально-нравственная дихотомия: на стороне Украины (воюют добровольцы (в том числе нацисты, влившиеся в полк «Азов»), в рядах ополчения / армии республик Донбасса – исключительно наемники. Впрочем, этот тезис имеет не только морально-этическое значение. Украинской пропаганде важно показать, что вооруженное

сопротивление Донбасса имеет не местные корни. Отсюда распространенный тезис: так называемое ополчение Донбасса состоит исключительно из российских (в том числе, северокавказских) наемников. Которые служат исключительно из-за денег или по принуждению (репрессивных органов или Рамзана Кадырова). К сожалению, тезис о численном превалировании российских добровольцев в Донбассе над местными ополченцами достаточно распространен и в России. Позволим привести данные, полученные в ходе наших поездок в республики Донбасса в 2014-2017 годы. Добровольцы из России и других стран (Южной Осетии, Сербии, государств Европы и др.) действительно составляли очень заметный сегмент ополчения ДНР и ЛНР на первом этапе конфликта (весна – сентябрь 2014 года), завершившегося подписание первых Минских соглашений. Однако после подписания вторых Минских соглашений в феврале 2015 года начался массовый исход добровольцев из республик Донбасса. Война принимала затяжной позиционный характер и становилось не столь необходимым присутствие большого числа добровольцев, большинство которых имело боевой опыт.

Тезис о наемничестве северокавказских добровольцев был особенно распространен применительно к бойцам ополчения из Чеченской республики. Приведем выдержку из поста (сообщения) известного украинского пропагандиста, связанного с Министерством обороны Украины, Юрия Бутусова: «Первый кадыровский отряд прибыл в Украину 24 мая в составе 26 наемников, был включен в спецотряд ФСБ «Искра» под командованием полковника ФСБ Бориса Сысоева, позывной «Генерал», который направлялся в Славянск для организации нападения на украинские войска. Однако 26 мая перед отправкой в Славянск «Искру» направили на выполнение более легкого, как считали наемники, задания – на зачистку Донецкого аэропорта от подразделений 3-го полка спецназ и 25-й воздушно-десантной бригады. В бою в результате авиаудара украинского штурмовика и вертолетов по зданию нового терминала аэропорта из состава чеченской группы были уничтожены 28-летний Бетанедов Джамбулат Ламалиевич и 29-летний Дадаев Мурат Ламалиевич, а еще

шесть наемников были ранены. Остальная группа серьезного участия в бою не приняла – деморализованные обстрелом украинской армии кадывровцы немедленно покинули Донецк и вернулись в Чечню». В данном сообщении, как и всегда, в украинской пропаганде правда перемешана с ложью и присутствует путаница. Автор статьи был знаком с несколькими добровольцами, погибших в боях 26 мая 2014 года. Поэтому опровергающую ложь украинской пропаганды информация известна из первых рук. К правдивой части сообщения Бутусова относится сообщение о ранениях чеченских добровольцев. Что подтверждает присутствие добровольцев из Чечни в Донбассе уже в начальной стадии конфликта.

Глава Чеченской республики Рамзан Кадыров в интервью российскому телеканалу «Рен» следующим образом прокомментировал многочисленные сообщения украинской пропаганды о «чеченских наемниках»: «если бы он отправил военных в Украину, то о них бы узнали не в Донецке, а в Киеве». По его словам, к отправке на Украину готовы порядка 74 тысяч добровольцев из Чечни. Кадыров добавил, что бойцы ждут соответствующего приказа. В последующих событиях в Донбассе чеченцы действительно стали достаточно заметной боевой и пропагандистской силой. В частности, утверждалось о присутствии в Донбассе чеченского батальона «Смерть». Впервые информация о батальоне «Смерть» появилась в украинских СМИ и сводках повстанцев в конце ноября – начале декабря 2014 года, тогда же была названа и основная задача подразделения – «поимка» чеченцев, воюющих на стороне украинского правительства. Численность батальона, согласно источникам (украинские СМИ) – около 300 человек. Согласно утверждениям бойцов батальона, подразделение принимало участие в боях за Иловайск и за Донецкий аэропорт. Согласно информации, озвученной британским корреспондентом Оливером Кэрроллом, около 50 человек из состава батальона охраняют руководителя ДНР. Сообщение, на наш взгляд, не соответствует действительности. В октябре 2014 года нам дважды довелось беседовать с А.В. Захарченко, и мы ни разу не видели среди его телохранителей людей с

неславянской внешностью. Впрочем, возможно чеченские добровольцы действительно находились в личной охране Захарченко, но в другое время.

Украинская сторона последовательно пыталась создать из чеченских добровольцев в Донбассе пропагандистский жупел. Чеченцев обвиняли в низких боевых качествах (!), в грабежах и мародерстве. Случаи последнего, безусловно, были (как были и многочисленные случаи мародерства со стороны «местных» русских и особенно казачьих отрядов). Наши давние партнеры из ДНР лично участвовали в аресте и передаче российской стороне группы чеченцев, занимавшихся криминальной деятельностью. Однако вторая сторона этой медали – чеченцы, занимавшиеся преступной деятельностью в Донбассе, которые больше всего боялись понести юридическое и моральное наказание со стороны властей республики и родственников. Второй момент: эта противоправная деятельность отдельных чеченских представителей не может зачеркнуть высоких боевых качеств чеченских добровольцев в Донбассе. Знакомые нам бойцы ополчения / армии ДНР и ЛНР отмечали прекрасные результаты чеченцев, особенно в разведке и диверсионной деятельности.

Наряду с чеченцами вторым заметным контингентом горцев Северного Кавказа были осетины (включая Северную и Южную Осетию). Автор статьи чаще всего общался именно с осетинскими добровольцами. Одним из самых известных подразделений добровольцев стала «Пятнашка» – так называемая 15-я интернациональная бригада. Свое название она получила по числу 15-ти добровольцев, среди которых были в основном абхазы, а также двое этнических армян из Абхазии. Командиром «Пятнашки» изначально был Ахра Авидзба, затем его сменил осетин из Северной Осетии Олег Мамиев. Другое «осетинское» подразделение – батальон «Юг» в структуре бригады «Восток». Как явствует из названия костяк батальона составили добровольцы из Южной Осетии.

Применительно к бойцам из Республики Южная Осетия-Алания, как и к добровольцам из Чечни, украинская пропаганда

применяет термин «наемники». Другой вариант, применяемый украинской пропагандой в отношении осетинских добровольцев – штатные военнослужащие частей армейского спецназа или сотрудники спецслужб. Из нескольких лично мне знакомых добровольцев-осетин не один не является штатным военнослужащим и не один не получает за свое участие в боевых действиях деньги. Напротив, сторонникам народных республик Донбасса в России приходилось находить деньги и материальную помощь для поддержки добровольческих формирований. В буквальном смысле слова бойцам в тыл и на передовую доставлялись продукты и обмундирование: денег на приобретение того и другого у них не было. Автор статьи был свидетелем того, как группа добровольцев из Южной Осетии покупала на свои деньги снаряжение (берцы, разгрузки и пр.) в одном из специализированных магазинов Ростова-на-Дону. Поэтому заявления украинской пропаганды о наемничестве (в том числе, применительно к северокавказским добровольцам) является откровенной ложью.

Участие в боях в Донбассе принимали также представители других народов Северного Кавказа. Однако, насколько нам известно, они не составили такой заметной военной и идейно-пропагандистской силы как контингенты чеченских и осетинских добровольцев.

Таким образом помощь Северного Кавказа русскому населению Донбасса оказалась очень существенной и проявилась в двух основных формах: гуманитарной поддержке народа Донбасса и участием в боевых действиях на стороне народных республик Донбасса.

Уверен, память о помощи народов Северного Кавказа навеки останется в сердце народа Донбасса. Присоединяюсь к пожеланию, высказанному добровольцу из России: надеюсь в Донецке когда-нибудь будет поставлен памятник кавказским (осетинским, чеченским, абхазским) добровольцам этой войны.

Салакая Сослан Шотаевич,
кандидат исторических наук,
с.н.с. АБИГИ имени Д.И. Гулия
доцент АГУ,
Сухум, Абхазия

Роль русских исследователей в становлении исторической науки в Абхазии

Абхазская историческая наука складывается и формируется после победы Советской власти. За эти годы наблюдается возрастание интереса к истории Абхазии.

Изучение истории Абхазии стало насущной необходимостью. Руководство молодой республики призвало научную общественность к изучению и написанию научных работ и учебников по истории Абхазии. Однако выполнение этих задач наталкивалось на серьёзные трудности, поскольку в Абхазии не было профессиональных кадров.

Выдающуюся роль в создании исторической науки в Абхазии сыграли К. Д. Кудрявцев, А.В. Фадеев и А. А. Олонецкий. Одной из первых попыток подготовить относительно связный материал по истории Абхазии был предпринят К. Кудрявцевым [1]. Она в изданной в Сухуме в 1922 г. книге (по другим данным в 1923 г., хотя на титульном листе дана дата 1926 г.). В кратком вступлении автор указывает на значительные недостатки работы, среди которых сам же отмечает, что им были утеряны около половины издаваемых материалов и список использованной печатной литературы.

Среди других серьёзных недостатков книги К. Кудрявцева уже в 1930 г. отмечалась сама периодизация истории Абхазии, которой придерживается автор. Он делит историю Абхазии на периоды: «эллинского влияния», «римского влияния», «византийского господства», «турецкого влияния и господства» и так далее, вплоть до «русского влияния», которым и заканчивается книга, что, по

мнению историков того периода, является явным отклонением от марксистской методологии истории [2].

И впоследствии исследователи указывали на то, что К. Д. Кудрявцев придавал чрезмерное значение влиянию внешних сил на развитие Абхазии [3]. В то же время нужно отметить, что в работе достаточно много интересных фактических данных по истории Абхазии вообще и, в частности, а может быть и главным образом, по истории Абхазии XIX века.

Ввиду отсутствия практически всякой литературы по истории Абхазии первое время после выхода книга К. Кудрявцева использовалась в школах, на лекциях и так далее, как пособие по истории Абхазии. Однако после серьёзной критики в идеологическом несоответствии марксизму была надолго забыта и превратилась в библиографическую редкость. В 2009 г. она была переиздана в Сухуме небольшим тиражом.

Абхазии на рубеже 30-х годов формируется марксистская школа историков. При этом первые работы марксистов Абхазии были написаны в соответствии с господствовавшими тогда концепциями, представлявшими царскую Россию тюрьмой народов, а присоединение к ней для горских народов злом.

Одним из первых историков-марксистов Абхазии был Анатолий Всеволодович Фадеев, который активно начал печататься с начала 30-х годов. К числу первых опубликованных им работ относится небольшая книжка «К вопросу о феодализме в Абхазии» [4], которая считается первой марксистской работой по истории Абхазии. Несмотря на определённую идеологизированность, работа содержит целый ряд интересных моментов. Стремясь доказать, что история Абхазии прошла все этапы социально-экономического развития, А. В. Фадеев выступает с критикой тех, кто считал, что в Абхазии не существовало резких социальных противоречий и что для Абхазии не характерны феодальные отношения и занесены они сюда лишь с утверждением русского царизма.

При этом сам автор отмечает, что в Абхазии сильны пережитки родоплеменных отношений. Говоря об особенностях

феодализма в Абхазии, он указывает на целый ряд его особенностей. Это слабость развития производительных сил, аграрные пережитки родового строя и т. д. При этом автор указывает на то, что в Абхазии возникает феодальная собственность, однако эксплуатация крестьян не приобрела в Абхазии крайних форм. За крестьянами сохранялось право собственности на землю и движимое имущество. Каждый земледелец приобретал землю путём расчистки леса. Автор указывает на то, что абхазские феодалы получали основные свои богатства путём внеэкономического принуждения. А. В. Фадеев указывает на то, что в феодальной Абхазии не существовало крепостного права в его чистой форме в связи с тем, что, во-первых, это было экономически не выгодно в силу обширности свободных земельных пространств и слабости сельскохозяйственной техники, во-вторых, в систему абхазского феодализма крепко вжились элементы родового строя, тормозившие тенденции феодалов к закреплению крестьян. Именно поэтому в феодальной Абхазии (до русского периода) встречаются не крепостные, но и не свободные, лично зависимые крестьяне. Личная зависимость крестьян была не одинакова, одни отдавали прибавочный продукт в натуральной форме трудовой повинности (ахую), другие (анхаю) – в виде натуральных приношений и личных служб.

В 1932 г. вышла следующая работа А. В. Фадеева «Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии», которая, как отмечает сам автор, является продолжением его предыдущей брошюры – «К вопросу о феодализме в Абхазии». В духе господствовавшей в то время в советской исторической науке концепции, Фадеев характеризует русский царизм как военно-феодальный империализм. Главными целевыми установками данной работы автор считает: показать классовый характер крестьянской реформы 1870 г. в Абхазии, выяснить исторические силы, которые привели к крушению абхазского феодализма; показать социальную сущность превращения Абхазии в колонию русского капитализма. Выполнение этой задачи А. В. Фадеев начал с показа всей жестокой

сущности царского колониального гнёта в Абхазии с момента её присоединения. Он также указывает на то, что при этом царизм находил для себя союзников в среде абхазской феодальной знати и в первую очередь в лице владетельного князя.

Особое внимание в работе уделяется экономической колонизации Абхазии. В частности, именно с этой задачей А.В. Фадеев связывает массовое махаджирство, так как свободолюбивое население мешало русскому капиталу необходимой очисткой почвы для развития капитализма. При этом указывается на совпадение интересов царизма и молодой торгово-промышленной буржуазии России в изгнании абхазского населения. Для царизма махаджирство означало полное политическое покорение края. Для буржуазии махаджирство давало возможность экономической колонизации Абхазии. Отмечается, что в последней трети XIX века в Абхазию были переселены греки и армяне из Анатолии, а затем – русские, эстонцы, украинцы и представители других народов. При этом автор в числе переселенцев не указывает картвелов (грузин, мегрелов и сванов), что, наверно, было сделано умышленно, так как незадолго до этого Абхазия была включена в состав Грузии и уже начиналась кампания, объявившая Абхазию исторической частью Грузии. В этих условиях говорить о грузинских переселенцах становилось уже небезопасно.

В 1934 г. вышла новая работа А. В. Фадеева «Краткий очерк истории Абхазии» [5]. В предисловии к данной работе была сделана одна из первых попыток провести историографический анализ ряда книг, посвящённых истории Абхазии, написанных как до революции, так и в годы Советской власти. В частности, говорилось о работах Н. Дубровина, Услара, Дьячкова-Тарасова, а также С. Басария, С. Ашхацава, Д. Гулиа, Н. Кудрявцева, которые вновь были подвергнуты серьёзной критике. Издание это является одной из первых попыток систематического изложения истории Абхазии с древнейших времён до второй половины XIX века [6].

Что же касается самой истории XIX века, то «Краткий очерк...» написан вполне в духе господствовавших в то время

теорий. Уже название главы, посвящённой этому периоду, говорит само за себя – «Захват Абхазии русским царизмом».

Весьма высокую оценку автор даёт деятельности Келешбея. Интересный вывод делает А. В. Фадеев о периоде, наступившем после убийства Келешбея. «Междоусобица детей Келеш-бея: Сафар-бея и Аслан-бея вызывает в стране политический кризис, заканчивающийся захватом Абхазии русским царизмом» [7]. Также в духе господствовавшей тогда непримиримости к феодальному и капиталистическому строю и негативной роли церкви оцениваются просительные пункты Сафарбея (Георгий) к Императору Александру I. «В этом письме ясно выступает физиономия феодального хищника и эксплуататора, боявшегося лишиться львиной доли в эксплуатации абхазского крестьянства благодаря поражению своему в борьбе с другими феодалами. Характерным является также и упоминание о протоиерее Иоселиани – предательская роль церкви в захвате Абхазии русским царизмом выявляется со всей очевидностью.

... Феодалы и попы открыли в Абхазию двери русскому «военно-феодальному империализму» [8]. Автор подчёркивает, что в результате колониальной политики русского царизма в первой половине XIX в. наблюдается общее падение (деградация) народного хозяйства.

Местных феодалов Фадеев считал пособниками царского самодержавия, которые продавали национальную независимость своей страны ради классовой солидарности с русским «военно-феодальным империализмом». Исходя из такого видения исторического процесса, Фадеев считал, что национальная борьба Абхазии против царизма очень скоро стала классовой борьбой трудящихся масс крестьянства против владельца и крупных феодалов, продавшихся русскому царю [9].

Остановливаясь на народных восстаниях 20 – 40-х гг. и на карательных экспедициях царских войск, А. В. Фадеев ещё раз подчёркивает их классовый характер. Также отдельную главу он посвящает крестьянской реформе 1870 года. При этом автор

показывает тесную связь нарождавшейся буржуазии с царским самодержавием, всё более усиливающуюся эксплуатацию населения и природных богатств Абхазии. Махаджирство автор увязывает не только с желанием царизма и военно-феодалных кругов окончательно закрепить за собой данные территории, но и стремлением буржуазных кругов очистить Кавказ от непокорных элементов окончательно и сделать его своей колонией.

Как и в предыдущей работе, «Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии», Фадеев подчёркивает, что последствием махаджирства стала колонизация Абхазии пришлым инородным элементом, но вновь, вероятно, по тем же причинам в число переселенцев – греков, армян, русских и других, не были включены грузины.

В первое время после выхода «Краткий очерк истории Абхазии» использовался довольно широко, но затем сначала в связи с резкой критикой автора, а затем и начавшимися искажениями истории Абхазии, книга практически вышла из обращения.

Позднее, после начавшейся десталинизации, книга вернулась было к жизни, но из-за ряда фактических и надуманных недостатков, вновь стала редко использоваться.

В 30-е годы вышло ещё несколько работ Фадеева по различным вопросам истории Абхазии, главным образом XIX века. Среди них можно отметить статьи: «Крестьянское восстание 1866 года», вошедшая во второй том трудов АБНИИКа и «Крестьянская реформа в Абхазии», опубликованная в «Известиях АН СССР». Однако наиболее значительной его работой этого периода является большая статья – «Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе» [10].

Эта работа является едва ли не первой и единственной в советской историографии, посвященной убыхам, бесследно исчезнувшем в горниле Кавказской войны народу. Написанная в конце 30-х годов монография Л. И. Лаврова вышла в свет лишь совсем недавно, так же, как и статья, написанная Г. А. Дзидзария во второй половине 40-х годов [11]

В работе А. Фадеева содержится немало материала по этнографии убыхов. Однако особое внимание уделяется борьбе убыхов против русской экспансии на Кавказе и важной роли, которую играл этот немногочисленный народ в общей борьбе Западного Кавказа за независимость. Особо подробно описывается завершающий этап русско-кавказской войны, когда именно убыхи предприняли попытку объединения горцев Западного Кавказа для сохранения своей независимости. Работа ценна ещё и тем, что в ней впервые было введено в научный оборот много неопубликованных ранее документов. При этом, как пишет сам А. В. Фадеев, это была лишь часть выявленных архивных материалов по истории Абхазии, которые должны были быть опубликованы в специальных сборниках. Однако это намерение не было осуществлено, и судьба этих материалов остаётся неясной.

В 1937 году в Сухуме была издана работа швейцарского путешественника Фредерика Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа» [12], имеющая большое научное значение. Научную подготовку этой работы осуществил А. В. Фадеев. Однако начавшиеся в это время массовые репрессии и гонения коснулись и абхазской науки. Целый ряд научных деятелей Абхазии были репрессированы, в том числе А. Хашба, В. Кукба, С. Чанба, С. Ашхацава, С. Басария и другие. А. В. Фадеев стал подвергаться критике и преследованиям как «лакобовский приспешник» и вынужден был покинуть Абхазию. Впоследствии он работал в Одесском и Московском госуниверситетах. Несмотря на это, Абхазия продолжала оставаться в сфере его научных интересов. Немалое место уделяется ей в его капитальных работах, написанных уже в 1950-е годы в Москве и посвящённых сложным и актуальным проблемам русско-кавказских взаимоотношений в XIX веке [13].

В первой половине 30-х годов начинается активная научная деятельность А. А. Олонецкого. Основные его работы посвящены главным образом истории народного хозяйства Абхазии второй половины XIX – начала XX веков. Среди них главное место

занимает небольшая по объёму, но весьма ценная книга «Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии» [14]. В книге рассматриваются проблемы создания абхазского колониального рынка и образования в Абхазии сырьевой базы российской промышленности, развитие капитализма в сельском хозяйстве и другие аспекты экономической истории Абхазии XIX – начала XX веков. Автор указывал на то, что Абхазия страдала не только от национального, но и от экономического гнёта со стороны самодержавия.

Экономическое развитие Абхазии протекало крайне медленно, и сама Россия была не самой передовой страной, что же касается национальных окраин, особенно Кавказа и Средней Азии, то их экономическое развитие шло крайне медленно. Их интересовала российская буржуазия лишь как рынок сбыта товара и источник сырья. А. А. Олонецкий приводит много статистических данных и документов, подтверждающих грабительскую эксплуатацию природных ресурсов Абхазии. Автор также указывает на то, что развитие капитализма, помимо объективных причин, тормозилось и целым рядом субъективных факторов (нежелание развития промышленного производства в Абхазии со стороны правительства, отсутствие путей сообщения, недостаточный рынок свободных рук и т.д.).

Большое внимание уделяется А. А. Олонецким сельскому хозяйству. Опираясь на документы, он указывал на то, что сельское хозяйство Абхазии не выдерживало конкуренции, и потому продукты практически не экспортировались. Исключение составляло лишь табаководство и в определённый момент – кукуруза, некоторое время вывозившаяся за пределы Абхазии в больших объёмах. Самое пристальное внимание автор уделяет табаководству. Он справедливо отмечает, что это было главной статьёй вывоза из Абхазии. Указывает на рост числа плантаций и количества табака, производимого и вывозимого из Абхазии. При этом справедливо подчёркивается, что Абхазия являлась лишь

сырьевой базой: развития табачной промышленности в самой Абхазии не было.

Тогда же в трудах АбНИИКа вышли ещё две статьи Олонецкого, посвящённые экономической ситуации в Абхазии в XIX и начале XX веков [15].

В работе, посвящённой экономической политике меньшевиков, указывалось, что в период меньшевистского господства экономика в Абхазии пришла в полный упадок. Практически вся экономическая деятельность меньшевиков в Абхазии сводилась лишь к грабежу населения и вывозу табака. При этом указывается на то, что в годы меньшевистской оккупации сократилось количество табачных плантаций и произведённого продукта, что, в конце концов, едва не привело к гибели табаководства в Абхазии. В статье также отмечалось, что меньшевики так и не осуществили серьёзных аграрных преобразований, сохранив частичную собственность на землю.

Среди других, наиболее заметных работ А. А. Олонецкого в предвоенный период, можно назвать статью «Православная церковь как орудие колониальной политики царизма в Абхазии» [16]. В работе приводится немало архивных документов о деятельности церкви в конце XIX – начале XX века, публикуются документы о просветительской деятельности церкви, в частности, создания церковно-приходских школ и т. д. Автор основной упор делает вполне в духе господствовавшего тогда воинствующего атеизма на негативную роль церкви в экономической, политической и социальной жизни Абхазии.

Уже в послевоенные годы А. А. Олонецкий написал ряд статей по историографии, социально-экономической истории Абхазии и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев К. Материалы по истории Абхазии. – Сухум, 1926 (2).
2. Агрба З., Хашба А. Указ. соч. – С. 17, 18.
3. Бгажба О. Х. Изучение истории Абхазии в XX веке // Кавказ: история, культура, традиции, языки. – Сухум, 2004. – С. 15.
4. Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии (По материалам научной экспедиции 1930 года). – Сухум, 1931.
5. Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии (С древнейших времён до крестьянской реформы 1870 года). Ч. I. – Сухум, 1934.
6. Агрба З., Хашба А. Указ. соч. – С. 21.
7. Фадеев А. В. Краткий очерк... – С. 145.
8. Там же. – С. 148, 149.
9. Там же. Краткий очерк... – С. 154, 155.
10. Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе// Исторический сборник. М.-Л. 1935. Вып. 4
11. Лавров Л.И. Убыхи. СПб. 2009, Дзидзария Г. А. Абхазо-убыхский союз в освободительной войне на Западном Кавказе в первой половине XIX века // Труды. Т. II. Сухум, 2015
12. Монпере Ф. Д. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. – Сухуми, 1939.
13. Фадеев А. В. Кавказ в системе международных отношений 20–50-х годов XIX века. – М.: 1956.; Россия и Кавказ первой трети XIX века. – М.: 1957; Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. – М.: 1959.
14. Олонецкий А. А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии (конец XIX – начало XX века). – Сухум, 1934.
15. Олонецкий А. А. Колонизация Абхазии во второй половине XIX столетия. Труды АбНИИКа. Вып. II. – Сухум, 1934; Экономическая политика меньшевиков. Вып. I. – Сухум, 1934.
16. Олонецкий А. А. Православная церковь как орудие колониальной политики царизма в Абхазии. // Материалы по истории Абхазии. Сб. 1. – Сухуми, 1939.

Трапи Николай Алексеевич,
кандидат исторических наук, доцент,
Директор Государственного архива
Ростовской области
доцент кафедры
специальных исторических дисциплин
и документоведения ИИМО ЮФУ
Ростов-на-Дону

**Синхронное развитие государственных институтов
в Абхазии и северокавказских субъектах РФ (2004 – 2008):
опыт компаративистского анализа**

Системный генезис и последующее функционирование властных структур на Кавказе являются традиционными объектами исследовательской деятельности российского научного сообщества, стремящегося понять имманентные особенности социально-политической истории рассматриваемого региона. Особую актуальность соответствующие аналитические размышления приобретают применительно к постсоветскому периоду, в рамках которого региональные управленческие институты существенно изменили внешний облик и реальный характер собственной деятельности.

В методологическом и практическом измерениях серьезный интерес представляет сравнительное изучение властных структур, развивавшихся в различных социокультурных и политических условиях. В контексте указанного обстоятельства адекватными объектами соответствующего компаративистского анализа могут стать северокавказские субъекты РФ, которые приобрели в рассматриваемый период масштабные политические преференции от федерального центра, но оставшиеся дотационными районами в экономическом измерении и конфликтогенными зонами в социальном ракурсе, и Абхазия, выжившая в тяжелейший период

внешних санкций и получившая выстраданное признание в результате так называемой «пятидневной войны».

Принципиальный выбор хронологических границ предлагаемого исследования определяется несколькими существенными обстоятельствами, имеющими объективный характер. Применительно к российским регионам избранный период связан с первыми годами новой реальности, связанной с полной отменой прежней выборности высших руководителей субъектов федерации и осуществленной в значительной степени под непосредственным воздействием трагических событий в Беслане. Абхазия в конце 2004 года столкнулась с масштабным социальным противостоянием на президентских выборах, связанным с напряженным переходом от длительной эпохи безальтернативного правления харизматического лидера в лице В.Г. Ардзинба к качественно измененной системе властных отношений, разрушившей привычную модель социального взаимодействия. Кроме того, в рассматриваемый период санкционная модель внешнего взаимодействия с РФ фактически прекратила реальное существование, сменившись латентным режимом наибольшего благоприятствования в трансграничной торговле.

Главной проблемой, относящейся к сопоставляемым объектам предлагаемого исследования, является качественное несоответствие управленческой практики государственных институтов реальным социально-экономическим и политическим процессам. Правящая элита северокавказских республик и Абхазии в большинстве случаев предпочитает руководить посредством целенаправленного перераспределения разнообразных ресурсов, получаемых от федерального центра. Подобная модель была весьма эффективна для советского периода с плановой экономикой и централизованным обменом материальных благ, стабильно поступавшим в полное распоряжение региональной элиты. Однако верхушечное перераспределение федеральных трансфертов и дотаций в современных условиях не способствует качественному разрешению общественных конфликтов, а напротив, вызывает

открытое и латентное нарастание протестных настроений в широких социальных слоях. Объективным результатом соответствующей управленческой практики становится последовательная утрата народного доверия к региональным властным структурам, утрачивающим принципиальную возможность эффективного регулирования политических процессов и адекватного взаимодействия с различными стратами местных социумов. Единственным исключением из данного правила является Чеченская республика, но и «силовой» менеджмент Р. Кадырова не всегда может эффективно решать накапливающиеся социально-экономические и политические проблемы. Вместе с тем, необходимо согласиться с аргументированной оценкой, предложенной в коллективной монографии «Россия двухтысячных: стереоскопический взгляд», согласно которой «Целевые федеральные трансферты позволили действующим чеченским властям развернуть масштабное жилищное строительство, начать постепенное восстановление промышленных объектов, организовать новые рабочие места и поддержать социально незащищенные слои местного заселения. Следует признать, что высокий политический рейтинг Р. Кадырова поддерживается не только известными стараниями заинтересованных социологов или жестким административным давлением на потенциально оппозиционных деятелей, но и благодаря позитивным изменениям в реальной жизни местных жителей, ассоциирующим благоприятные перемены с конкретными действиями собственного лидера, поддерживаемого федеральными властями. В целом, необходимо заметить, что в рассматриваемый период Чечня оказалась наиболее динамично развивающимся регионом Северного Кавказа, достигшим серьезных успехов как в последовательной борьбе с этническим сепаратизмом и религиозным экстремизмом, так и в хозяйственном развитии» [1].

Другим значимым фактором следует признать тотальное воспроизводство управленческих практик, связанных с неизменным выстраиванием властной вертикали на основе родственных и

этнических связей и последовательной концентрацией основополагающих полномочий в руках республиканского лидера. В частности, абхазский парламент, контролируемый пропрезидентской партией «Единая Абхазия», неизменно поддерживал экономические, социально-политические, культурные и юридические инициативы действующего президента С. Багапш. В северокавказских органах представительной власти доминирует «Единая Россия», региональные отделения которой, как правило, напрямую возглавляются местными лидерами, отбирающими квалифицированное парламентское большинство из многочисленных лояльных сторонников. Фантастические победные результаты правящей партии естественным образом детерминируют дальнейшее усиление федеральной поддержки для местных элит, которая успешно консервирует сложившуюся управленческую систему. Подобный подход изолирует государственные институты от общественного большинства, которое рассматривает властные структуры как своеобразную вотчину правящего клана, характеризуемого в массовом сознании как тотально коррумпированное сообщество, не способное решать актуальные проблемы собственных граждан. Негативные последствия «блестящей изоляции» региональных властей отчетливо иллюстрируются известными событиями 2005 года в Кабардино-Балкарии, в которой правящая элита фактически утратила реальный контроль над социально-политическими процессами и не смогла защитить местных жителей от террористической угрозы. «Вооруженные группы мусульманских радикалов атаковали административные здания в столице Кабардино-Балкарии и организовали упорную оборону некоторых захваченных объектов, которые были освобождены после многочасового штурма со стороны специальных подразделения МВД, ФСБ и МО РФ. Проведенные следственные действия показали, что радикальные исламисты рассчитывали на масштабную поддержку местных жителей, реальное отсутствие которой предопределило итоговое поражение террористического подполья. Указанные события

существенно затормозили системные перемены в социально-экономическом и политическом развитии Кабардино-Балкарии, которые в общественном сознании связывались с новым президентом А. Каноковым. Беспокойная республика оказалась под жестким контролем федерального центра, главной задачей которого стало не системное реформирование коррумпированных властных структур, а последовательное обеспечение лояльности этнократических элит» [2]. Следует также заметить, что искусственная дифференциация властных структур и общественных институтов создает благоприятные условия для стремительного распространения радикального ислама, являющегося идеологической средой для международного терроризма.

Существенным обстоятельством является и недостаточно интенсивная ротация управленческих кадров, которая детерминируется двумя значимыми факторами. С одной стороны, кавказский менталитет традиционно предполагает скептическое отношение к молодым руководителям, не обладающим достаточным жизненным опытом и безусловным общественным авторитетом. В рассматриваемый период управленческая ротация осуществлялась исключительно посредством волевых административных решений федерального центра, но даже мощная поддержка центральной власти не гарантировала спокойной созидательной деятельности для молодых управленцев. Характерным примером подобной ситуации являлся Дагестан, где президент Магомедислам Магомедов столкнулся с мощным сопротивлением многочисленных сторонников предшествовавшего республиканского руководителя М. Алиева, сохранившими значимые позиции в различных властных структурах. Вместе с тем, дагестанский случай косвенно подтверждает исходное положение о клановом характере региональных государственных институтов, так как указанный дагестанский лидер является сыном одного из авторитетнейших местных политиков Магомедали Магомедова, возглавлявшего рассматриваемую республику в 90-е годы XX столетия. Особым случаем следует признать чеченскую ситуацию,

так как Р. Кадыров обладает практически неограниченными властными полномочиями. Однако он контролирует местные государственные институты не только благодаря клановым связям, личным деловым качествам или высокому отцовскому авторитету, но, прежде всего, за счет финансовой, политической и силовой поддержки федерального центра, исходящей непосредственно от высших руководителей РФ.

С другой стороны, существенные проблемы имеются в существующей системе профессиональной подготовки управленческих кадров, неразрывно связанной с высшим образованием. Престижные специальности в региональных вузах и соответствующие лимитные бюджетные места в ведущих российских университетах традиционно замещаются «элитными» абитуриентами, представляющими семейные управленческие кланы или материально состоятельную часть местного общества. Подобные результаты имеют в качестве естественного фундамента невероятную коррумпированность образовательных органов среднего звена, отчетливым выражением которой необходимо признать нереально высокие результаты Единого государственного экзамена, ежегодно предоставляемые северокавказскими школьниками. Следует отметить также и то существенное обстоятельство, что подготовленные «специалисты» беспрепятственно попадают затем на государственную службу, искусно минуя нормативно закрепленные процедуры конкурсного отбора. Подобное «обновление» не решает региональные управленческие проблемы, которые приобретают дополнительную сложность из-за низкого профессионализма новых работников. В данном ракурсе абхазская ситуация незначительно отличается от северокавказских реалий, поскольку ежегодно востребованными оказываются только престижные образовательные специальности, предлагаемые по российским лимитам, а профессиональная подготовка в местных вузах не отличается высоким качеством вследствие длительной интеллектуальной блокады и низкого уровня материально технической оснащенности учебного процесса.

Главным отличием государственных институтов Абхазии от аналогичных структур северокавказских субъектов РФ является сохраняющееся значимое влияние консолидированного общественного мнения на процесс принятия важнейших политических решений, осуществляемый высшими должностными лицами и управленческими органами. Любые протестные акции на Северном Кавказе, своевременно не замеченные и не поддержанные федеральным центром, обречены на неизбежную неудачу. Резонансные конфликты, как правило, разрешаются исключительно с помощью московских посредников, не всегда принимающих адекватные социально политические решения. Ярким примером, отчетливо иллюстрирующим описываемую ситуацию, следует признать громкий скандал в Карачаево-Черкесии осенью 2004 года. Протестные настроения, сформировавшиеся в предшествующий период, проявились в полной мере в связи с жестоким убийством семерых местных предпринимателей, осуществленным в дачном доме президентского зятя А. Каитова. Возмущенные местные жители, возглавляемые ближайшими родственниками погибших бизнесменов, захватили Дом правительства и потребовали от федеральных властей немедленной отставки действующего президента М. Батдыева. Начавшиеся беспорядки прекратились только после личного вмешательства полномочного представителя российского президента в Южном федеральном округе Д. Козака, который пообещал провести справедливое расследование, окончательные результаты которого были обнародованы в конце 2007 года и не удовлетворили противоборствующие стороны. В абхазских же условиях консолидированное общественное давление на властные структуры почти неизменно приносит ожидаемый результат, хотя высшее руководство недавно признанной республики стремится избегать острого социально-политического диалога как в парламентских дебатах, так в повседневной деятельности. В качестве яркого примера подобных успехов местного сообщества можно указать на синхронное блокирование серьезных изменений в республиканское законодательство,

предполагавших упрощенное приобретение абхазского гражданства грузинскими жителями Гальского района. Оно было организовано широким спектром общественных сил, а главной опорой для социальных союзников выступили ветеранские организации, обладающие не только высоким моральным авторитетом, но и недюжинным боевым потенциалом.

Рассмотренные масштабные проблемы определяют специфические перспективы дальнейшего развития государственных институтов в северокавказских субъектах РФ и в Абхазии, которые остро нуждаются в системном реформировании традиционной управленческой деятельности. Как представляется, властные структуры должны отказаться от семейно-кланового перераспределения материальных ресурсов и престижных рабочих мест, наладить эффективный диалог с региональным обществом, предполагающий последовательное создание эффективной системы «обратной связи», превратить объективную реальность конкурсный отбор и возрастную ротацию соответствующих кадров. Указанные меры должны стать лишь началом всесторонних преобразований, главной целью которых должна стать тотальная перестройка управленческого менталитета, который должен не обращаться к феодальным традициям, а непрерывно воспринимать инновационные импульсы постиндустриального общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия «двухтысячных»: стереоскопический взгляд. М., 2011. – С. 373.
2. Там же. С. 380.

Научное издание

ЮЖНОРОССИЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВЫПУСК 97

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Отв. редактор Добаев И.П.

Сдано в набор 14.06.2018. Подписано в печать 29.06.2018.
Печать цифровая, гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 10,2.
Формат 60x84/16. Тираж 550 экз. Заказ № 153.

Отпечатано в типографии
ООО «Фонд науки и образования»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111.
тел. 8-918-570-30-30.